

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 19

№ 1 · 2018

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2018

Согласно Ф3 от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 406-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Журнал издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru

Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Подписано в печать 20.03.2018.
Уч.-изд. л. 11,04. Усл. печ. л. 11,33.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; **Журавлев А.А.**, д-р психол. наук, проф., академик РАН, Институт психологии РАН, Россия; **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; **Мкртчян А.Е.**, д-р филос. наук, Ереванский государственный университет, Армения; **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф., Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия; **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф., Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина; **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; **Рот С.**, PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Россия; **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф., РАНХиГС, Россия.

Редакционная коллегия:

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф., Краснодарский университет МВД, Россия; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц., НИУ ВШЭ, Россия; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (*зам. главного редактора*); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф., ЮФУ, Россия; **Проказина Н.В.**, д-р социол. наук, проф., Среднерусский институт управления РАНХиГС, Россия; **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук, КубГУ, Россия (*тех. директор*); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ, Россия; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Хагуров Т.А.**, д-р социол. наук, КубГУ, Россия.

1-2018

Содержание

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

- Сморгунов А. В.* Бюджет для граждан: опыт анализа российских регионов с использованием QCA 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Елсаков А. С.* Вертикальные и горизонтальные разделения в партийных системах государств Западных Балкан: случаи Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии. 18
- Лошкарёв И. Д.* Связка «миграция-развитие» в рамках глобального режима в сфере миграции. 42

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

- Рогочая Г. П., Савва Е. В., Улько Е. В.* Этничность как контекст конфликтного взаимодействия: психологический и социально-политический аспекты. 61

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

- Казакова А.Ю.* Эмпирические типы жилищной депривации: оценка внутри- и межрегионального варьирования (на примере Калужской области) 76

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Белых Т.В., Князев Е.Б.* Вариабельность социально-когнитивных предикторов подчиняемости авторитету в зависимости от степени её выраженности. 91
- Хозяинова П.М.* Связь личностных особенностей матерей и характера взаимодействия матери с ребенком в неполной семье 102

ОБЗОРЫ

- Покуль В.О.* Поведение потребителей как объект междисциплинарных исследований: обзор научных взглядов и концепций 117
- Наши авторы. 127
- К сведению авторов 129
- Порядок приёма и рецензирования рукописей 135

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

1-2018

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 406N, Krasnodar 350040, Russian Federation tel. +7 861 2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Contributions for publication are accepted at chsu1999@yandex.ru

Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Academician Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Artur E. Mkrtichyan**, Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Steffen Roth**, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle, France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Sciences), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Sciences), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia.

Editorial Board:

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghe State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy), Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia; **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology), Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russia; Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Sciences), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Natal'ja V. Prokazina**, Dr. Sci. (Sociology), Central Russian Institute of Management, Branch of Russian Academy of Economy and Public Service, Orel, Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban State University, Krasnodar, Russia.

PUBLIC POLICY

- Smorgunov L.V.* The budget for citizens: analysis of the Russian regions using the QCA 6

POLITICAL INSTITUTES AND PROCESSES

- Elsakov A.S.* Vertical and horizontal divisions in party systems of states in western Balkans: cases of Bosnia and Herzegovina, Serbia and Croatia 18
- Loshkariov I. D.* The migration-development nexus within the framework of the global migration regime 42

POLITICAL CONFLICTOLOGY

- Rogochaya G. P., Savva, E. V., Ul'ko E. V.* Ethnicity as a context of conflict interaction: psychological and socio-political aspects 61

SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

- Kazakova A.Y.* The empirical types of housing deprivation: evaluation of intra- and inter-regional variation (as exemplified by Kaluga region) 76

PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Belykh T.V., Knyazev E.B.* Variability of socio-cognitive predictors of obedience to authority depending on the degree of expressiveness of self-perception an obedient personality 91
- Hozyainova P.M.* Connection between personality traits of mothers and the nature of interaction with the child in a single parent family 102

REVIEWS

- Pokul V.O.* Consumer behavior as a subject of interdisciplinary research: overview of scientific views and concepts 117

CONTRIBUTORS

- Information for contributors 134

БЮДЖЕТ ДЛЯ ГРАЖДАН: ОПЫТ АНАЛИЗА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ QCA¹

.....

Сморгунов Л. В.

Сморгунов Леонид Владимирович, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Эл. почта: l.smorgunov@spbu.ru

Практика участия граждан в процессе формирования, мониторинга и оценки эффективности публичного бюджета стала наиболее важной формой сотрудничества граждан и правительства. Особое значение эта форма приобретает в условиях цифрового правительства, когда формируется платформа для «совместного производства» публичных бюджетов. Современное бюджетирование на основе сотрудничества трансформирует проекты бюджетной политики, системы ответственности, процессы выявления общественных ценностей и т.д. В настоящей статье анализируется российская практика открытого бюджета для граждан в контексте социально-экономических и информационных условий, которые создают инклюзивную способность регионов. Эта практика введена в 2013 г. на федеральном и региональном уровнях. Хотя институты бюджета для граждан используются для легитимации режимов, они также являются факторами взаимного обучения для сотрудничества. Прозрачность бюджетных данных, участие граждан в бюджетировании, инициативное бюджетирование влияют на характер российских проектов инклюзивного бюджетирования в регионах. На основании различных рейтингов открытого бюджетирования и изучения структуры возможностей для участия в статье объясняется сложная конфигурация условий для открытости бюджета и участия в бюджетировании граждан. Выделяются три модели политики внедрения форм электронного участия в бюджетировании. Основная гипотеза исследования состоит в том, что чем выше уровень инклюзивной способности региона, тем выше открытость бюджетных данных и активнее участие граждан в бюджетировании. Для сравнения 22 регионов России использовался метод сравнительного качественного анализа (QCA).

Ключевые слова: открытый бюджет, бюджет для граждан, реквизиты для открытого бюджета, инклюзивные возможности, российские регионы, метод QCA.

В последнее время понятия «сотворчество» и «совместное производство» стали активно использоваться как инновации в политологии, публичном управлении, социологии. Первоначально эти концепты зафиксировали новое отношение к предоставлению государственных услуг, а также были направлены против рыночного подхода к организации этой деятельности (Bovaird, Loffler, 2015). Новое дыхание эти концепты приобрели в развитии движения за цифровое

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-011-00756 А «Изучение гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства».

управление. В последние годы понятие «совместное производство» получило развитие при изучении государственной политики в целом. По сравнению с категориями «сотрудничество», «участие общественности» это понятие расширило понимание цикла государственной политики, затрагивая проблематику политических дизайнов, управления публичной политикой, совместной разработки и реализации публичных ценностей и др. Совместное производство является новой темой для демократической публичной политики в мире неопределенности и сложности. Многие исследователи сосредоточили свое внимание на представлении исследовательских материалов, касающихся «управления посредством сотрудничества», «совместного создания» и «совместного производства» публичной политики не только по указанным аспектам темы, но и по отношению к влиянию сотрудничества в области государственной политики, которое соответствовало бы устойчивому и инклюзивному развитию (Cabanès, 2004; Krenjova, Raudla, 2017).

Одна из форм такого вовлечения граждан в государственную политику — составление бюджета на основе участия. Первый опыт такого бюджетирования мы видим в 1980-х гг. в Бразилии (Souza, 2001). В дальнейшем бюджеты на основе участия были использованы многими странами и регионами (Ganuza, Frances, 2012; Rios, Bastida, Benito, 2014; Rocker, 2014). Изучение бюджетирования для граждан, как правило, относится к внутреннему механизму участия граждан в разработке бюджета на различных уровнях государственной политики, к обсуждению бюджетных данных и разработке совещательной демократии, к эффективности расходов бюджета с точки зрения гражданского участия. Ряд исследователей согласны с тем, что составление бюджетов на основе участия является одной из форм инклюзивных институтов, которые способствуют повышению общего обоснования бюджетных расходов и формированию новой когорты граждан, желающих участвовать в делах муниципалитетов, региональных властей и правительства страны.

При изучении совместного бюджетирования используется теоретическая модель, описывающая условия для его появления и контекстуальных факторов, которые влияют на его включение в общий дизайн государственной политики, определяющий ее целостность и эффективность (Rios, Bastida, Benito, 2014). В некоторых работах описывается специфика распространения опыта участия в бюджетировании, подчеркиваются такие формы, как обучение, конкуренция, давление и имитация (Krenjova, Raudla, 2017). В данной статье мы акцентируем внимание на основных реквизитах / условиях, которые способствуют формированию возможности и желания граждан участвовать в составлении бюджета. Эти возможности и готовность связаны с использованием условий и построением институтов, которые определяют способность граждан к участию.

В России политика привлечения граждан к бюджетному процессу началась в 2013 г. В совместном Приказе Министерства финансов, Министерства регио-

нального развития и Министерства экономического развития от 22 августа 2013 г. были утверждены Методические рекомендации по представлению бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и отчетов об их осуществление в доступной форме для граждан. В Бюджетном Послании Президента Российской Федерации по бюджетной политике в 2014–2016 гг. говорилось, что с 2013 г. на всех уровнях администрации должна быть опубликована брошюра «Бюджет для граждан», которая позволяет информировать население в доступной форме о соответствующих бюджетах, планировать и добиваться результатов использования бюджетных средств (Бюджетное..., 2013). В октябре была опубликована модель первого федерального «Бюджета для граждан», в декабре представлена обновленная версия «Бюджета для граждан» в соответствии с Федеральным законом о бюджете от 2 декабря 2013 г. № 349-ФЗ. Это дополнение к закону было рекомендовано Государственной Думой и Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. На портале открытого правительства был создан специализированный веб-сайт «Бюджет для граждан» (<http://budget.open.gov.ru/>), который стал началом распространения практики открытого бюджета в регионах и муниципалитетах России. В настоящее время все 85 регионов имеют открытый бюджет для граждан, а сотни муниципалитетов используют практику гражданского бюджетирования. В то же время начинаются пилотные проекты по внедрению бюджета для граждан на муниципальном уровне в таких городах, как Сосновый Бор, Череповец, Мирный и др. В последующие годы концепция бюджета для граждан развивалась в направлении не только улучшения представления бюджетных данных для граждан, но и расширения практики привлечения граждан к самому бюджетному процессу.

Общие требования к представлению данных для гражданского бюджета определены в «Методических рекомендациях». В бюджет для граждан обычно включаются следующие разделы: глоссарий, поясняющий основные понятия, используемые в бюджетном процессе; общее описание региона; основные показатели социально-экономического развития региона в соответствии с прогнозом его социально-экономического развития; основные задачи и приоритетные направления бюджетной политики региона на следующий финансовый год и период планирования; основные характеристики бюджета (в абсолютном и относительном выражении), в том числе информация о доходах и расходах, межправительственные трансферты, планируемые к получению из федерального бюджета (бюджет субъекта Российской Федерации, местный бюджет), а также бюджетный дефицит / профицит; базовая информация о межбюджетных отношениях региона, в том числе информация о трансферах из федерального бюджета (бюджет субъекта Российской Федерации), направляемых в местные бюджеты, которые планируется получить из местных доходов; уровень долговой нагрузки на региональный бюджет, включая структуру его задолженности; информация о положении региона в рейтингах открытости бюджетных данных, о качестве управления региональными финансами; информация о холдинге и участии

региона в конкурсах проектов по представлению бюджетов для граждан, об осуществлении проектов активного бюджетирования, а также о проектах, направленных на повышение бюджетной грамотности населения.

В то же время информация должна соответствовать ряду критериев: 1) достаточность; 2) ясность; 3) релевантность; 4) надежность; 5) доступность; 6) своевременность. Бюджет для граждан ориентирован на определенные целевые группы граждан. Целевая группа и ее состав могут определяться критериями для назначения граждан и / или организаций, получающих поддержку (или другие формы оплаты) из бюджета, в конкретную целевую группу. К таким критериям могут относиться качественные характеристики представителей целевых групп, количество представителей целевой группы и ее социальная значимость, объем бюджетных ассигнований, направленных на поддержку целевой группы. Целевая группа может быть группой граждан и / или организаций, которой предстоит осуществлять деятельность по реализации государственной программы субъекта Российской Федерации (муниципальная программа).

Начиная с 2015 г. Финансовый институт исследований и развития по заказу Минфина РФ оценивает регионы России в соответствии с критериями открытых бюджетов. Методология оценки регионов устанавливает ориентиры для передового опыта в отношении содержания и доступности бюджетных документов, а также использования механизмов участия общественности в бюджетном процессе. Для нашего исследования мы использовали результаты ранжирования регионов на 2015 г. Для анализа эмпирических данных выбрана методология основанного на булевой алгебре сравнительного качественного анализа, разработанного Чарльзом Рэйджином (QCA), (Ragin, 1987; Ragin, Meyer, Drass, 1989). Этот подход позволяет не только изучать сложное разнообразие условий события, процесса или объекта, но и формулировать определенные идеи о каузальном механизме, задействованном для достижения определенного результата.

На практике уровень открытости бюджетных данных в регионах и реализация программы «Бюджет для граждан» в определенной степени определялись деятельностью региональных властей по выполнению задач, возложенных на них федеральным правительством. В то же время следует отметить, что дифференциация регионального развития в его различных аспектах — экономическом, социальном и цифровом — на первый взгляд не повлияла на темпы и интенсивность внедрения новых подходов к составлению бюджета. В рейтинговой таблице регионы с разной степенью социально-экономического развития попали в раздел 1 (регионы с очень высоким уровнем открытых бюджетных данных) и раздел 2 (регионы с высоким уровнем открытости бюджетных данных). Статистический анализ соотношения открытости бюджетных данных и уровня социально-экономического развития (выраженный в региональном ВВП на душу населения) показывает низкие результаты (r близок к 0). Каков объединяющий фактор влияния на открытость бюджетных данных в региональном контексте?

Для нашего исследования этот сложный процесс гражданского бюджетирования характеризует инклюзивность регионов. В условиях регионального развития мы понимаем состояние инклюзивности достигнутым, когда граждане стремятся участвовать (и имеют возможность для такого участия), государственные органы открыты для участия, а сами граждане используют результаты развития. Потенциал инклюзивности связан с институтами, которые предоставляют возможность для участия. В этом смысле основная гипотеза исследования заключается в том, что чем выше уровень инклюзивной способности региона, тем выше открытость бюджетных данных и гражданское участие в бюджетном процессе. Конечно, в определенной степени открытый бюджет сам по себе является фактором инклюзивности, т.е. может действовать как независимая переменная. Однако в этом случае мы учитываем период времени, когда открытый бюджет был целью, а не средством достижения какого-либо результата.

На наш взгляд, четыре характеристики инклюзивного потенциала региона в аспекте рассматриваемой темы значительны. Во-первых, инклюзивность подразумевает высокий уровень возможностей для граждан использовать информацию. Этот уровень определяется, с одной стороны, развитием новых средств коммуникации и информации, с другой — открытостью государственных и муниципальных властей. С этой целью мы сформулировали две переменные: *inf* — уровень развития информационного общества в регионе и *serv* — доля граждан, которые готовы использовать электронные услуги. Во-вторых, инклюзивная способность обеспечивается состоянием среднего класса в регионе (*income*) и качеством жизни (*life*). Операционализация этих переменных и, следовательно, их метрические значения взяты из разных источников. Развитие информационного общества (*inf*) определяется по данным Министерства связи Российской Федерации (Минкомсвязь России..., 2015). Доля граждан, зарегистрированных в Едином реестре государственных услуг, дает показатель *serv* (услуга). Состояние среднего класса в регионе (*income*) рассчитывается медианным доходом на душу населения в соответствии с Росстатом (По расчетам..., 2016). И наконец, качество жизни (*life*) определяется в соответствии с качеством жизни в российских регионах (сведения размещены на портале Riarating) (Рейтинг российских..., 2015).

В качестве зависимых переменных в нашем исследовании мы приняли общие рейтинговые данные о состоянии открытости бюджетных данных в регионах России (*open*) и (*cit*) общие характеристики рейтинга относительно развития бюджета для граждан (Рейтинг субъектов..., 2015). Характеристики зависимой переменной *open* позволили говорить об общем состоянии региона в отношении реализации принципа открытости бюджетных данных для граждан, они были шире, чем бюджет для граждан, но охватывали базовый уровень готовности региона к открытому составлению бюджетов. Переменная *cit* характеризует уровень развития специальной программы «Бюджет для граждан» на региональном уровне.

Таблица 1

Таблица истинности для отношений между открытостью бюджета и его реквизитами (22 региона в 2015 г.)

<i>Life</i>	<i>Income</i>	<i>Inf</i>	<i>Serv</i>	Число случаев	<i>Open</i> (QCA характеристики для результата)	Состоятельность
1	0	1	1	7	1	1.000000
1	1	1	1	3	1	1.000000
1	0	1	0	2	1	1.000000
1	0	0	0	2	1	1.000000
0	0	1	0	2	1	1.000000
0	0	0	1	2	1	1.000000
1	1	1	0	1	1	1.000000
1	1	0	0	1	1	1.000000
0	1	1	1	1	1	1.000000
0	0	1	1	1	1	1.000000

Если использовать QCA-операторы (качественный сравнительный анализ), общую гипотезу исследования можно выразить следующей моделью:

$$Open(Cit) = Inf + Serv + Income + Life.$$

Открытость бюджетных данных в регионе определяется сочетанием четырех условий: информационным развитием региона или долей граждан, зарегистрированных в Едином реестре услуг, или наличием среднего класса, или качеством жизни населения.

Объектом исследования выступили регионы, получившие самые высокие баллы по раскрытию бюджетных данных в 2015 г. Таковыми были 22 региона.

Для исследования использовалась программа под названием QCA / fs (качественный сравнительный анализ / нечеткая логика). Эта программа специально адаптирована к социальным данным и активно применяется сегодня в сравнительных исследованиях. Программа QCA / fs имеет большие возможности и сама генерирует таблицу истинности из матрицы данных, поступающих на вход.

Чтобы провести Crisp-анализ, мы создали исходную таблицу истинности, в которую включили кодифицированные показатели зависимых и независимых переменных для каждого отдельного региона России. На основе использования программы была получена базовая таблица истинности для 22 случаев, включила в себя все независимые переменные (*Life*, *Income*, *Inf*, *Serv*), а также количество случаев, которые соответствуют конкретной конфигурации реквизитов.

Анализ табл. 1 с использованием алгоритма Куинна — МакКласки дает следующий результат конфигурации условий (1), которые определяют наличие высокой открытости бюджетных данных в регионах России.

Таблица 2

Таблица истинности для отношений между «бюджетом для граждан» и его реквизитами (22 региона в 2015 г.)

<i>Life</i>	<i>Income</i>	<i>Inf</i>	<i>Serv</i>	Число случаев	<i>Cit</i> (QCA характеристики результата)	Состоятельность
1	0	1	1	7	1	1.000000
1	1	1	1	3	1	1.000000
1	0	1	0	2	C	0.500000
1	0	0	0	2	1	1.000000
0	0	1	0	2	C	0.500000
0	0	0	1	2	C	0.500000
1	1	1	0	1	1	1.000000
1	1	0	0	1	1	1.000000
0	1	1	1	1	1	1.000000
0	0	1	1	1	1	1.000000

$$Open = Inf \cdot income + serv \cdot Life + Serv \cdot Inf + Serv \cdot income \cdot life. \quad (1)$$

Как видно из десяти возможных конфигураций причин открытости бюджетных данных, четыре конфигурации являются естественными для 22 регионов. Следует отметить, что конфигурация причин должна учитываться в целостности присутствия и отсутствия качества, хотя наличие условия указывает на его генерирующую мощность. Таким образом, из логического предложения (1) можно сделать вывод, что открытость бюджетных данных (*Open*) является результатом информационного общества и отсутствием среднего класса (*Inf \cdot income*) или незначительного включения населения в использование электронных услуг, но с высоким уровнем качества жизни (*serv \cdot Life*), или значительным включением населения в использование электронных услуг и Развитого информационного общества в региональном контексте (*Serv \cdot Inf*) или значительное включение населения в использование электронных услуг с незначительными показателями качества жизни и развитие среднего класса (*Serv \cdot income \cdot life*). Используя факторизацию булевых выражений, мы можем получить еще более экономичную формулу (2)

$$Open = Inf \cdot income + serv \cdot Life + Serv (Inf + income \cdot life). \quad (2)$$

Формула (2) показывает, что открытый бюджет требует трех основных реквизитов. Во-первых, необходимо обеспечить высокий уровень развития информационного общества; во-вторых, высокое качество жизни в регионе; в-третьих, наличие опыта использования электронных услуг гражданами. Правда, все эти реквизиты необходимы, но недостаточны, потому что мы видим их сочетание с другими факторами (их присутствие или отсутствие).

Аналогичная процедура была проведена для работы с таблицей истинности для 22 регионов для зависимой переменной *cit* (см. табл. 2). Из полученной таблицы истинности выявилось, что конфигурация условий такая же, как и для бюджетной открытости. Однако есть противоречивые результаты, закодированные буквой С, когда эта конфигурация генерирует результат и не генерирует его. Очевидность этого подтверждает показатель состоятельности сочетания условий. Противоречивые результаты требуют конкретной работы с ними. Чарльз Рейджин говорит, что их использование определяется теоретическими соображениями, которые должны быть обоснованы. Если учесть, что все противоречивые конфигурации дают положительный результат и включить их в анализ, то мы получим тот же окончательный вывод, что и в случае с изучением открытости бюджетных данных. В этом отношении формулы (1) и (3) будут похожи.

$$Cit = Inf \cdot income + serv \cdot Life + Serv \cdot Inf + Serv \cdot income \cdot life. \quad (3)$$

Концептуальный анализ показал, что актуальность соответствующих противоречивых конфигураций для получения результата (*cit*) не очевидна. Используя логику экспериментального анализа, мы приходим к выводу, что эти конфигурации не нужны для бюджета для граждан, поэтому можно пренебречь ими. Тогда использование алгоритма Куинна – МакКласки дает формулу, которая демонстрирует новый результат: при конфигурации условий появляется значительная переменная «Доход».

$$Cit = Serv \cdot Inf + serv \cdot inf \cdot Life + serv \cdot Income \cdot Life + Inf \cdot Income \cdot Life. \quad (4)$$

Используя качественный сравнительный анализ, мы показали то или иное значение влияния независимых переменных, таких как информация и социально-экономические реквизиты, на открытость бюджетных данных и введение бюджета для граждан. Однако гипотеза о прямом влиянии сосуществования этих условий не подтвердилась. Ни одно из них не является ни необходимой, ни достаточной причиной для результата. Однако исследование показало, что каждая независимая переменная выполняет свою задачу по стимулированию движения к открытым бюджетным данным или к бюджету для граждан. Вопрос о том, что ни одно из них не влияет отдельно, указывает на сложную структуру конфигурации переменных.

Как можно использовать полученный эмпирический результат в положительном смысле? По нашему мнению, результаты качественного сравнительного анализа говорят о разных типах или моделях введения открытых бюджетных данных и бюджета для граждан в российских регионах (табл. 3).

Анализ конфигурации условий приводит к выделению трех основных моделей для формирования открытого бюджета и бюджета для граждан. Первая модель условно называется технократической. В этой модели большое значение придается созданию информационной инфраструктуры и электронных услуг. В то

Таблица 3

Модели внедрения открытого бюджета и «бюджета для граждан» в российских регионах

Модель	Конфигурации условий	Случаи (регионы)
Технократическая модель	<i>Inf · income</i> <i>Serv · Inf</i> <i>Serv · income · life</i>	Астраханская область, Кировская область, Алтайский край
Пассивная модель	<i>serv · Life</i> <i>serv · inf · Life</i> <i>serv · Income · Life</i>	Краснодарский край, Оренбургская область, Республика Адыгея
Инклюзивная модель	<i>Inf · Income · Life</i>	Омская область, Красноярский край, Мурманская область, Московская область, Башкортостан, Воронежская область

же время по разным причинам социально-экономические факторы, которые предоставляют свободные возможности для участия, принадлежат к второстепенному плану. К таким регионам относятся Астраханская область, Кировская область и Алтайский край.

Во второй модели наблюдается пассивный подход к формированию условий для открытого бюджета и бюджета для граждан. Высокое качество жизни и более или менее благоприятные условия для распределения доходов считаются более важными, чем развитие электронной демократии для граждан. Последние вопросы решаются эволюционно вместе с общей политикой развития региона. Нет активного обучения и желания мобилизоваться для участия. Эти регионы включают Краснодарский край, Оренбургскую область, Республику Адыгею и в меньшей степени Ханты-Мансийский автономный округ, Ставропольский край и Удмуртскую Республику.

Большинство исследованных регионов используют третью стратегию объединения условий. В эти регионы входят Омская область, Красноярский край, Мурманская область, Московская область, Башкортостан, Воронежская область. Данную модель можно условно обозначить как *инклюзивную*. Для всестороннего развития важны не только создаваемые возможности для участия, но и сочетание этих возможностей с теми, которые в этом случае обеспечиваются электронной демократией. В указанных регионах развитие информации, предоставление электронных услуг, качество жизни и справедливое распределение объединяются в сложную конфигурацию условий.

Конечно, в этом исследовании был проанализирован только 2015 г. и изучены только самые развитые регионы с точки зрения степени открытости бюджетных данных и развития бюджета для граждан. Однако выбранный объект исследования был разработан для поиска более или менее стабильных отношений между реквизитами электронного участия граждан на основе открытых бюджетных

данных. Более развитые регионы показывают более чистые условия для сложного сочетания факторов и моделей перехода.

* * *

В представленной статье рассмотрены сложные конфигурации факторов, которые связаны с разработкой открытых бюджетных данных и бюджета для граждан в российских регионах. Уточнена основная гипотеза о непосредственном влиянии этих факторов на процесс формирования бюджетирования, основанного на участии. Выявлено, что каждый фактор имеет определенную конфигурационную связь с другими реквизитами изучаемых процессов. В чистом виде ни один из факторов не показал свою эффективность. На основе сложной конфигурации зависимостей был сделан вывод о том, что можно говорить о трех моделях формирования условий для открытого бюджета и бюджета для граждан: технократической, пассивной и инклюзивной. Эти выводы основаны на исследовании 22 наиболее развитых регионов с точки зрения уровня открытости бюджетов. Для анализа конфигурации зависимости использовался метод качественного сравнительного анализа (QCA). Для уточнения этих результатов и формирования новых концептуальных подходов потребуются дальнейшие исследования большего разнообразия условий и случаев.

Библиографический список

1. Бюджетное послание Президента Российской Федерации «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» 13 июня 2013 г. Режим доступа <http://kremlin.ru/acts/news/18332>
2. По расчётам Росстата. (2016). D-russia.ru. Режим доступа <http://d-russia.ru/rosstat-zafiksiroval-perevypolnenie-plana-dostichv-2016-g-50-dlya-pokazatelya-dolya-grazhdanispolzuyushhih-elektronnye-gosuslugi.html>
3. Минкомсвязь России представила рейтинг регионов по уровню развития информационного общества. (2016, 21 апреля). Минкомсвязь России. Режим доступа <http://minsvyaz.ru/ru/events/35027/>. Accessed 21 Apr 2017.
4. Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2015. (2016, 25 февраля). РИА Рейтинг. Режим доступа http://riarating.ru/regions_rankings/20160225/630011011.html
5. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных (2015). Режим доступа <https://www.nifi.ru/ru/rating/2015/rezultaty-rejtinga-2015.html>
6. Bovaird, T., Loffler, E. (2012). From Engagement to Co-Production: How Users and Communities Contribute to Public Services. In V. Pestoff, T. Brandsen, B. Verschuere (Eds). *New Public Governance, the Third Sector and Co-production* (pp. 35–60). New York, London.
7. Cabannes, Y. (2004). Participatory Budgeting: A Significant Contribution to Participatory Democracy. *Environ. Urban*, 16 (1), 27–31.
8. Ganuza, E., Frances, F. (2012). The Deliberative Turn in Participation: The Problem of Inclusion and Deliberative Opportunities in Participatory Budgeting. *Eur. Polit. Sci. Rev.*, 4 (2), 283–302.

9. Krenjova, J., Raudla, R. (2017). Policy Diffusion at the Local Level: Participatory Budgeting in Estonia. *Urban Aff. Rev.*, 3 (4), 1–29.
10. Ragin, C. (1987). *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley.
11. Ragin, C., Meyer, S., Drass, K. (1984). Assessing Discrimination: A Boolean Approach. *Am. Sociol. Rev.*, 49 (2), 221–234.
12. Rios, A.-M., Bastida, F., Benito, B. (2014). Budget Transparency and Legislative Budgetary Oversight: An International Approach. *Am. Rev. Pub. Adm.*, 46 (5), 546–568.
13. Rocker, A. (2014). *Framing Citizen Participation: Participatory Budgeting in France, Germany and the United Kingdom*. Basingstoke.
14. Souza, C. (2001). Participatory Budgeting in Brazilian Cities: Limits and Possibilities in Building Democratic Institutions. *Environ. Urban*, 13 (1), 159–184.

Статья поступила в редакцию 20.10.2017.

.....

THE BUDGET FOR CITIZENS: ANALYSIS OF THE RUSSIAN REGIONS USING THE QCA

Smorgunov L. V.

Smorgunov Leonid Vladimirovich, St. Petersburg State University, 199034, Russia,
St. Petersburg, Universitetskaja nab., 7/9. E-mail: l.smorgunov@spbu.ru

The work was written under the RFBR grant 18-011-00756 A “Studying civil participation in public governance in the conditions of forming a digital government”.

Citizens' participation in forming, monitoring and evaluating the effectiveness of the public budget has become the most important form of collaboration between citizens and the government. This form takes on special significance in the conditions of the digital government, when a platform is formed for the “co-production” of public budgets. Modern budgeting on the basis of collaboration transforms the designs of budget policy, responsibility systems, processes of revealing public values, etc. This paper analyzes the Russian case of an open budget for citizens in the context of various conditions: socioeconomic and informational, which create inclusive capacity of regions. This practice was introduced in 2013 at the federal and regional levels. Although the institutions of the “budget for citizens” are used to legitimize the regimes, they are also factors of mutual learning for collaboration. Transparency of budget data, participation of citizens in budgeting, initiative budgeting affect the Russian designs of inclusive budgeting in the regions. Based on various ratings of open budgeting and the study of the structure of opportunities for participation, a complex configuration of the conditions for the openness of the budget and participation in the budgeting of citizens is explained. Three models of the policy of electronic participation in budgeting are singled out. The main hypothesis of the study is that the higher the level of inclusive capacity of the region, the higher the openness of budget data and citizen participation in budgeting. To compare the 22 regions of Russia, the method of comparative qualitative analysis (QCA) was used.

Keywords: open budget, budget for citizens, requisites of open budget, inclusive capacities, Russian regions, method QCA.

References

1. Bovaird, T., Loffler, E. (2012). From Engagement to Co-Production: How Users and Communities Contribute to Public Services. In V. Pestoff, T. Brandsen, B. Verschuere (Eds). *New Public Governance, the Third Sector and Co-production* (pp. 35–60). New York, London.
2. Budgetnoe poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii “O budgetnoy politike v 2014–2016 godah” 13 iyunia 2013 [The Budget Address of the President of the Russian Federation “On the Budget Policy in 2013–2016”, June 13, 2013]. Retrieved from <http://kremlin.ru/acts/news/18332>
3. Cabannes, Y. (2004). Participatory Budgeting: A Significant Contribution to Participatory Democracy. *Environment and Urbanization*, 16 (1), 27–31.
4. Ganuza, E., Frances, F. (2012). The Deliberative Turn in Participation: The Problem of Inclusion and Deliberative Opportunities in Participatory Budgeting. *European Political Science Review*, 4 (2), 283–302.
5. Krenjova, J., Raudla, R. (2017). Policy Diffusion at the Local Level: Participatory Budgeting in Estonia. *Urban Affairs Review*, 3 (4), 1–29.
6. Minkomsvjaz’ Rossii predstavila rejting regionov po urovnju razvitija informacionnogo obshchestva [The Ministry of Telecom and Mass Communications of the Russian Federation Has Presented the Rating of Regions on the Level of Development of Information Society]. (2016, April 21). Minkomsvjaz’ Rossii [Ministry of Telecom and Mass Communications of the Russian Federation]. Retrieved from <http://minsvyaz.ru/ru/events/35027/>
7. Po raschetam Rosstat [On the Accounts of the Rosstat]. (2016). D-russia.ru. Retrieved from <http://d-russia.ru/rosstat-zafiksiroval-perevypolnenie-plana-dostichv-2016-g-50-dlya-pokazatelya-dolya-grazhdanispolzuyushhih-elektronnye-gosuslugi.html>.
8. Ragin, C. (1987). *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley.
9. Ragin, C., Meyer, S., Drass, K. (1984). Assessing Discrimination: A Boolean Approach. *American Sociological Review*, 49 (2), 221–234.
10. Reiting rossiyskih regionov po kachestvu szizni — 2015 [The 2015 Rating of the Russian Regions on a Quality of Life]. Retrieved from http://riarating.ru/regions_rankings/20160225/630011011.html
11. Reiting sub’ektov Rossiyskoy Federatsii po urovniu otkrytosti budgetnyh dannych (2015) [The 2015 Rating of the Russian Regions on the Levels of Openness of Budget Data]. Retrieved from <https://www.nifi.ru/ru/rating/2015/rezultaty-rejtinga-2015.html>
12. Rios, A.-M., Bastida, F., Benito, B. (2014). Budget Transparency and Legislative Budgetary Oversight: An International Approach. *American Review of Public Administration*, 46 (5), 546–568.
13. Roker, A. (2014). *Framing Citizen Participation: Participatory Budgeting in France, Germany and the United Kingdom*. Basingstoke.
14. Souza, C. (2001). Participatory Budgeting in Brazilian Cities: Limits and Possibilities in Building Democratic Institutions. *Environment and Urbanization*, 13 (1), 159–184.

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ В ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМАХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН: СЛУЧАИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ, СЕРБИИ И ХОРВАТИИ

Елсаков А. С.

Елсаков Антон Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Эл. почта: anton.elsakov@gmail.com

В настоящей статье предпринимается попытка применения модели Лучано Барди и Питера Мэра к анализу партийных систем государств Западных Балкан с целью проследить наличие в них вертикальных и горизонтальных разделений на примере партийных систем Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии. Данные разделения могут иметь воздействие как на состав и количество элементов партийной системы, так и на преобладающий способ соревнования акторов в системе. Значимое присутствие указанных разделений способно настолько изолировать отдельные функциональные арены партийной системы, в которых протекает межпартийное соревнование, что можно вести речь не о целостной партийной системе, а о наличии ряда подсистем единой партийной системы или даже о нескольких партийных системах в конкретной политике. В конечном счете целостность партийной системы определяется степенью присутствия разделений в партийной системе национального уровня и, соответственно, степенью изолированности отдельных составляющих партийной системы друг от друга. На основе данных об особенностях избирательных систем трех государств, их административно-территориальном устройстве и электоральных результатах акторов партийной системы, имеющих отношение к упомянутым разделениям, сделан вывод о варьирующейся степени значимости этих разделений для функционирования партийных систем указанных стран: в рамках партийной системы Боснии и Герцеговины в действительности существует ряд в значительной степени изолированных друг от друга партийных систем, особенно на электоральной арене, партийная система Сербии характеризуется наличием региональной подсистемы в рамках партийной системы национального уровня, в то время как в Хорватии существует единая партийная система, но с присутствием сильного регионального кластера.

Ключевые слова: политические партии, партийная система, избирательная система, подсистема партийной системы, функциональная арена, вертикальное разделение, горизонтальное разделение, социальный раскол, Босния и Герцеговина, Сербия, Хорватия, Западные Балканы.

Вертикальные и горизонтальные разделения в партийных системах

В политической науке на сегодняшний день можно выделить два основных направления в анализе партийных систем. Чаще всего партийные системы

принято исследовать, во-первых, с точки зрения числа и относительной силы акторов, присутствующих в партийной системе, где системы оцениваются на основе данных о количестве релевантных партий в системе, что позволяет делать выводы о возможном состоянии партийной системы в контексте присущих ей ограничений, определяемых ресурсными возможностями ее отдельных элементов. Во-вторых, партийные системы исследуются в зависимости от степени их идеологической поляризации, где свобода поведения акторов в системе и системные ограничения, ограничивающие данную свободу, определяются интенсивностью идеологического соревнования между акторами системы, а также средоточием тех основных вопросов, вокруг которых вращается партийное соревнование и которые, как правило, выражены в позициях политических партий по основным фундаментальным вопросам развития общества и государства.

Между тем в ряде политик существуют внутренние разделения, которые не могут быть сведены лишь к какому-либо одному идеологическому измерению системы, поскольку могут содержать элементы нескольких основных измерений, существующих в партийной системе, а также способны повлиять и на количество и силу акторов, действующих в партийной системе. Лучано Барди и Питер Мэр (см.: Bardi and Mair, 2008) выделяют три вида подобных разделений: вертикальные, горизонтальные и функциональные. Возможны ситуации, при которых одно или комбинация указанных разделений настолько явно присутствуют в партийной системе государства и в столь сильной мере определяют основную динамику межпартийного соревнования, что не приходится говорить о единой партийной системе на всех ее уровнях. В рамках различных функциональных арен (парламентской, электоральной и правительственной) может существовать в значительной степени различающаяся динамика и направленность межпартийного соревнования со своими особыми, присущими только отдельно взятой арене характеристиками, что потенциально может практически полностью изолировать отдельные части партийной системы друг от друга. Как утверждают Л. Барди и П. Мэр (Bardi and Mair, 2008), «способность конкретной политики иметь более чем одну партийную систему... может быть связана с важными разделениями внутри самой политики... Вертикальные разделения ассоциируются прежде всего с сегментированными политиями или с политиями, в которых острый раскол полностью отделяет два избирательных корпуса. Горизонтальные разделения могут ассоциироваться с сильно децентрализованными политическими системами, в которых более низкие политические единицы обладают значительной автономией в использовании своих политических прерогатив». Присутствие упомянутых разделений может нам позволить заключить, что почти невозможно говорить о какой-либо конкретной политике, характеризующейся единой, или единственной, партийной системой. Однако системы, характеризующиеся подобными разделениями, не обязательно должны быть полностью отделенными друг от друга, и реальная степень несоответствия между отдельными составными

частями партийной системы будет главным образом зависеть от относительной открытости каждой из них.

Цель настоящей статьи — попытаться применить модели Л. Барди и П. Мэра к анализу партийных систем в политиях региона Западных Балкан, характеризующихся как мультиэтническим, так и более гомогенным составом населения; как четкими тенденциями децентрализации государственного устройства, так и менее ярко выраженными элементами регионализма. В статье демонстрируется варьирующаяся степень значимости внутренних разделений для функционирования партийных систем Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии. Кроме того, в последней части статьи указывается на взаимосвязь присутствующих в партийных системах внутренних разделений и социальных расколов как структурных оснований формата партийных систем.

Вертикальное разделение в партийной системе Боснии и Герцеговины: отдельные партийные системы в рамках национальной партийной системы

По Дейтонскому соглашению 1995 г. государственное и административно-территориальное устройство Боснии и Герцеговины (БиГ) весьма специфично. В литературе встречаются такие категоризации БиГ, как «асимметричная конфедерация», «союз двух самостоятельных политических образований», «сегментированное государство», «слабая федерация», «неполная федерация» и т.д. (см.: Mujagić, 2015). Хотя и нельзя говорить, что Босния и Герцеговина является классическим примером государства, построенного на основе принципа этнического федерализма, так как это бы подразумевало организацию каждой этнической группы в виде федеральной единицы, ряд авторов считает: в политическом смысле данный элемент очевиден и отражен в концепции конституционных народов. Нермина Муягич (Mujagić, 2015), к примеру, отмечает, что Босния и Герцеговина является политическим союзом трех конституционных народов, а ее государственное устройство основано на видимых элементах этнического федерализма. Очевидно, что современная структура государственных институтов БиГ отражает попытку реализации на практике модели консоциативной (сообщественной) демократии, опирающейся на концепцию мирного сосуществования четко разграниченных между собой сообществ, как правило, идентифицирующих себя в качестве отдельных этнических групп (см.: Lijphart, 1969; 1977). В данной связи крайне важна специфика избирательной системы Боснии и Герцеговины: государство не является одной избирательной единицей, а имеет избирательные единицы нескольких уровней, в зависимости от того, о выборах в органы власти какого уровня идет речь. Распределение мест по итогам выборов в нижнюю палату парламента общенационального уровня (Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины) происходит в соответствии с результатами, продемонстрированными участниками выборов в двух больших избирательных единицах (ИЕ),

соответствующих энтитетам (политическим единицам, составляющим БиГ): 501 ИЕ (Федерация Боснии и Герцеговины, ФБиГ) и 502 ИЕ (Республика Сербская, РС). Однако для определения конечного результата, показанного участниками выборов в этих двух единицах, каждая из них делится, в свою очередь, еще на несколько избирательных единиц. Таким образом, фактически партии попадают в национальный парламент Боснии и Герцеговины сообразно своим результатам в пяти избирательных единицах, составляющих 501 ИЕ (с 511 по 515 ИЕ), и в трех избирательных единицах, составляющих 502 ИЕ (с 521 по 523 ИЕ).

Непростые исторические обстоятельства становления наций-этносов на территории страны (в составе населения которой можно отметить три основные этнические группы — боснийцев-мусульман, сербов и хорватов), отмеченные процессами взаимного противостояния, в том числе и цивилизационного характера, делают весьма вероятным существование в политике Боснии и Герцеговины структурных расколов в понимании С. Липсета и С. Роккана (см.: Lipset and Rokkan, 1967) в виде политического разделения по этническому основанию и отсюда крайнюю релевантность так называемого второго (ценностного), основанного на чувстве идентичности (в противовес «первому», экономическому/материалистическому), идеологического измерения в партийной системе Боснии и Герцеговины, что создает благоприятную почву для существования ярко выраженного вертикального разделения в партийной системе государства. Для выявления наличия этого разделения важно определить, насколько стабильными во времени являются результаты партий, ориентирующихся на четко определенные этнические группы населения. С этой целью нами была подсчитана совокупная электоральная волатильность так называемых партий национальных корпусов и партий «гражданской» ориентации на протяжении трех избирательных циклов (выборов в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины (ПА БиГ) с 2006 по 2014 г.)¹ на основе методологии М. Педерсена (см.: Pedersen, 1979). Соответствующие данные представлены в табл. 1 и 2.

Источник для табл. 1–2: собственные вычисления автора на основе методологии М. Педерсена и данных по выборам в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины.

Как видно из табл. 1, волатильность политических партий хорватского и сербского электоральных корпусов является крайне незначительной и стабильной во времени. Это указывает: вне зависимости от того, как именно партии ротируются

¹ Под партиями «национального корпуса» мы здесь подразумеваем партии, которые в своей деятельности ориентируются на / апеллируют к электорату, который преимущественно составляет конкретная этническая группа населения. Очень часто, однако необязательно всегда, подобные партии в своем названии содержат определенный этноним. Под партиями «гражданской» ориентации, соответственно, мы подразумеваем партии, которые не содержат подобные этнонимы в своем названии, в своих программных документах особо подчеркивают свою кросс-сообщественную идентичность, а их деятельность, по крайней мере, формально направлена на политическую активность в пределах всех этнических сообществ.

Таблица 1

Электоральная волатильность в партийной системе Боснии и Герцеговины среди партий сербского и хорватского избирательных корпусов по избирательным единицам, % голосов

ИЕ	Сербский электоральный корпус		Хорватский электоральный корпус	
	2014–2010 гг.	2010–2006 гг.	2014–2010 гг.	2010–2006 гг.
511	-0,28	2,51	2,48	0,13
512	-	-1,41	2,63	1,92
513	-0,44	-0,99	0,58	-0,17
514	-0,29	-0,33	1,34	-1,92
515	-0,04	-0,22	-0,20	0,32
521	1,27	0,65	-0,29	-0,10
522	3,63	1,47	-1,69	0,12
523	2,39	2,27	-	-

Таблица 2

Электоральная волатильность в партийной системе Боснии и Герцеговины среди партий боснийско-мусульманского избирательного корпуса и партий «гражданской» ориентации по избирательным единицам, % голосов

ИЕ	Боснийско-мусульманский электоральный корпус		Партии «гражданской» ориентации	
	2014–2010 гг.	2010–2006 гг.	2014–2010 гг.	2010–2006 гг.
511	10,50	-9,58	-11,88	6,09
512	1,71	-7,42	-4,35	6,94
513	-0,87	-12,85	0,72	14,56
514	7,02	-10,75	-8,05	12,98
515	11,61	-8,65	-11,37	5,55
521	-0,74	-1,91	-0,25	1,36
522	-0,12	-1,71	-1,80	-0,11
523	-1,04	-3,25	-1,33	-0,96

между собой внутри своего электорального корпуса, они коллективно сохраняют своих избирателей именно как партии одного избирательного корпуса. Столь низкая избирательная неустойчивость говорит о наличии связей высочайшей степени прочности между избирателями и их политическими представителями в среде определенного этнического электората. О невозможности акторов системы установить подобную прочную связь при отсутствии базирующихся на вопросах идентичности элементов говорит также тот факт, что в избирательных единицах, где число населения, относящегося к конкретной этнической группе,

Таблица 3

Результат партий хорватского и сербского электоральных корпусов на выборах в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины по избирательным единицам, % голосов

ИЕ	ХК			СК		
	2014 г.	2010 г.	2006 г.	2014 г.	2010 г.	2006 г.
511	15,58	13,1	12,97	3,36	3,64	1,13
512	58,88	56,25	54,33	–	–	1,41
513	2,12	1,54	1,71	0,64	1,08	2,07
514	17,96	16,62	18,54	–	0,29	0,62
515	8,54	8,74	8,42	0,20	0,24	0,46
521	0,46	0,74	0,84	91,24	89,97	89,32
522	1,17	2,86	2,74	89,18	85,55	84,08
523	–	–	–	92,13	89,74	87,47

Таблица 4

Результат партий боснийско-мусульманского электорального корпуса и партий «гражданской» ориентации на выборах в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины, по избирательным единицам (ИЕ), % голосов

ИЕ	БК			ГП		
	2014 г.	2010 г.	2006 г.	2014 г.	2010 г.	2006 г.
511	52,10	41,60	51,18	28,95	40,83	34,74
512	26,14	24,43	31,85	14,99	19,34	12,40
513	52,43	53,30	66,15	44,81	44,09	29,53
514	57,40	50,38	61,13	24,65	32,69	19,71
515	56,21	44,60	53,25	35,06	46,43	37,88
521	4,33	5,06	6,97	3,98	4,23	2,87
522	5,63	5,75	7,46	4,02	5,82	5,71
523	6,26	7,30	10,55	1,61	2,94	1,98

Примечание для табл. 3–4: ХК — доля голосов партий хорватского электорального корпуса, СК — партий сербского электорального корпуса, БК — партий боснийско-мусульманского электорального корпуса, ГП — партий «гражданской» ориентации.

Источник для табл. 3–4: собственные вычисления автора на основе данных по выборам в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины в 2006, 2010 и 2014 г.

невелико, партии, апеллирующие к этой группе населения, либо вовсе не участвуют в выборах, либо показывают весьма скромный результат. Это хорошо заметно на примере голосования за партии хорватского избирательного корпуса с 2006 по 2014 г. (табл. 3–4, где также приведены соответствующие данные для

партий «гражданской» ориентации, сербского и боснийско-мусульманского избирательных корпусов). Соответствующие данные мы соотносим с долями этнических групп в общем составе населения страны (табл. 5–6).

Данные, представленные в табл. 1–4, свидетельствуют о том, что избирательные результаты партий сербского и хорватского этнических корпусов почти без исключения согласуются с долями этих этнических групп в общем составе населения Боснии и Герцеговины, изменяясь пропорционально увеличению или уменьшению этих долей в составе населения. Между тем, в Федерации Боснии и Герцеговины (кроме 512 ИЕ) результат партий боснийско-мусульманского корпуса значительно меньше, чем доля этой этнической группы в составе населения энтитета (в 511 ИЕ разница составляет 19%, в 513 ИЕ — 31,9%, в 514 ИЕ — 14,7%, в 515 ИЕ — 25,8%). При этом именно в этих избирательных единицах партии «гражданской» ориентации имеют свои наилучшие результаты. Данные по электоральной волатильности двух групп партий здесь являются показательными: волатильность партий боснийско-мусульманского электорального корпуса находится в прямой связи с волатильностью партий «гражданской» ориентации (см. табл. 1) таким образом, что совокупное приобретение одних почти прямо пропорционально совокупным потерям других, что говорит о взаимопересечении их электоратов и указывает на то, что основной результат партиям «гражданской» ориентации в данных избирательных единицах приносит боснийско-мусульманский электорат. Поэтому, если учитывать результат партий «гражданской» ориентации, то аналогичная тенденция пропорциональности результатов партий этническому составу населения территорий характерна и для партий боснийско-мусульманского корпуса в тех избирательных единицах, где данная этническая группа не составляет большинство населения (единицы со значительным преобладанием сербского населения, относящиеся к Республике Сербской, а также 512 ИЕ, где большинство составляют хорваты).

Низкие показатели избирательной неустойчивости среди партий хорватского и сербского электоральных корпусов наряду с соответствием распределения голосов избирателей в отдельных избирательных единицах этническому составу населения в этих избирательных единицах, а также взаимопересечение электоратов боснийско-мусульманских партий и партий «гражданской» ориентации указывают на соревнование *внутри* этнически определенных электоратов как основную черту поля межпартийной конкуренции большинства партий в системе. Очевидно, что партийная система Боснии и Герцеговины в данном смысле отражает глубокое разделение государства по национальным корпусам, каждый из которых закрыт в собственных границах и достаточно надежно изолирован от внешних воздействий. Данное *вертикальное разделение*, характерное для глубоко сегментированных обществ, способно приводить к обособленности динамики соревнования на электоральном уровне партийной системы государства до такой степени, что зачастую не приходится говорить о единой партийной системе как таковой на всех функциональных аренах межпартийного соревнования, а скорее

Таблица 5

Доля трех основных этнических групп в общем составе населения Федерации Боснии и Герцеговины, по кантонам и избирательным единицам

ИЕ	Кантон в Федерации БиГ	Население, чел.	Боснийцы-мусульмане, %	Хорваты, %	Сербы, %
511	Унско-Санский	273261	90,03	1,86	3,09
	Ливаньский	84127	9,55	76,79	12,96
	По ИЕ в целом	357388	71,08	19,50	5,42
512	Герцеговинско-Неретванский	222007	41,44	53,29	2,90
	Западногерцего-винский	94898	0,76	98,76	0,11
	По ИЕ в целом	316905	29,26	66,90	2,06
513	Босанско-Подриньский	23734	94,01	0,10	3,73
	Кантон Сараево	413593	83,80	4,24	3,22
	По ИЕ в целом	437327	84,35	4,01	3,24
514	Зеничско-Добойский	364433	82,17	12,02	1,52
	Среднебосанский	254686	57,58	38,33	1,19
	По ИЕ в целом	619119	72,05	22,85	1,39
515	Посавский	43453	18,99	77,32	1,91
	Тузланский	445028	88,16	5,30	1,59
	По ИЕ в целом	488481	82,01	11,71	1,62

Источник: данные получены автором на основе информации, содержащейся в переписи населения Федерации Боснии и Герцеговины 2013 г. (см.: Popis stanovništva, domaćinstava/kućanstava i stanova u Bosni i Hercegovini 2013. godine).

Таблица 6

Доля трех основных этнических групп в общем составе населения Республики Сербской, по избирательным единицам

ИЕ	Население, чел.	Боснийцы-мусульмане, %	Хорваты, %	Сербы, %
521	527840	10,14	1,93	85,13
522	340578	13,28	4,45	80,24
523	301924	15,35	0,38	82,22

Источник: данные получены автором на основе информации, содержащейся в переписи населения Республики Сербской 2013 г. (см.: Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Српској 2013. године).

о ряде обособленных партийных систем, для каждой из которых характерны свои «возможности и ограничения» (см.: Sartori, 1976), действующие для акторов. Между тем, на парламентском уровне партийной системы соответствие результатов партий этнических электоратов долям населения, делающее вертикальное

разделение центральным для межпартийного соревнования на электоральном уровне, существенным образом нивелируется нарезкой избирательных единиц, произведенной таким способом, что в случае с Федерацией Боснии и Герцеговины они (кроме 513 и отчасти 515 ИЕ) включают кантоны, в составе населения которых нет тотального преобладания какой-либо одной этнической группы. Кроме того, обособленность партийных систем электорального уровня частично смягчается и несколько видоизменяется на парламентской арене еще и по причине осознанно избираемых политическими партиями как рационально действующими акторами стратегий: пройдя в парламент, партии уже не имеют необходимости столь четко стремиться к завоеванию голосов избирателей, как это происходит на электоральной арене, а приобретают стимул к поиску дополнительных путей, которые бы позволили им максимизировать свои позиции на этом уровне, что может допускать и тактику сотрудничества *ad hoc*; между тем, необходимость по-возможности соответствовать настроениям своих электоратов, чтобы иметь возможность быть избранными и в дальнейшем, не исчезает, и потому партии, будучи вынужденными сотрудничать в парламенте, делают это, как правило, с оглядкой на стремления своих избирателей. Таким образом, обособленные партийные системы электоральной арены (где первичной целью партий является завоевание голосов) могут образовывать одну партийную систему на уровне политики в целом, поскольку политические процессы в каждой из частей системы частично пересекаются на правительственном (где существует необходимость участия в выработке политических решений) и парламентском (с императивом необходимости взаимодействия с союзническими или соперничающими партиями) уровнях. На то, что все же возможно вести речь об общей партийной системе Боснии и Герцеговины, в которой присутствуют классические для партийных систем идеологические измерения, указывает и существование в партийной системе релевантных для нее партий «гражданской» ориентации (упомянем здесь Социал-демократическую партию Боснии и Герцеговины и Демократический фронт); однако формально апеллируя к электорату всех этнических корпусов, подобные партии в реальности привлекают голоса в основном боснийско-мусульманского электората (см.: Kapidžić, 2015). Поэтому, несмотря на наличие формальных попыток таких партий конкурировать в системе, используя пересекающую этнические электораты риторику, партийная система БиГ все же определяется соревнованием между партиями этнических электоратов, чему способствуют различия в позициях этнических сообществ в отношении желательного варианта государственного устройства Боснии и Герцеговины (см.: Елсаков, 2017). Сербский корпус заинтересован в сохранении нынешнего государственного устройства Боснии и Герцеговины, основанного на Дейтонских соглашениях, где существуют два энтитета; хорватский корпус также в принципе незаинтересован в сильной централизации власти, что могло бы создать более благоприятные условия для доминирования боснийско-мусульманского сообщества в обстоятельствах его численного преобладания (часть партий хорватского корпуса при этом даже призывает

к пересмотру Дейтонских соглашений в направлении создания третьего энтитета в БиГ). Интересы же боснийско-мусульманского корпуса и партий «гражданской» ориентации в данном контексте взаимно перекликаются: последние выступают за единую Боснию и Герцеговину без каких-либо разделительных линий, тогда как численное преобладание первых в общем составе населения страны не только не поставило бы под угрозу возможность свободной деятельности в интересах своего сообщества, но и потенциально позволило бы приобрести возможность принятия значимых государственных решений не только в Федерации БиГ, но и в масштабе всего государства. Поэтому в условиях наличия в партийной системе Боснии и Герцеговины идеологических измерений, в соответствии с которыми происходит самоопределение избирателей, характерных для любой партийной системы, таких, как материалистическое (экономическое) и ценностное измерения, определенная часть избирателей боснийско-мусульманского корпуса может позволить себе голосовать за партии «гражданской» ориентации, тогда как для сербского и большей части хорватского электората это бы являлось контрпродуктивным. Следствием этого являются слабые результаты партий «гражданской» ориентации на территориях с преобладающим сербским и хорватским населением (см. табл. 4).

Таким образом, в качестве общей категории партийную систему Боснии и Герцеговины можно условно представить как содержащую *три* (или четыре, если учитывать партии «гражданской» ориентации) *электоральные партийные системы* — внутри боснийско-мусульманского, хорватского и сербского избирательных корпусов; *две парламентские партийные системы* — в контексте противопоставления партий, отстаивающих нынешний статус Боснии и Герцеговины как основанной на Дейтонских соглашениях, предусматривающих наличие в государстве двух энтитетов, обладающих значительной автономией, с одной стороны, и партий, отстаивающих необходимость централизации или унитаризации БиГ, с другой стороны; и одну (но отнюдь не единую) правительственную партийную систему, где сталкиваются эти разнонаправленные тенденции и происходит окончательное принятие решений в политической системе государства в виде формирования конкретных политик на уровне государства.

Горизонтальное разделение в партийной системе Сербии: региональная партийная подсистема партийной системы национального уровня

Согласно конституции, Сербия является унитарным государством, однако в ее составе находятся два автономных края — Воеводина и Косово и Метохия. Поскольку уже в течение долгого времени центральные власти Сербии в реальности не контролируют территорию последнего, а почти все акторы партийной системы края Косово не считают себя политическим компонентом сербского государства, не имеет аналитического смысла заниматься рассмотрением

партийной системы Косово в общем контексте сербской партийной системы, так как там существует собственная партийная система, уже с начала 1990-х гг. имевшая свои отличительные особенности, а с начала 2000-х гг. и вовсе приобретающая совершенно независимый от национальной системы статус и динамику. Однако автономный край Воеводина обладает особенностями, способными прямым образом отражаться на конфигурации партийной системы Сербии: он имеет свои органы власти (как законодательной — Скупщину автономного края Воеводина, так и исполнительной — правительство автономного края Воеводина), что является институциональным условием возможности развития определенной динамики межпартийного соревнования, которая бы отличалась от национального уровня, а также характеризуется достаточно большой концентрацией нескольких этнических сообществ, проживающих на его территории, что также способно повлиять на взаимодействие акторов в партийной системе. Указанные особенности делают вероятным возникновение горизонтального разделения в партийной системе Сербии, которое, согласно Барди и Мэру (Bardi and Mair, 2008), может характеризоваться как различным набором основных акторов на разных уровнях государственного управления, так и различными стратегиями, избираемыми этими акторами. Соответственно, для определения наличия горизонтального разделения в партийной системе Сербии необходимо обращать внимание на эти два параметра. Следующие обстоятельства представляются важными в данной связи. Во-первых, в партийной системе Сербии существует ряд партий, являющихся значимыми акторами на региональном уровне, которые не обладают той же степенью значимости на национальном уровне. В качестве подобных релевантных региональных политических акторов можно выделить две политические партии — Лигу социал-демократов Воеводины (ЛСВ) и Союз воеводинских венгров (СВВ).

Обе региональные партии имеют весомый электоральный результат на выборах в парламент автономного края, в то время как на национальном уровне их результат более слабый (ЛСВ самостоятельно вовсе не выходит на выборы республиканского уровня). При этом электоральные позиции большинства остальных партий в системе не различаются существенно при сопоставлении регионального и национального уровней. Во-вторых, в правительственной партийной системе имеет место различная динамика протекания политического процесса на региональном и национальном уровнях: в то время как правительство Сербии, после долгого периода правления коалиции во главе с Демократической партией (ДП), уже после выборов 2012 г. формируется Сербской прогрессивной партией (СПП) в союзе с Социалистической партией Сербии (СПС) и миноритарными коалиционными партнерами (что было подтверждено еще более весомой электоральной победой СПП над ДП на выборах национального уровня в 2014 г.), региональное воеводинское правительство вплоть до выборов 2016 г. контролировалось Демократической партией и ее коалиционными партнерами. Различающийся характер соревнования национального и регионального уровней на электоральной и правительственной

аренах партийной системы Сербии и присутствие в ней акторов, не действующих с одинаковой степенью значимости на обоих уровнях партийной системы, указывает на существование горизонтального разделения в ней. В своей статье Барди и Мэр (см.: Bardi and Mair, 2008) допускали, что горизонтальное разделение в партийной системе может быть довольно сильным и, как и вертикальное разделение, приводит к наличию по сути нескольких партийных систем в рамках партийной системы национального уровня. Если, как было сказано ранее, это является верным в ситуации с партийной системой Боснии и Герцеговины, то в случае с партийной системой Сербии этого не происходит. Дизайн избирательной системы, при котором, в отличие от Боснии и Герцеговины, территория Сербии представляет собой одну избирательную единицу, является дополнительным фактором, смягчающим присутствие внутреннего разделения в партийной системе. На то, что тенденция регионализма не развилась в такой степени, чтобы образовать отдельную от национальной партийной системы партийную систему регионального уровня, указывают различия в политическом профиле региональных акторов партийной системы и различающиеся стратегии их поведения на краевом и национальном уровнях. Лига социал-демократов Воеводины на выборы в региональный парламент выходит самостоятельно, не образуя коалиции с другими значимыми акторами партийной системы национального уровня, в то время как на выборы республиканского уровня эта партия выходит в составе широкой коалиции, как правило, ведомой Демократической партией, а после ее раскола (на парламентские выборы 2016 г.) — Социал-демократической партией (СДП). Что же касается Союза венгров Воеводины, то он выходит на выборы как регионального, так и национального уровня самостоятельно, но, если на первом уровне он является значимым актором, то его самостоятельное выступление на выборах национального уровня объясняется тем, что ему, вне зависимости от электорального результата, гарантированы мандаты в республиканском парламенте благодаря наличию квоты для партий этнических меньшинств. В программно-идеологическом смысле АСВ является либертарианской партией и подчеркивает свою космополитичную ценностную ориентацию, выступает за максимально широкую автономию Воеводины в составе Сербии, а также принципиально находится в оппозиции к современному республиканскому правительству. СВВ же представляет, прежде всего, интересы проживающего в значительном количестве в Воеводине венгерского этнического меньшинства, и его ценностная ориентация гораздо более эклектична, нежели это имеет место у АСВ²; он склонен сотрудничать с любым

² Такая ситуация, за редкими исключениями, является типичной и для иных политических партий, представляющих интересы национальных меньшинств, причем не только в Воеводине (например, партии венгерского, хорватского, словацкого этнических меньшинств и др.), но и в других частях Сербии (к примеру, партии боснийско-мусульманского и албанского этнических меньшинств), для которых характерна довольно нечеткая определенность идеологических позиций при помещении в центр своей программной ориентированности защиты интересов своего сообщества.

правительством при готовности последнего обращать внимание на обеспечение интересов электората партии, и ему не свойственны радикальные автономистские позиции. Учитывая определенную разнонаправленность политических акцентов основных региональных акторов, а также принимая во внимание то, что основные акторы партийной системы национального уровня сохраняют свое ведущее положение и на региональном уровне, не демонстрируя значимой разницы в своем электоральном результате на обоих уровнях, с нашей точки зрения, можно вести речь о существовании *региональной подсистемы* (а не полноценных партийных систем, как в случае с Боснией и Герцеговиной) в рамках национальной партийной системы Сербии как отражении процессов, связанных с присутствием в ней *горизонтального разделения*. В этой подсистеме существуют свои характерные возможности и ограничения поведения для акторов системы, предопределяющие механизм функционирования межпартийного соревнования, которые, однако, не делают ее изолированной от основных параметров протекания политических процессов в партийной системе национального уровня. Для данной региональной подсистемы свойственны классические для партийных систем идеологические измерения, и она является органичной частью национальной партийной системы Сербии. Как и в национальной партийной системе, в воеводинской партийной подсистеме присутствуют партии различной программной направленности, как по экономическому, так и по ценностному идеологическим измерениям, большинство политических партий партийной системы национального уровня сохраняет свое значимое и даже определяющее присутствие в региональной подсистеме, а регионализм не развился в ней до такой степени, чтобы стать организующим направлением протекания краевого политического процесса элементом. Вместе с тем, характерные черты межпартийных взаимодействий в Воеводине, такие как возможность существования различий в стратегиях коалиционного поведения акторов на региональном и национальном уровне, возникновение ситуаций, когда набор политических сил, находящихся у власти на региональном и национальном уровне, является различным, наличие акторов регионального уровня, способных в той или иной степени влиять на протекание регионального политического процесса (при отсутствии у них таких возможностей на национальном уровне), некоторые различия в подходе акторов партийной системы национального уровня к взаимодействию с электоратом на двух уровнях (например, в виде акцентирования внимания на вопросах регионального или общегосударственного характера, различий в основных лозунгах и названиях предвыборных коалиций и т.п.) в качестве особенности среды политической системы, с одной стороны, и существование совокупности государственных органов регионального уровня в качестве институционального условия существования горизонтального разделения, с другой стороны, предопределяют присутствие в партийной системе Сербии этого внутреннего разделения.

Также следует отметить, что партии этнических меньшинств не являются системообразующими акторами в определении общего паттерна развития со-

ревнования в сербской партийной системе национального уровня (в первую очередь, в силу своего незначительного удельного веса в ней), и не выступают единым фронтом как партии определенного этнического меньшинства в противопоставлении себя другим меньшинствам или доминантной этнической группе, участвуя в различных в рамках корпуса своего национального меньшинства коалиционных объединениях с релевантными акторами на электоральном или парламентском уровнях партийной системы Сербии (к примеру, Союз воеводинских венгров и Демократическое сообщество воеводинских венгров в рамках венгерского этнического корпуса). Многие из этих партий различаются между собой, как по своему мировоззренческому профилю, так и в отношении видения основных путей развития государства, а подчас места и роли своего этнического сообщества в нем (исключение составляют, пожалуй, лишь партии албанского этнического меньшинства из приграничного с Косово региона Прешевской долины, всегда выступающие как единое целое по отношению к центральным властям Сербии). Эти обстоятельства предопределяют невозможность возникновения значимого для функционирования партийной системы Сербии вертикального разделения.

Элементы регионализма в рамках единой партийной системы Хорватии

Возможность наличия внутренних разделений в партийной системе Хорватии предопределяют следующие факторы. Во-первых, избирательная система Хорватии такова, что территория страны не является единым избирательным округом: партии попадают в парламент не пропорционально своим результатам по стране в целом, а согласно преодолению 5-процентного барьера в каждой из двенадцати избирательных единиц, десять из которых состоят из ряда административных образований (жупаний), одиннадцатая представляет собой коллективную избирательную единицу хорватской диаспоры за рубежом, а двенадцатая зарезервирована для представителей национальных меньшинств. Поскольку партии проходят в парламент в зависимости от своего результата в отдельных избирательных округах, возможна ситуация, при которой в хорватский парламент попадают партии, часто получающие значительно меньшее число голосов по стране в целом, чем те, которые не прошли в состав парламента, поскольку первые в определенных единицах преодолели порог получения мандата (при этом в других могли вообще не выходить на выборы), тогда как последние ни в одной из избирательных единиц не набрали необходимых 5% голосов. В этом контексте выбранный законодателем вариант избирательной системы говорит о достаточно высокой значимости региональных вопросов на национальном уровне и предпринятой однажды попытке учета значимых локальных интересов на национальном уровне без формального движения государства по пути федерализации или иных проявлений автономизации. Тем самым исчезают институциональные условия для присутствия четкого горизонтального разделения

в партийной системе. В-третьих, для партийной системы Хорватии в целом более характерно наличие политических партий региональной направленности, нежели это имеет место в Сербии, однако большинство подобных партий, несмотря на их число, не имеют значимого электорального веса. В то же время существует ряд исключений: указанная особенность избирательной системы способствует попаданию в парламент партий, имеющих свои четко выраженные «сильные» избирательные единицы и с постоянством демонстрирующих там довольно высокий результат. Так, Истрийское демократическое собрание (ИДС) регулярно находится в тройке лидеров в 8 ИЕ (историческая область Истрия) и получает мандаты в национальном парламенте только от этой единицы, в то время как в других единицах оно не участвует в выборах. Такая же ситуация имеет место и с Хорватским демократическим союзом Славонии и Бараньи (ХДССБ), который имеет довольно прочные позиции в 4 и 5 ИЕ (историческая область Славонии и Бараньи), при этом не выходя на выборы в остальных округах.

Отмеченное присутствие значимых для определенных избирательных единиц политических акторов указывает на наличие элементов регионализма в современной хорватской партийной системе, связанное с тем, что на протяжении истории территория нынешней Хорватии находилась в составе различных государств, для которых были характерны свои политико-культурные особенности, и лишь после 1991 г. она существует в своих нынешних границах. Как отмечает Лино Веляк (Veljak, 2002), данное разделение во многом было перенесено и в настоящий период, выражаясь в определенных архетипах мышления населения различных областей Хорватии. Социокультурная особенность полуострова Истрия заключается в этнической неоднородности населения (присутствии в составе его населения немалочисленного итальянского и словенского меньшинств) при развитости сферы услуг в экономике региона, в особенности, туристической отрасли, тогда как область Славонии и Бараньи является этнически гомогенным сельскохозяйственным регионом, характеризующимся традиционным укладом общественной жизни. Несмотря на то, что и Истрийское демократическое собрание и Хорватский демократический союз Славонии и Бараньи стремятся к усилению элемента децентрализации в политической жизни страны и повышению прерогатив местных административных единиц, здесь, как и в ситуации с выраженностью элементов регионализма в партийной системе Сербии, две указанные партии несколько различаются по своим позициям относительно желательной степени децентрализации структуры государственного управления: ИДС периодически выступает с довольно радикальных позиций придания региону Истрии особого статуса в рамках единого государства (в этом аспекте данная позиция близка аналогичной позиции Лиги социал-демократов Воеводины в отношении автономии Воеводины в составе Сербии), тогда как ХДССБ не декларирует подобных устремлений. Кроме того, крайне важным моментом является то, что, как и в партийной системе Сербии, основные акторы

партийной системы Хорватии занимают ведущие позиции и в «сильных» для региональных акторов избирательных округах.

Поэтому, несмотря на то, что региональная проблематика в целом является достаточно актуальной для внутривластной жизни Хорватии, все же она не образует значимого регионального измерения в ее партийной системе, схожего с расколом «центр–периферия» в понимании Липсета и Роккана (см.: Lipset and Rokkan, 1967), а органично вписывается в доминирующее в партийной системе государства разделение по оси «либертарианство — традиционализм»: ИДС, являясь либертарианской партией по ценностному идеологическому измерению, ставит в центр своей деятельности продвижение элементов мультикультурализма в регионе Истрия и подчеркивает значительную роль туризма в экономике страны, тогда как ХДССБ, будучи партией консервативной ориентации, акцентирует внимание на развитии государства на основе традиционных ценностей хорватского народа, защите крестьянства и стимулировании аграрного производства.

Херберт Китчелт (см.: Kitschelt, 1992; 1995), говоря об иерархии политических расколов в посткоммунистической Центрально-Восточной Европе, утверждает, что конфликты, относящиеся к самому определению государственного сообщества, превосходят другие типы социальных конфликтов. Вооруженный конфликт в бывшей СФРЮ первой половины 1990-х гг., сопряженный с процессом становления независимого хорватского государства, отягощенный напряженными отношениями с соседней Сербией (в то время — СР Югославией) и сопровождавшийся соответствующим дискурсом, объясняет гармоничность существования регионального компонента партийной системы Хорватии внутри основного для ее партийной системы ценностного измерения. Поскольку приграничная с Сербией область Славонии и Бараньи являлась одним из эпицентров хорватско-сербского противостояния (здесь до начала конфликта традиционно проживало значительное количество сербского населения), мировоззренческий традиционализм ХДССБ логично встраивается в данный контекст. Полуостров Истрия, в свою очередь, был наиболее отдаленным от указанного конфликта регионом Хорватии, что вкупе с его полиэтничной культурой предопределяет космополитичную ориентацию ИДС. Присутствие регионального компонента в рамках доминирующего идеологического измерения проявляется на разных уровнях партийной системы: в электоральной партийной системе, в случае образования коалиций с другими партиями, ИДС традиционно делает это с левыми по ценностному измерению партиями — Социал-демократической партией и Хорватской народной партией, а ХДССБ — с партиями традиционалистской ориентации, например, Хорватской консервативной партией. Тот же паттерн характерен и для взаимодействия партий в парламенте, с тем, что на парламентской арене партийной системы региональный компонент дополнительно проявляется в том, что как для ИДС, так и для ХДССБ, характерна деятельность в виде самостоятельных парламентских фракций.

Таким образом, присутствие в партийной системе Хорватии ряда партий, имеющих стабильную, проявляющуюся на протяжении нескольких электоральных циклов укорененность на определенном территориальном пространстве, является показателем существования в партийной системе определенного кластера, носящего регионалистский характер. Избирательная система Хорватии при этом способствует переносу регионалистских элементов с электорального на парламентский уровень партийной системы. Тем не менее, во-первых, данный кластер не столь силен в численном отношении, чтобы образовать устойчивое разделение горизонтального характера, и гармонично существует в рамках основного идеологического измерения партийной системы. Крупнейшие партии системы являются ведущими акторами и в тех избирательных единицах, где региональные акторы играют заметную роль. Во-вторых, в Хорватии формально отсутствуют институциональные условия административно-территориального свойства для возникновения стабильного горизонтального разделения в партийной системе (прежде всего, именно по этому параметру хорватская партийная система отличается от партийной системы Сербии). Поэтому упомянутый элемент регионализма не составляет особой подсистемы, ни, тем более, отдельной партийной системы в рамках национальной хорватской партийной системы. Невозможно также говорить и о вертикальном разделении в партийной системе, поскольку в целом более или менее гомогенный в этническом отношении состав населения Хорватии не приводит к сегментации электората по этому основанию.

Социальные основания возникновения внутренних разделений в партийных системах государств Западных Балкан

Как мы уже отмечали, на присутствие вертикальных и горизонтальных разделений в партийных системах непосредственное влияние оказывают, соответственно, фактор наличия обособленных социальных групп (как правило, организованных по этническому основанию, как в случае с Боснией и Герцеговиной) и наличие нескольких уровней протекания политического процесса, связанных с определенным институциональным и административно-территориальным устройством государства (как в случае с Сербией).

В принципе, в той или иной степени определенные признаки вертикального разделения могут быть характерны для любых полиэтнических государств с электоральными корпусами, разграниченными на этом основании в большей или меньшей степени. Присутствие же горизонтального разделения в ярко выраженном виде ограничивается партийными системами государств с наличием элементов децентрализации, где существует несколько уровней протекания политического процесса. *Различия в степени выраженности внутренних разделений определяются тем, насколько сильно данные разделения являются значимыми для формирования основных тенденций протекания соревновательных процессов в партийной системе, т.е. насколько сильно и успешно эти внутренние разделения канализированы акторами в политическом процессе.*

Внутренние разделения в партийных системах не существуют вне связи со структурными элементами системы. Напротив, они могут быть в них встроены в высшей степени гармонично. В этом, в частности, проявляется взаимосвязь разделений, выделенных Барди и Мэром, и идеологических измерений партийной системы. В Сербии горизонтальное разделение партийной системы органично сосуществует с ее основными идеологическими измерениями; такая же ситуация наблюдается и с латентно присущими элементами горизонтального разделения в партийной системе Хорватии. В ситуации же с Боснией и Герцеговиной основные акторы партийной системы настолько сильно актуализируют элементы вертикального разделения в преобладающем паттерне соревнования в системе, что само это разделение во многом становится определяющим вектором развития системной межпартийной конкуренции (см.: Елсаков, 2017). Иными словами, условная партия социал-демократической идеологической ориентации (например, из сербского электорального корпуса) будет скорее сотрудничать на парламентском уровне партийной системы не с другой условной социал-демократической партией (но происходящей из другого этнически определенного электорального корпуса), а с партией иной программной ориентации, но также принадлежащей к сербскому электоральному корпусу³. И несмотря на то, что ситуация медленно эволюционирует в направлении приобретения классическими идеологическими измерениями большей значимости для партийной системы Боснии и Герцеговины, все же, принимая во внимание устойчивость вертикального разделения, можно предположить, что его возможная меньшая значимость в будущем для парламентской и правительственной партийных систем (в связи с большей перспективностью стратегий сотрудничества на этих аренах) будет проявляться параллельно с сохранением четкой видимости этого разделения на электоральной арене. То есть добровольная или вынужденная склонность к сотрудничеству между партиями различных национальных корпусов будет превалировать над усилением веса партий «гражданской» ориентации в партийной системе; и скорее партии определенного электорального корпуса будут приобретать больший стимул к кооперации с партиями другого электорального корпуса, нежели можно ожидать появления партий, в действительности конку-

³ Настолько, насколько возможно вести речь о четко определенной программно-идеологической ориентации политических партий в Центрально-Восточной Европе по сравнению с партийными системами Западной Европы как следствии процессов не до конца завершенной институционализации партийных систем в государствах ЦВЕ. Мнения в академической среде здесь расходятся. Позиция автора настоящей статьи схожа с позицией исследователей, считающих такое разграничение в настоящий момент уже излишне преувеличенным, так как основные паттерны идеологической поляризации современных партийных систем стран ЦВЕ не отличаются кардинально по этому критерию от партийных систем стран Западной Европы (напр., см.: Marks et al., 2006; о противоположном подходе, напр., см.: Mainwaring and Zoso, 2007), а неопределенность программно-политических позиций партий имеет место в настоящий момент и на Западе, где она связана с новой ступенью развития партии как организации и возникновением актуальных для политического дискурса вопросов «новой политики» (т.н. «new politics» issues).

рирующих на политическом пространстве, пересекающем границы этнически определенных сообществ, и чьим электоратом бы в равной степени являлись представители всех этнических групп.

Еще раз подчеркнем, что, как утверждают Лучано Барди и Питер Мэр (Bardi and Mair, 2008), присутствие в партийной системе внутренних разделений может приводить к тому, что не приходится говорить о политике как имеющей единственную и целостную партийную систему. При этом значимость внутренних разделений для партийной системы может варьироваться, и реальная степень несоответствия между отдельными функциональными аренами партийной системы будет зависеть от степени изолированности каждой из них. Нетрудно заметить, что выделенные нами в партийных системах Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии разделения тесно связаны с наличием и значимостью определенных социальных расколов. Концепцию влияния присущих политиям социальных расколов (social cleavages) на формирование партийных систем в Западной Европе развили Сеймур Мартин Липсет и Стейн Роккан (см.: Lipset and Rokkan, 1967) для формулировки своей гипотезы о «замораживании» (т.н. «freezing hypothesis») западноевропейских партийных систем начала XX в., согласно которой социальные расколы, произведенные промышленной («город – село» и «собственники – рабочие») и национальной («центр – периферия» и «государство – церковь») революциями, надолго сформировали европейский партийный ландшафт, поскольку оказались глубоко социально устойчивыми. Долгое время концепция социальных расколов как структурных обстоятельств, влияющих на партийную самоидентификацию индивидов в зависимости от их принадлежности к определенной социальной группе, считалась классической для объяснения становления и развития партийных систем Западной Европы, наряду с осознанно избираемыми политическими акторами стратегиями своего поведения (см.: Sartori, 1976). Вне всякого сомнения, модель Липсета и Роккана, впоследствии неоднократно критикуемая за излишнюю статичность, сохраняет свою актуальность и по сей день. Например, раскол «город – село» сейчас может быть представлен в качестве регионального различия, к примеру, между более развитыми урбанизированными и менее развитыми сельскими территориями; раскол «собственники – рабочие» может быть представлен как различие в социо-экономическом статусе определенных групп населения; раскол «центр – периферия» может быть представлен как культурные различия между социальными группами, в том числе с точки зрения фактора этнической идентичности; раскол «церковь – государство» может быть представлен как различия в мировоззренческих ценностях индивидов, в частности, с точки зрения фактора религиозности или секулярности.

Согласно Стефано Бартолини и Питеру Мэру (Bartolini and Mair, 1990), политическое разделение (political division) должно содержать три элемента для того, чтобы составлять раскол: во-первых, эмпирический элемент (например, социальный класс, религиозная группа, общественный статус); во-вторых,

нормативный элемент (ценности и убеждения, обеспечивающие чувство идентичности для социальной группы); и, в-третьих, организационный элемент, который канализирует электоральное поведение индивидов (голосование) или связывает его с политическими организациями, такими, как политические партии. Определение расколов, как имеющих три элемента — эмпирический, нормативный и организационный, где раскол должен рассматриваться, главным образом, как «форма закрытия социальных отношений», — оставляет теоретическую возможность для того, чтобы и другие факторы могли генерировать расколы. Некоторые исследователи посткоммунистической Европы полагают, что в силу политической истории стран ЦВЕ, отличающейся от западноевропейского образца, многие из «классических» расколов Липсета и Роккана оказываются размытыми либо присутствуют в этих странах в видоизмененном формате. Несомненно, однако, то, что глубокие вертикальные и в известной степени горизонтальные разделения могут иметь расколообразующий потенциал как для государств Западной Европы, так и для государств ЦВЕ. Габор Тока (Tóka, 1998) отмечает, что «требование социального закрытия подразумевает, что лишь немногие квази-демографические различия (класс, этно-религиозная или региональная идентичность, городское — сельское местожительство) могут являться основой для (полноценных — А.Е.) расколов».

В случае с Боснией и Герцеговиной вертикальное разделение обладает всеми атрибутами, относящимися к дефиниции раскола: наличием имеющих четкую самоидентификацию социальных групп со своими ценностями и интересами, и представляющими эти интересы политическими организациями. Именно поэтому вертикальное разделение в партийной системе Боснии и Герцеговины настолько сильно, чтобы образовывать в высокой степени изолированные партийные системы электорального уровня. Горизонтальное разделение в партийной системе Сербии гораздо менее значимо, нежели вертикальное для партийной системы Боснии и Герцеговины, и не базируется на социальном расколе структурного характера. Как отмечает Алпар Лошонц (Lošonc, 2002), на протяжении истории численность различных этнических групп в Воеводине и степень их обладания ресурсами постоянно менялись, а сами эти группы по-разному оценивали вхождение Воеводины в состав различных политико-государственных образований. Поэтому, несмотря на свою несомненную историческую специфику, характеризующую культурной многослойностью, Воеводина не располагает всеми атрибутами для развития в ней сильной и стабильной формы регионализма на основе «ненасильственного консенсуса». Не существует и структурных условий для появления полноценного раскола в партийной системе на регионалистской основе. Как результат, отсутствует и единство среди акторов партийной системы, необходимое для придания регионализму такой релевантности, которая бы могла сделать его основой структурного раскола, способного образовать различающиеся между собой партийные системы национального и регионального уровней на основе горизонтального разделения. Тем не менее, это внутреннее разделение в пар-

тийной системе Сербии, способствуя существованию специфического паттерна функционирования партийной системы на региональном уровне с присутствием ряда региональных акторов и особенностями протекания регионального политического процесса, образует региональную подсистему в рамках национальной партийной системы. Наконец, специфика партийной системы Хорватии, выражающаяся в наличии ряда сильных региональных акторов при унитарном характере государственного развития, является примером того, как латентно присутствующее в партийной системе горизонтальное разделение не образует особой подсистемы, не говоря уже об отдельной партийной системе, в том числе по причине того, что потенциал горизонтального разделения, способный в некоторой мере разделить целостную политику, абсорбируется избирательной системой.

Разделения вертикального и горизонтального характера могут быть взаимосвязаны таким образом, что выраженность первого из них может усиливаться элементами, свойственными второму разделению (такими как децентрализованность политики, влекущая за собой существование органов власти различных уровней и пр.), но в любом случае разделение вертикального характера будет проявляться более остро, нежели разделение горизонтального характера. Например, аспект вертикального разделения, относящийся к парламентской арене партийной системы Боснии и Герцеговины, формально может быть представлен и как горизонтальное разделение, связанное с наличием у акторов возможности действовать в условиях децентрализации государственного управления, в конкретном случае — специфического государственного устройства Боснии и Герцеговины с двумя энтитетами. Между тем, это условное горизонтальное разделение фактически является вторичным по отношению к разделению вертикального характера, так как вопросы полномочий органов власти различного уровня в государстве становятся центрально значимыми не вследствие актуальности вопросов регионализма *per se*, а по причине, определяющей значимости вопросов взаимоотношений между этническими сообществами для межпартийного соревнования в системе. Именно это обстоятельство предопределяет актуальность тематики полномочий органов власти как механизма защиты интересов своего сообщества. Поэтому явления, способствующие возникновению вертикального разделения, могут в перспективе привести к присутствию горизонтального разделения — когда политический конфликт между сообществами выливается в создание дополнительных, наряду с национальным, уровней управления в государстве (что имеет место в партийной системе Боснии и Герцеговины), в то время как маловероятно, что явления, обуславливающие присутствие горизонтального разделения, приведут к полноценному вертикальному разделению в условиях отсутствия организованных, имеющих четкую идентичность и противостоящих друг другу (или государственному уровню управления) сообществ (особенно в условиях отсутствия консенсуса среди региональных акторов относительно места и роли региона в системе государственного управления национального масштаба, о чем свидетельствует пример партийной системы Сербии).

Библиографический список

1. Елсаков, А. С. (2017). Основные характеристики партийной системы Боснии и Герцеговины. *Регионоведение Regionology*, 25 (3), 316–353.
2. Bardi L., Mair P. (2008). The Parameters of Party Systems. *Party Politics*, 14 (2), 147–166.
3. Bartolini, S., Mair, P. (1990). *Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stability of European Electorates, 1885–1985*. Cambridge.
4. Kapidžić, D. (2015). Stranački sustav, u: N. Mujagić i S. Arnautović (ur.) *Politički pluralizam i unutarstranačka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu*. (ss. 33–51). Podgorica.
5. Kitschelt, H. (1992). The Formation of Party Systems in East Central Europe. *Politics and Society*, 20 (1), 7–50.
6. Kitschelt, H. (1995). Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies. *Party Politics*, 1 (4), 447–472.
7. Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 2 (21), 207–225.
8. Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies*. Yale.
9. Lipset, S. M., Rokkan, S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction. In S. M. Lipset, S. Rokkan (Eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives* (pp. 1–64). New York.
10. Lošonc, A. (2002). Vojvodina kao stecište regionalnih tendencija, u: D. Vujadinović et al. (ur.) *Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir* (ss. 331–349). Beograd.
11. Mainwaring, S., Zoco, E. (2007). Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies. *Party Politics*, 2 (13), 155–178.
12. Marks, G. et al. (2006). Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality. *Comparative Political Studies*, 2 (39), 155–175.
13. Mujagić, N. (2015). Politički sistem, u: N. Mujagić i S. Arnautović (ur.) *Politički pluralizam i unutarstranačka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu*. (ss. 13–29). Podgorica.
14. Pedersen, M. N. (1979). The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*, 7 (2), 1–26.
15. *Popis stanovništva, domaćinstava/kućanstava i stanova u Bosni i Hercegovini 2013. godine* (2016). Sarajevo.
16. Sartori, G. (1976). *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge, New York.
17. Tóka, G. (1998). Party Appeals and Voter Loyalty in New Democracies. *Political Studies*, 46, 589–610.
18. Veljak, L. (2002). Teritorijalna organizacija i regionalizam — hrvatski slučaj, u: D. Vujadinović et al. (ur.) *Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir* (ss. 315–330). Beograd.
19. *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Republici Srpskoj 2013. godine* (2016). Бања Лука.

Статья поступила в редакцию 15.10.2017.

VERTICAL AND HORIZONTAL DIVISIONS IN PARTY SYSTEMS OF STATES IN WESTERN BALKANS: CASES OF BOSNIA AND HERZEGOVINA, SERBIA AND CROATIA

Elsakov A. S.

Elsakov Anton Sergeevich, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg,
Universitetskaja nab., 7/9. E-mail: anton.elsakov@gmail.com

The article investigates the degree of heterogeneity of the Western Balkans' party systems, and applies the concept of Bardi and Mair in order to define whether there are pronounced vertical and horizontal divisions in their party systems. The examples are the party systems of Bosnia and Herzegovina, Serbia and Croatia. Mentioned divisions are able to influence both the composition and the quantity of the system actors, as well as the prevailing mode of interparty competition in the system. The significant presence of those divisions can insulate particular party system's functional arenas, where the competition takes place, to such an extent, that it is almost impossible to speak of one unified party system, but rather of a range of subsystems, or, even some party systems inside one polity. In the long run, the integrity of any given party system is defined by the degree of presence of the divisions in the national party system, and, hence, by the degree of separation of particular parts of the party system from each other. The data on the particularity of the electoral systems, on the administrative-territorial structure and on the main political actors which are related directly to the mentioned divisions suggest that they can be important in a varying degree for the functioning of party systems of the countries concerned. First, there are actually several, well-insulated from each other, party systems in Bosnia and Herzegovina, especially at the electoral level; second, the Serbian party system comprises a regional subsystem that differs significantly from the national level; and, third, the party system of Croatia remains unified but contains the pronounced regional cluster inside.

Keywords: political parties, party system, electoral system, subsystem of a party system, functional arena, vertical division, horizontal division, social cleavage, Bosnia and Herzegovina, Serbia, Croatia, Western Balkans.

References

1. Bardi L. & Mair P. (2008). The Parameters of Party Systems. *Party Politics*, 14 (2), 147–166.
2. Bartolini, S. & Mair, P. (1990). *Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stability of European Electorates, 1885–1985*. Cambridge.
3. Elsakov, A. S. (2017). Osnovnye karakteristiki partijnoj sistemy Bosniji i Gercegoviny [The Main Characteristics of the Party System of Bosnia and Herzegovina]. *Regionologiya Regionology*, 3 (25), 316–353.
4. Kapidžić, D. (2015). Stranački sustav [The Party System] In N. Mujagić, S. Arnautović (Eds.) *Politički pluralizam i unutarstranačka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu* [Political Pluralism and Intra-Party Democracy. A Case Study for Bosnia and Herzegovina] (pp. 33–51). Podgorica.
5. Kitschelt, H. (1992). The formation of party systems in East Central Europe. *Politics and Society*, 20 (1), 7–50.
6. Kitschelt, H. (1995). Formation of party cleavages in post-communist democracies. *Party Politics*, 1 (4), 447–472.
7. Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 2 (21), 207–225.
8. Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies*. Yale.

9. Lipset, S. M. & Rokkan, S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction. In S. M. Lipset, S. Rokkan (Eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives* (pp. 1–64). New York.
10. Lošonc, A. (2002). Vojvodina kao stecište regionalnih tendencija [Vojvodina as an Intersection of the Regional Trends]. In D. Vujadinović et al. (Eds.) *Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir* [Between Authoritarianism and Democracy: Serbia, Montenegro, and Croatia. Vol. 1, An Institutional Framework] (pp. 331–349). Beograd.
11. Mainwaring, S. & Zoco, E. (2007). Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies. *Party Politics*, 2 (13), 155–178.
12. Marks, G., et al. (2006). Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality. *Comparative Political Studies*, 2 (39), 155–175.
13. Mujagić, N. (2015). Politički system [The Political System]. In N. Mujagić, S. Arnautović (Eds.) *Politički pluralizam i unutarstranačka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu* [Political Pluralism and Intra-Party Democracy. A Case Study for Bosnia and Herzegovina] (pp. 13–29). Podgorica.
14. Pedersen, M. N. (1979). The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*, 7 (2), 1–26.
15. *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Republici Srpskoj 2013. godine* (2016) [Census of Population, Households and Dwellings in Republika Srpska 2013]. Banja Luka.
16. *Popis stanovništva, domaćinstava/kućanstava i stanova u Bosni i Hercegovini 2013. godine* [Census of Population, Households and Dwellings in Bosnia and Herzegovina 2013]. (2016). Sarajevo.
17. Sartori, G. (1976). *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge, New York.
18. Tóka, G. (1998). Party Appeals and Voter Loyalty in New Democracies. *Political Studies*, 46, 589–610.
19. Veljak, L. (2002). Teritorijalna organizacija i regionalizam — hrvatski slučaj [Territorial Organization and Regionalism: The Case of Croatia]. In D. Vujadinović et al. (Eds.) *Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir* [Between Authoritarianism and Democracy: Serbia, Montenegro, and Croatia. Vol. 1, An Institutional Framework] (pp. 315–330). Beograd.

СВЯЗКА «МИГРАЦИЯ–РАЗВИТИЕ» В РАМКАХ ГЛОБАЛЬНОГО РЕЖИМА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

.....

Лошкарёв И. Д.

Лошкарёв Иван Дмитриевич, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МГИМО МИД России; 19454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
Эл. почта: ivan1loshkariov@gmail.com

В статье представлены оценки перспектив функционирования глобального режима в сфере миграции с учетом активного включения в международную повестку дня связки «миграция–развитие». Автор раскрывает эволюцию и сущность этой концепции, возникшей первоначально в США в среде специалистов по макроэкономике, дает определение понятия «международный режим», акцентирует внимание на специфических характеристиках норм и принципов глобального режима в сфере миграции.

В связке «миграция–развитие» роль мигрантов трактуется весьма узко: предполагается их активное участие в передаче капитала, знаний и умений в страны происхождения, использование информированности мигрантов в инвестиционном бизнесе, что в совокупности дает положительные макроэкономические результаты. При этом усилия в этой сфере затрагивают преимущественно страны глобального Юга, что не соответствует существующим тенденциям глобальной миграции. В современном виде связка «миграция–развитие» для государств Африки и Океании с их низким доходом весьма невыгодна, а также способствует росту миграционных потоков, а не их постепенному сокращению.

Активная имплементация идеи «миграция–развитие» негативно влияет на глобальный режим в области миграции, поскольку приводит к усилению неравенства государств в рамках режима и смещает приоритеты режима в сторону усиления контролируемых (а не посреднических) функций, что влечет за собой «дефицит демократии». Автор приходит к выводу, что для трансформации связки «миграция–развитие» и глобального режима в сфере миграции необходимо активно вовлекать в диалог не только ключевые государства — реципиенты мигрантов, но и сами мигрантские сообщества и диаспоры.

Ключевые слова: международный режим, миграция, связка «миграция–развитие», диаспоры, нормы и принципы.

Включение Международной организации по миграции (МОМ) в систему органов ООН в сентябре 2016 г. стало новым этапом в формировании институциональной базы регулирования миграционных проблем. До этого решения миграционная повестка дня находилась в ведении множества международных институтов — от Всемирного банка до Международной организации труда и Управления верховного комиссара по делам беженцев. Безусловно, Международная организация по миграции вне системы ООН проделала огромную

работу и оказала помощь более 11 млн. чел. (в основном беженцев), однако в ее задачи практически никогда не входило создание международных партнерств и обсуждение вопросов иммиграционного законодательства. Попытки защиты прав мигрантов путем подготовки соответствующих конвенций о правовом режиме трудовых мигрантов предпринимала и Международная организация труда, однако эти документы не были ратифицированы ключевыми реципиентами миграции — странами ОЭСР. Помимо указанных организаций в решении проблем миграции на глобальном уровне участвовал ряд других институтов ООН: Офис комиссара по правам человека, Фонд народонаселения, ЮНЕСКО, Департамент экономических и социальных отношений. Несмотря на попытки скоординировать усилия государств и международных организаций на площадке Глобальной миграционной группы (2006) и затем Глобального форума по проблемам миграции и развития (2007), поиск ответов на существующие вызовы и «лучших практик» реагирования в миграционной сфере не приносил результатов.

Вместе с тем к Международной организации по миграции, которая становится основным глобальным институтом в миграционной сфере, существует немало претензий, связанных с характером ее прежней деятельности. Данная организация возникла как региональная европейская структура и отражала преимущественно точку зрения западных стран, поэтому такие важные страны, как Китай и Россия, присоединились к работе организации сравнительно поздно. Тем не менее рано делать заключения о результатах деятельности МОМ в качестве подлинно глобальной площадки для обсуждения вопросов миграции. С учетом этого важен анализ перспектив глобального режима в сфере миграции с точки зрения принципов и норм, которые закладываются в основу обсуждаемых и принимаемых решений. Центральным элементом этого режима является МОМ, однако существуют и иные элементы, слаженное взаимодействие которых возможно как раз при наличии общего нормативного пространства. Часть принципов Международная организация по миграции перенесет из своей прошлой деятельности, однако не исключены заимствования из повестки ООН и формирование новых компромиссных подходов. Одной из таких идей является связка «миграция–развитие», предполагающая возможность использования потенциала мигрантов в целях развития стран происхождения. Эта идея сегодня становится одним из столпов формирующегося глобального режима в сфере миграции.

Для анализа обозначенной проблематики наиболее подходит неинституционалистская теория международных режимов (ТМР), которая стала результатом творческого переноса ряда идей из микроэкономики в теорию международных отношений. Ключевую роль в разработке ТМР сыграли Р. Кеохейн, О. Янг, Д. Пучала, Р. Хопкинс и др. (Keohane, 1982; Puchala, Hopkins, 1982; Young, 1982). В фокусе их исследований было соотношение относительных и абсолютных

преимуществ, которое может вызвать переход государства к кооперативному поведению на международной арене. Согласно ТМР, взвешивая «за» и «против» в рамках каждого международно-политического взаимодействия, государства приходят к выработке некоторых принципов при повторении аналогичных взаимодействий.

Понятие международного режима

В определенный момент государства получают стимул перевести конкретную сферу отношений на некоторую площадку диалога. Даже если в других сферах взаимодействий государства продолжают не доверять друг другу и надеются только на собственные силы, такие площадки диалога продолжают существовать и со временем могут обретать самостоятельную логику развития (в известных пределах). Эти площадки и есть международные режимы, существующие в самых разных областях от обеспечения безопасности (например, режим контроля над ракетными технологиями) до мониторинга соблюдения прав человека и защиты окружающей среды.

Широко известно определение международного режима как совокупности формальных и неформальных правил, процедур принятия решения, на основании которых участники режима выстраивают свои ожидания (Keohane, 1982). По сути, режимы — определенные ограничения, которые задаются как международной средой, так и ключевыми державами. Речь не идет о создании мирового правительства или полноценных институтов: государства, создавая международно-политический режим, заинтересованы прежде всего в долгосрочной определенности — им важно знать, какими вариантами действий будут им недоступны и какими вариантами реагирования располагают оппоненты. Чтобы снизить неопределенность, в рамках международных режимов устанавливаются правила (в том числе запреты) и повышается прозрачность и доступность информации о действиях всех участников. Соблюдение установленных правил объясняется тем, что странам в какой-то момент выгоднее их соблюдать. Во-первых, можно апеллировать к классической «дилемме заключенных», которая демонстрирует выгоды кооперативного поведения в условиях неопределенности. Во-вторых, у каждой из стран есть определенная репутация, в частности, репутация оппортуниста и нарушителя может привести к исключению из режима или наложению дополнительных обязательств (Hasenclever et al., 2000). То есть нарушение правил может быть крайне нерациональным с учетом долгосрочных потребностей государства.

Интерес великих держав к международным режимам, помимо снижения неопределенности, состоит в том, чтобы навязать свою волю — пусть и не прямым путем, а через нормы и процедуры. Конечно, эти правила могут меняться и нарушаться, но все заинтересованные стороны связаны общим понятийным аппаратом и привязаны к определенному контексту, который создается режимом.

В результате появляется возможность согласовывать позиции по весьма мелким проблемам и вопросам, представляющим взаимный интерес (Keohane, 1982).

Когда возникает стимул к созданию режима? Во-первых, при наличии большой проблемы, которую не решить без координации между государствами, т.е. при наличии угрозы, что определенные потери грозят всем заинтересованным сторонам (не важно, относительные это или абсолютные потери). Во-вторых, при стремлении государств к обмену, к взаимному сокращению угроз (например, пакетное сокращение в определенных отраслях, в каждой из которых преимущество лишь у одной стороны) (Hasenclever et al., 2000). В-третьих, нельзя исключать спонтанное упорядочивание, которое является неотъемлемым элементом международно-политической анархии (Young, 1982).

Создание режима ограничивает дальнейший эгоизм стран: чтобы режим был действенным, необходимо сделать режим способным содействовать договоренности сторон. Желание государств договариваться остается важным, но при наличии таких способностей режим начинает существовать в самостоятельной логике выживания. Так получается, потому что режимы являются продуктом коллективной воли, а значит, одному или нескольким государствам сложно добиться изменений в свою пользу (Young, 1982).

Рассмотрим характеристики, присущие международному режиму.

1. Режимы относятся к сфере субъективного, к сфере восприятия участниками норм, принципов, а также их представлений о приемлемом поведении.

2. Режимы не только связаны с получением преимуществ, но и вносят вклад в создание норм международного поведения, в частности через процедуры принятия решения.

3. Режимы подразумевают определенную иерархию норм, изменение которой во многом определяет сущность режима: важность одних норм подчеркивается, других — не артикулируется.

4. Внутри режимов обязательно возникает элита из числа представителей международной бюрократии и экспертного сообщества, которая на персональном уровне обеспечивает функционирование и коммуникации режима.

5. Режимы существуют только в сфере упорядоченных (повторяющихся) социальных и политических практик (Puchala, Hopkins, 1982).

Поскольку международный режим зависит от восприятия государствами своих интересов и норм поведения, он может меняться при изменении восприятия (например, при смене политических лидеров), а также при накоплении и углублении противоречий между участниками, при существенном изменении баланса сил между участниками, под влиянием внешних факторов (в том числе социетальных акторов) (Young, 1982).

В конечном счете важно понимать, что понятие «международный режим» шире понятия «международная организация», поскольку охватывает как формальные,

так и неформальные практики, включая нигде не прописанные правила принятия решений и процедурные традиции. Проще говоря, международный режим может включать несколько международных организаций или ни одну из них.

Принципы и нормы поведения режима в сфере миграции

Хотя принципы и нормы международного режима интересубъективны, существуют в восприятии и при взаимодействии участников режима, можно предложить следующую их реконструкцию применительно к сфере миграции.

Во-первых, существующие нормы и принципы сильно благоприятствуют государствам — реципиентам миграции. Поскольку у таких стран не так много причин ограничивать собственные возможности, международные институты, связанные с миграционной повесткой, не занимаются неудобными для этой группы стран вопросами. Так, из обсуждения миграционной проблематики выведены вопросы социальной ответственности: какие меры в отношении мигрантов могли бы предпринять государства пребывания, чтобы, например, повысить их социальный статус и достаток (Мартыненко, Мартыненко, 2014). Анализ деятельности более чем 20 международных площадок и форумов показал, что государства предпочитают не участвовать в работе тех из них, где поднимаются вопросы прав мигрантов. Если же под влиянием институтов ООН эти вопросы включаются в повестку, то существенного прогресса не отмечается (Crépeau, Atak, 2016).

Пока наблюдается приток мигрантов в страны-реципиенты (ОЭСР, Аравийский полуостров), это остается внутренним делом таких государств. Если же будет недостаток в рабочей силе, то вероятно заключение двусторонних соглашений с наименее развитыми странами. Незаинтересованность таких стран в расширении и углублении глобального режима в сфере миграции (в том числе в создании «миграционного ВТО») на первый взгляд экономически неэкономична: устранение барьеров приведет к снижению стоимости труда и увеличению эффективности глобальной экономики. Но есть неэкономический ущерб «открытых границ», заключающийся в непредсказуемых изменениях на уровне общества и культуры (Kozlowski, 2008).

Во-вторых, наблюдается процесс секьюритизации вопросов миграции, усиленного внимания к вопросам нелегальной миграции, работорговли, приема беженцев и реадмиссии (Castles, 2014). В рамках текущего режима по миграции нормы и представления, связанные с безопасностью, оказываются выше норм и представлений, связанных с правами и свободами человека.

В-третьих, описанная ситуация ведет к консенсусному принципу принятия решений в большинстве консультативных механизмов и переговорных площадок по проблематике миграции. Это делает глобальный режим в сфере миграции неэффективным и медленно реагирующим на ключевые вызовы и угрозы.

В-четвертых, отмечается кризис легитимности основных институтов и переговорных площадок по миграции. Около 20–30 стран просто не видят смысла участвовать в деятельности подобных консультативных механизмов — это ряд стран Африки и Океании, а также аравийские монархии. Так, например, в работе МОМ (до включения в систему ООН) участвовали 174 страны (как члены и наблюдатели), в работе Глобального форума по миграции — свыше 160. Проблема еще более заметна при анализе количества стран, ратифицировавших ключевые международные нормативные акты по миграционным вопросам. Так, конвенции (№ 97, 1949 г. и № 143, 1973 г.) Международной организации труда ратифицировали 48 и 18 государств соответственно. Конвенцию ООН о защите прав всех трудовых мигрантов и их семей (в 1990 г. подписана, в 2003 г. вступила в силу) ратифицировали всего 49 стран (Newland, 2010a). То есть режим заявляет о себе как о глобальном, но таковым де-факто не является.

В-пятых, сотрудничество в рамках анализируемого международного режима ограничивается в основном направлениями, связанными с обменом и сбором статистической информации, разработкой рекомендаций и предложений, поддержкой переговоров между заинтересованными сторонами, и предоставлением площадки для дискуссии (Newland, 2010a). То есть режим скорее стремится упорядочить миграцию и деятельность стран-участниц, нежели выработать нормы и правила поведения. Это означает, что пока не удалось сформулировать общее понимание проблем и стоящих перед всеми государствами задач.

В-шестых, в вопросах глобальной миграции отмечается нехватка лидерства. Большинство великих держав (США, КНР, Россия) воздерживаются от активного участия в выработке повестки в данной сфере международных отношений и мировой политики. Это приводит к тому, что инициативу вынужденно берут в свои руки второстепенные страны. Так, Бернскую инициативу МОМ по выработке общих приоритетов и целей миграционной политики выдвинула Швейцария (Kozłowski, 2008). При этом для США созревают предпосылки для изменения позиции: страна стала терять привлекательность для высококвалифицированных мигрантов. По одному из рейтингов привлекательности для ученых и специалистов, США уступили Швейцарии, Сингапуру, Гонконгу, Катару и Великобритании (Лебедева и др., 2014). При обострении конкуренции за высококвалифицированную рабочую силу может возникнуть необходимость установления определенных «рамоч приличия», однако в настоящий момент нехватка лидерства негативно отражается на глобальных институтах в сфере миграции.

Таким образом, дальнейшее развитие глобального режима в сфере миграции, вероятно, будет происходить как результат спонтанного упорядочивания, предоставления определенных преференций развитым государствам в обмен на их уступки, а также под влиянием внешних факторов (прогресса переговоров в других сферах, деятельности сторонних акторов).

Связка «миграция–развитие»

Вероятно, не имеет смысла анализировать все проблемы, к которым мог бы обратиться глобальный режим в сфере миграции. Это касается защиты трудовых прав мигрантов, формирования адекватной и предсказуемой визовой политики со стороны стран –реципиентов миграции, особенностей социокультурной адаптации и других вопросов. Одним из важнейших направлений глобальной миграционной политики представляется связка «миграция–развитие» (англ. migration–development nexus), которой уделяет пристальное внимание Международная организация по миграции. Это понятие, активно используемое сторонниками «новой экономики миграции», подразумевало, что мигранты и представители диаспор (т.е. потомки мигрантов) могут стать дополнительным источником капитала для стран происхождения. Впервые такая идея была высказана правительственной комиссией США по международной миграции в 1990 г., с тех пор ее развивали ОЭСР, МОМ и Всемирный банк (Nyberg-Sorensen et al., 2002). По мнению сторонников «новой экономики миграции», вклад мигрантов мог заключаться в следующем:

- на основе финансовых переводов мигрантов формируется альтернативный источник кредитов и инвестиций в хозяйства и предприятия страны происхождения;
- у родственников мигрантов в государстве-доноре возникают накопления, которые сглаживают негативные эффекты от колебаний рынка и локальных дефектов экономики;
- за счет роста благосостояния частично снижается необходимость миграции оставшихся родственников (Portes, 2009).

Важность финансовых переводов мигрантов демонстрируют следующие данные: по некоторым подсчетам, увеличение финансовых перечислений мигрантов на 10% может сократить на 3,5% количество лиц, живущих за чертой бедности в мире. Из-за наличия больших мигрантских общин в абсолютном выражении почти 40% мировых финансовых перечислений мигрантов приходится на 10 крупных развивающихся стран (Индию, Китай, Мексику и др.), но в некоторых относительно небольших странах такие переводы уже составляют значительную часть национального дохода (см. таблицу) (ИОМ, 2017).

В рамках связки «миграция–развитие» делается особый акцент на необходимости поощрять страны и выходцев из них самостоятельно решать внутренние экономические и политические проблемы. А поскольку большая часть финансовых перечислений мигрантов осуществляется из стран ОЭСР и Аравийского полуострова, то такая частная и децентрализованная поддержка развивающихся экономик может и должна заменить хотя бы отчасти официальную помощь развитию, поскольку источник капитала формально не меняется. На сегодняшний день финансовые перечисления мигрантов прочно заняли второе место среди механизмов привлечения капитала и могут в ближайшее время превзойти объем

Доля финансовых перечислений мигрантов в ВВП государств¹ в 2016 г.

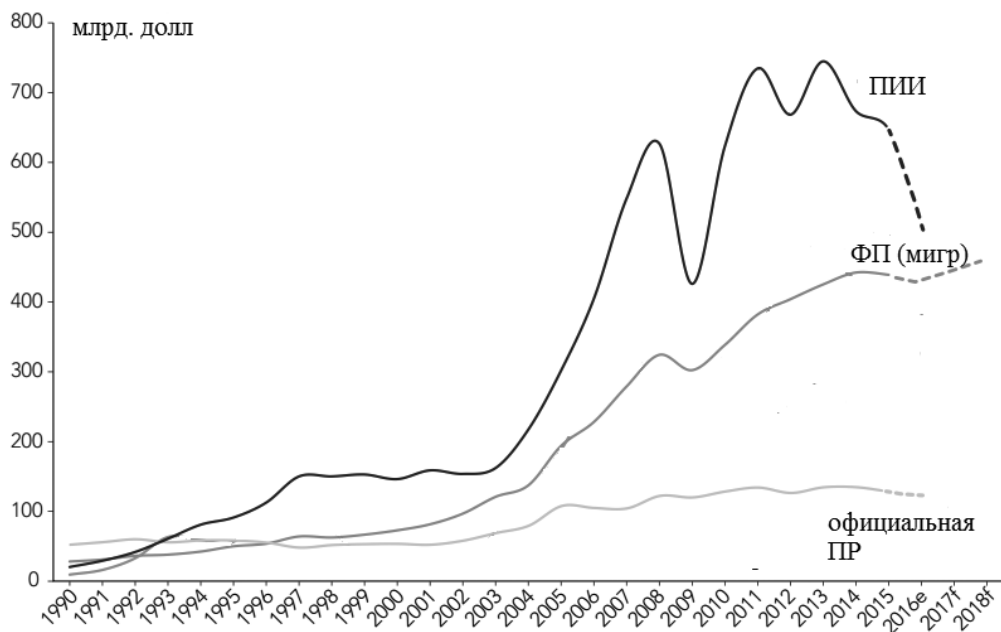
Государство	Доля финансовых перечислений мигрантов в ВВП,%
Киргизия	34,5
Непал	29,7
Либерия	29,6
Гаити	27,8
Тонга	27,8
Таджикистан	26,9
Молдова	21,7
Коморские Острова	21,2
Гамбия	20,4
Гондурас	18,4

прямых иностранных инвестиций (см. рисунок). Однако необходимо отметить, что международная статистика во многом носит оценочный и неточный характер, а инвестиции от представителей диаспор вполне могут быть включены в показатель прямых иностранных инвестиций. Так долгое время происходило с Китаем, где уровень финансовых перечислений мигрантов находился на низком уровне (приблизительно до середины 2000-х гг.), а уровень ПИИ, включая капитал представителей хуацяо, имел высокие показатели (Карур, 2005).

Впоследствии чисто экономические соображения в связке «миграция–развитие» стали дополняться социальными и политическими. Американская исследовательница П. Левитт предложила учитывать не только финансовые переводы в страну происхождения, но и «социальные перечисления» (англ. social remittances). Это понятие охватывает обмен идеями, ценностями, моделями поведения, экономическими инновациями, а также трансформацию восприятия событий. По мнению П. Левитт, социальные перечисления передаются в основном ненамеренно и бессистемно, что осложняет (но делает невозможным) их учет (Levitt, 1998). Появились весьма широкие трактовки данного понятия в отношении урегулирования конфликтов (например, работы Дж. Блинкхофф, К. Гледитч) и даже демократизации политических режимов (М. Коинова) (Brinkerhoff, 2011; Gleditsch, 2007; Koinova, 2009).

Все же МОМ и Всемирный банк обращают внимание на менее значительные элементы «социальных перечислений», в частности, на проблему миграции высококвалифицированных специалистов (утечка мозгов). Для отработки возможностей управления «социальными перечислениями» в сфере передачи навыков и снижения ущерба от утечки мозгов Международная организация по миграции опробовала в 2001–2010 гг. в 7 африканских странах программу «Миграция

¹ Государства с населением свыше 100 тыс. чел.

Источник: (ИОМ, 2017)

Соотношение прямых иностранных инвестиций (ПИИ), финансовых перечислений мигрантов (ФП_{мигр}) и официальной помощи развитию (ПР) в развивающихся странах в 1990–2017 гг.

и развитие в Африке», нацеленную на установление длительного партнерства диаспор и стран происхождения. Это достигалось путем подготовки и направления специалистов из числа участников диаспор и мигрантских сообществ на историческую родину для временной работы в растущих и технологически сложных отраслях экономики (Migration for development in Africa).

Заметно, что связка «миграция–развитие» подразумевает четкое деление мира на центр и периферию. Традиционно подчеркивается роль финансовых перечислений мигрантов в развивающиеся страны (глобальный Юг). Несмотря на наличие в повестке дня международных организаций идей сотрудничества по линии Юг–Юг, а также гипотетическую возможность сотрудничества между странами глобального Севера, фактически связка «миграция–развитие» имеет строго иерархический характер: развитые страны — диаспоры в развитых странах — развивающиеся страны (Datta, 2009). Тем не менее такое положение дел не полностью соответствует новым тенденциям в международной миграции: во-первых, годовой объем миграции Юг–Юг превысил объем миграции Юг–Север (38% против 34% от общей численности мигрировавших на 2015 г.); во-вторых, с 2009 г. растет миграция внутри стран Севера, прежде всего за счет Польши, Италии, Германии, Франции и Венгрии. В целом выходцы из Европы

в 2009–2013 гг. составили 39% от объема мигрантов в страны ОЭСР (де-факто развитые страны) (World Bank, 2016).

Таким образом, в обобщенном виде связка «миграция–развитие» подразумевает следующее:

- необходимо создавать стимулы для того, чтобы представители диаспор и мигрантских сообществ осуществляли инвестиции и передачу знаний и умений в страны происхождения, что повлечет экономический рост, рост занятости и сократит технологическое отставание развивающихся стран;
- перечисления представителей диаспор и мигрантских сообществ создают условия для макроэкономической стабильности в странах происхождения, но нужно направлять эти перечисления точно, на конкретные проекты, а не на текущее потребление;
- следует усиливать взаимодействие с сетевыми мигрантскими структурами, использовать их возможности для создания устойчивых отношений между мигрантами и странами их происхождения;
- международные организации и инвесторы должны использовать информированность представителей диаспор и мигрантских сообществ по поводу условий и специфики ведения бизнеса в странах происхождения (Newland, 2010b);
- в политико-географическом отношении конкретные меры могут быть направлены преимущественно на страны глобального Юга (Африка, Азия, Латинская Америка).

С политической точки зрения данные тезисы подводят к двум очень важным выводам. Во-первых, потенциалом изменений, который заложен в миграционных процессах, можно управлять, тем самым снижая негативные последствия от миграции. Во-вторых, привлечение и перенаправление капитала мигрантов требует прямого контакта с мигрантскими организациями, со структурами гражданского общества. Т. Файст отмечает, что связка «миграция–развитие» стала рассматриваться с позиций триады «рынок–государство–гражданское общество». Такой подход привел к некоторым подвижкам в миграционной политике ряда стран и созданию механизмов вовлечения мигрантов в диалог с двумя остальными элементами триады: предоставление избирательных прав эмигрантам, поощрение форм временной миграции, предоставление эмигрантским предприятиям налоговых и инвестиционных льгот и поощрений (Faist, 2008).

Естественно, что такое понимание взаимосвязи миграции и развития встречает не только поддержку, но и критику. Во-первых, конкретные меры и модели экономического развития, предлагаемые международными институтами (МОМ, Всемирным банком, ОЭСР), носят дискуссионный характер. Сложно отрицать необходимость экономического развития, однако предложенные меры пока не дали результата (может быть, из-за недостаточного учета специфики стран происхождения). Во-вторых, было бы упрощением оценивать только позитивные

стороны вклада мигрантов в экономику и политическую сферу (с помощью финансовых и «социальных перечислений»). Очевидно, что этот вклад имеет и негативные последствия: депопуляция, превращение родственников на родине в рантье, усиление социального неравенства, снижение требовательности к эффективному функционированию государственных институтов. В-третьих, повестка миграции и развития охватывает не все виды миграции, а значит, подразумевает возможность (если не наличие) определенной манипуляции. В качестве примера называют ученых-космополитов, причастных к выработке повестки дня в международных организациях и ключевых национальных институтах, а также работников секс-индустрии. В-четвертых, связка «миграция–развитие» является определенным идеологическим инструментом, вне всякого сомнения, легитимизирующим предоставление эксклюзивных инструментов влияния некоторым международным организациям (МОМ, Всемирному банку, МВФ). Важнейшим таким инструментом служат базы данных: через сбор и представление информации обозначенные организации приобретают способность влиять на принятие решений государствами-членами (Raghuram, 2009).

Таким образом, связка «миграция–развитие» имеет большое значение для формирования целостного глобального режима в области миграции, поскольку увязывает задачи экономического развития государств и мира в целом с необходимостью использования потенциала мигрантов и их организованных групп.

Внутренние вызовы для связки «миграция–развитие»

Представленное видение задач глобального режима в сфере миграции сталкивается с рядом сущностных проблем. Наиболее очевидная — вклад мигрантов в развитие — распределяется крайне неравномерно. Во-первых, с географической точки зрения сильно обделены помощью мигрантов страны Африки южнее Сахары, Океании и Среднего Востока, а Латинская Америка, Южная и Юго-Восточная Азия, наоборот, в совокупности получают до 60% мировых перечислений мигрантов (ИОМ, 2017). Во-вторых, свыше 70% от общих перечислений мигрантов в 2010–2015 гг. поступало в страны со средним уровнем дохода, еще 24% — в страны ОЭСР (World Bank, 2016). Получается, что до наиболее нуждающихся помощь доходит в сравнительно небольшом количестве, экономическое неравенство государств только усиливается.

Второй вызов носит концептуальный характер. Воспринимая мигрантов и их сообщества как «агентов развития», в конечном счете как фирмы, международные институты во главе с МОМ сужают сущность миграции до экономических процессов спроса и предложения на рынке труда, инвестиций и путей распространения навыков. Между тем мигранты, в отличие от товаров и услуг, могут приобретать и сохранять права, в том числе политические. В этом состоял главный урок трудовой миграции (так называемый либеральный парадокс) в Западную Европу в 1950–1960 гг.: когда необходимость в трудовых мигрантах отпала из-

за изменений рыночной конъюнктуры, государствам остановить миграцию не удалось. Это коснулось даже тех стран, которые придерживались ротационной системы, т.е. первоначально отрицали право мигрантов на окончательное поселение (например Германия, Швейцария) (Hollifield, 2004).

Третий вызов для связки «миграция–развитие» вытекает из второго. Узко-экономическое понимание роли и задач мигрантов ведет к нарушению в триаде «рынок–государство–гражданское общество». Связка «миграция–развитие» делает акцент на помощи развитию государств. Но что, если диаспора или сообщество мигрантов не стремится помогать стране? На примере тоголезской диаспоры Х. Бреант показал, что возможны другие модели поведения. До 2005 г. из-за особенностей политического режима мигранты из Того в принципе старались не поддерживать контактов со страной происхождения. Затем возникли форматы помощи отдельным деревням, регионам, этническим группам — до сих пор о помощи Того в целом речь практически не идет (Bréant, 2013). С. Р. Тейлор предложила подумать о ситуации радикализации повестки развития в рамках мигрантских сообществ: в какой-то момент мигранты могут решить, что им нет нужды следовать рекомендациям международных организаций и государств, а финансовые потоки направить на проекты по собственному усмотрению (Taylor, 2016). То есть дефицит демократии и непосредственного участия мигрантов в выработке приоритетов миграции и развития не только страшен сам по себе, но и обуславливает возможность перехода деятельности в рамках связки «миграция–развитие» на транснациональный уровень.

Четвертый вызов заключается в определенной идеологической нагрузке связки «миграция–развитие». Концепция прогресса, достигаемого с помощью свободы передвижения, представляет собой продукт неолиберальной мысли. Для стран, раздираемых конфликтами, идея «миграции–развития» предлагает выстраивание новых институтов и восстановление экономики. Для государств с низким уровнем доходов идея миграции и развития дает перспективу роста и выхода в статусно новую категорию в мировой экономической и политической системе. Но такой подход отчасти делегитимирует позицию оппонентов, противников интенсификации миграционных процессов. Не вдаваясь в подробности ведущейся нескольких столетий дискуссии либерализма и консерватизма, отметим, что возможны другие формы поддержки развивающихся государств (включая компенсацию за период колониализма, более рискованные формы инвестирования). Примечательно, что и некоторые мигранты заинтересованы в сокращении притока приезжих, поскольку это стабилизирует уровень их доходов (Коллиер, 2016). Связка «миграция–развитие» в этом смысле играет роль разделительной линии между «своими» и «чужими», создает отношения политического включения / исключения. Безусловно, нет возможности найти компромисс между всеми заинтересованными сторонами и включить всех в диалог, но степень открытости для новых идей в концепции взаимосвязи миграции и развития может быть значительно выше.

Пятый вызов носит более сложный и отчасти спекулятивный характер. Поощряя мигрантов выстраивать контакты со страной происхождения, международное сообщество тем самым поощряет дальнейшую миграцию. При наличии мигрантских сообществ и диаспор в стране-реципиенте поток мигрантов стабильно растет, а это положительно отразится на финансовых переводах и «социальных перечислениях». Но увеличение числа мигрантов вряд ли соответствует интересам стран-реципиентов, а социальные и политические последствия для государств происхождения, вероятно, будут мешать тому развитию, которое пытаются поощрить. Кроме того, поощрение контактов представителей мигрантских сообществ и диаспор с родственниками на исходной территории осложняет процессы интеграции и аккультурации в странах пребывания (Коллиер, 2016). Получается, что попытки решить проблемы бедности и экономического развития стран усугубляют другие существующие сложности.

Таким образом, связка «миграция–развитие» представляет собой внутренне противоречивую концепцию, исходящую из преимущественно экономической трактовки социальных и политических процессов миграции.

Влияние связки «миграция–развитие» на характеристики режима

Выстраивание международных институтов, составляющих данный режим, в соответствии с идеями связки «миграция–развитие» может иметь следующие последствия для самого режима.

Во-первых, неравномерное распределение финансовых (и, вероятно, социальных) перечислений, а также ускорение оттока граждан из традиционных стран — доноров миграции не создает и даже устраняет стимулы для возможных уступок со стороны развитых стран. Это ведет к углублению противоречий между государствами-донорами и государствами — реципиентами миграционных потоков. Безусловно, все международные режимы несправедливы и распределяют выгоду неравномерно. Однако степень несправедливости напрямую влияет на эффективность и длительность существования режима. Те, кому достается меньше преимуществ, подчиняются нормам и принципам, поскольку цена выхода из режима чаще всего для них слишком высока. Но ущемленные страны могут выработать контррежимные нормы и принципы, продвигать их на уровне риторики. В период кризиса режима (а сложностей с миграцией в мире, включая ЕС и США, предостаточно) эти контррежимные элементы могут войти в нормативное пространство самого режима: те, кто ранее получал больше выгоды от режима, будут вынуждены пойти на большие уступки ((Puchala, Hopkins, 1982).

Во-вторых, узкоэкономическое и вместе с тем идеологически обусловленное понимание существующих миграционных проблем и проблем развития предопределяет нацеленность глобального режима миграции на контроль над миграцией. Маловероятно, что режим способен или будет способен устранить причины миграции (не только трудовой, но и вынужденной). Основной посыл

связки «миграция–развитие» состоит в том, чтобы смягчить последствия миграции для стран-доноров. Вместе с тем цель контроля и перевода в легальные формы финансовых перечислений реально существует (Laczo, Lonnback, 2013). В классификации Р. Кеохейна такой режим называется ориентированным на контроль, что подразумевает контроль над внешними факторами (упорядочивание перемещения денег не относится к очевидным задачам для режима по миграции). Обычно такие режимы являются централизованными, а нормы и принципы — достаточно четкими и проработанными. В случае глобального режима по миграции достаточна велика степень фрагментированности международных институтов, занимающихся проблематикой в данной сфере, а нормы и принципы туманны по множеству вопросов. Иными словами, для поставленной задачи у рассматриваемого международного режима не хватает институциональной базы.

Р. Кеохейн описывает и менее централизованную разновидность — «страховочные» режимы. Такие режимы регулируют поведение участников, но не стремятся влиять на внешние факторы, создавая возможности для смягчения проблем извне. Так, в Международном энергетическом агентстве существует механизм практически принудительной передачи нефти в случае ее нехватки у одной из стран-членов (Keohane, 1982). Аналогичен по содержанию механизм принудительных квот на мигрантов в ЕС — это региональный «страховочный» режим. Вероятно, связка «миграция–развитие» отрицает возможность создания таких «страховочных» элементов на глобальном уровне, подталкивая существующий международный режим к функциям ориентации на контроль.

Наконец, в-третьих, одно из важнейших последствий продвижения связки «миграция–развитие» в повестку дня международных институтов, связанных с миграционными проблемами, — распространение «дефицита демократии». Несмотря на призывы формировать партнерства на уровне стран происхождения и диаспор, усиливать и поощрять диалог, очевидно, что цели этой деятельности во многом predetermined заранее. Диаспоры и мигрантские сообщества так и не становятся равноправным элементом глобального режима в сфере миграции, их задача сводится к передаче — капитала, навыков, идей. А это в конечном счете влияет на степень приверженности диаспор идеям развития стран происхождения и предлагаемым моделям их осуществления. Конечно, глобальный режим в сфере миграции может существовать и без непосредственного участия мигрантов, опираясь на институты национальных государств. Но диаспоры и мигрантские сообщества убедительно показали, чтобы способны развивать альтернативные каналы перемещения капитала и индивидов, что будет снижать степень упорядоченности, в которой оперирует режим.

Выводы

Анализ показывает, что на уровне структуры глобального режима в сфере миграции, соотношения его ключевых элементов претворение в жизнь идей

миграции и развития вносит дополнительную рассогласованность. Во-первых, связка «миграция–развитие» имплицитно предполагает увеличение миграционных потоков, опираясь на логику «больше мигрантов – больше перечислений». Во-вторых, имплементация политических рекомендаций, основанных на идее «миграция–развитие», может привести к дальнейшей дифференциации стран по уровню дохода, с заметным отставанием государств с наименьшим уровнем дохода в Африке южнее Сахары и Океании. В-третьих, связка «миграция–развитие» сужает географический охват глобального режима в сфере миграции, поскольку нацеливает активность международных институтов преимущественно на страны глобального Юга. Тем самым, например, из механизмов поддержки развития исключаются постсоветские страны, располагающие значительными диаспорами (например, Россия, Украина, Армения). В-четвертых, связка «миграция–развитие» — негибкая в плане привлечения новых идей и подключения к деятельности негосударственных акторов, в том числе мигрантских сообществ и диаспор.

С учетом перечисленного необходимо внести коррективы в концепцию миграции и развития, которые позволят подключить механизмы полноценного подключения развитых стран к глобальному режиму в сфере миграции, дадут пространство для самостоятельных действий и определения приоритетов диаспорам, позволят сформулировать более четкие перспективы режима защиты прав мигрантов — не только трудовых, но и социальных и политических. Также в рамках действующего режима уместно сместить акценты с контроля над перемещением (капитала, индивидов, идей) на создание «страховочных» механизмов.

Библиографический список

1. Коллиер, П. (2016). *Исход: как миграция изменяет наш мир*. Москва.
2. Лебедева, Л. Ф., Смирнова, И. К., Щербина, А. В. (2014). США в международной миграции населения в начале XXI века. *США-Канада: экономика, политика, культура*, 12, 53–62.
3. Мартыненко В. В., Мартыненко С. В. (2014) Миграция и развитие: поиск общего знаменателя. *Вестник Самарского государственного экономического университета*, 8 (118), 19–24.
4. Bréant, H. (2013). What if Diasporas Didn't Think about Development?: A Critical Approach of the International Discourse on Migration and Development. *African and Black Diaspora: An International Journal*, 6 (2), 99–112.
5. Brinkerhoff, J. M. (2011). Diasporas and Conflict Societies: Conflict Entrepreneurs, Competing Interests or Contributors to Stability and Development? *Conflict, Security & Development*, 11 (2), 115–143.
6. Castles, S. (2014). International Migration at a Crossroads. *Citizenship Studies*, 18 (2), 190–207.
7. Crépeau, F., Atak, I. (2016). Global Migration Governance. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 34 (2), 113–146.

8. Datta, K. (2009). Transforming South–North Relations? *International Migration and Development. Geography Compass*, 3 (1), 108–134.
9. Faist, T. (2008). Migrants as Transnational Development Agents: An Inquiry into the Newest Round of the Migration–Development Nexus. *Population, Space and Place*, 14 (1), 21–42.
10. Gleditsch, K. S. (2007). Transnational Dimensions of Civil War. *Journal of Peace Research*, 44 (3), 293–309.
11. Hasenclever, A., Mayer, P., Rittberger, V. (2000). Integrating Theories of International Regimes. *Review of International Studies*, 26 (1), 3–33.
12. Hollifield, J. F. (2004). The Emerging Migration State. *International Migration Review*, 38 (3), 885–912.
13. IOM. (2017). Migration and Remittances. Recent Developments and Outlook Special Topic: Global Compact on Migration. Retrieved from <http://pubdocs.worldbank.org/en/992371492706371662/MigrationandDevelopmentBrief27.pdf>
14. Kapur, D. (2005). Remittances: The New Development Mantra? In S. M. Maimbo, D. Ratha (Eds.) *Remittances: Development Impact and Future Prospects* (pp. 331–360). World Bank.
15. Keohane, R. O. (1982). The Demand for International Regimes. *International Organization*, 36 (2), 325–355.
16. Koinova, M. (2009). Diasporas and Democratization in the Post-Communist World. *Communist and Post-Communist Studies*, 42, 41–64.
17. Koslowski, R. (2008). Global Mobility and the Quest for an International Migration Regime. *Center for Migration Studies special issues*, 21 (1), 103–143.
18. Laczko, F., Lonnbäck, L. J. (Eds.). (2013). Migration and the United Nations Post-2015 Development Agenda. Geneva: IOM, 2013. Retrieved from http://publications.iom.int/system/files/pdf/migration_and_the_un_post2015_agenda.pdf
19. Levitt, P. (1998). Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion. *International Migration Review*, 32 (4), 926–948.
20. Migration for Development in Africa. Retrieved from <https://www.iom.int/mida>
21. Newland K. (2010a). The Governance of International Migration: Mechanisms, Processes, and Institutions. *Global Governance*, 16 (3), 331–343.
22. Newland, K. (2010b). Diasporas: new partners in global development policy. Washington, DC: Migration Policy Institute. Retrieved from <http://www.migrationpolicy.org/sites/publications/Diasporas-Partners.pdf>
23. Nyberg-Sorensen, N., Van Hear, N., Engberg-Pedersen, P. (2002). The Migration-Development Nexus: Evidence and Policy Options. Retrieved from http://publications.iom.int/system/files/pdf/mrs_8.pdf
24. Portes, A. (2009). Migration and Development: Reconciling Opposite Views. *Ethnic and Racial Studies*, 32 (1), 5–22.
25. Puchala, D. J., Hopkins, R. F. (1982). International Regimes: Lessons from Inductive Analysis. *International Organization*, 36 (2), 245–275.
26. Raghuram, P. (2009). Which Migration, What Development? Unsettling the Edifice of Migration and Development. *Population, Space and Place*, 15 (2), 103–117.
27. Taylor, S. R. (2016) The Role of Migrant Networks in Global Migration Governance and Development. *Migration and Development*, 5 (3), 351–360.

28. World Bank. (2016). Migration and Remittances Factbook-2016. Retrieved from <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23743/9781464803192.pdf>
29. Young, O. R. (1982). Regime Dynamics: The Rise and Fall of International Regimes. *International Organization*, 36 (2), 277–297.

Статья поступила в редакцию 19.10.2017.

.....

THE MIGRATION-DEVELOPMENT NEXUS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE GLOBAL MIGRATION REGIME

Loshkariov I. D.

Loshkariov Ivan Dmitrievich,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University); 119454, Russia,
Moscow, Vernadsky Prospect, 76.
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

The article assesses the prospects for the functioning of the global regime in the sphere of migration given the active integration of the migration-development nexus into the international agenda. The author reveals the evolution and essence of this concept, defines the concept of «international regime» and identifies specific characteristics of norms and principles of the global migration regime.

The migration-development nexus treats the role of migrants very narrowly and assumes their active participation in the transfer of capital, knowledge and skills to the countries of origin as well as the use of migrants' specific information in the investment business. As a result, this is expected to bring positive macroeconomic results. At the same time, it implies to direct efforts mainly in the countries of the global South, which does not correspond to the existing trends of the global migration. In its current form, the migration-development nexus is very unprofitable for the low-income states of Africa and Oceania and also contributes to the growth of migration flows, rather than to their gradual reduction.

The active implementation of the ideas of migration-development nexus adversely affects the global migration regime, it leads to increased inequality of states within the regime and shifts the priorities of the regime toward strengthening supervisory (and not mediatory) functions. The final outcome is «the democracy deficit» within the regime. The author comes to conclusion that migration-development nexus and the whole global migration regime can be transformed with the help of key recipient states as well as non-state migrant communities and diasporas.

Keywords: international regime, migration, migration-development nexus, diasporas, norms and principles.

References

1. Bréant, H. (2013). What if Diasporas Didn't Think about Development?: A Critical Approach of the International Discourse on Migration and Development. *African and Black Diaspora: An International Journal*, 6 (2), 99–112.
2. Brinkerhoff, J. M. (2011). Diasporas and Conflict Societies: Conflict Entrepreneurs, Competing Interests or Contributors to Stability and Development? *Conflict, Security & Development*, 11 (2), 115–143.
3. Castles, S. (2014). International Migration at a Crossroads. *Citizenship Studies*, 18 (2), 190–207.

4. Collier, P. (2016). *Ishod: kak migracija izmenjaet nash mir* [Exodus: How Migration is Changing Our World]. Moscow.
5. Crépeau, F. & Atak, I. (2016). Global Migration Governance. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 34 (2), 113–146.
6. Datta, K. (2009). Transforming South–North Relations? International Migration and Development. *Geography Compass*, 3 (1), 108–134.
7. Faist, T. (2008). Migrants as Transnational Development Agents: An Inquiry into the Newest Round of the Migration–Development Nexus. *Population, Space and Place*, 14 (1), 21–42.
8. Gleditsch, K. S. (2007). Transnational Dimensions of Civil War. *Journal of Peace Research*, 44 (3), 293–309.
9. Hasenclever, A., Mayer, P. & Rittberger, V. (2000). Integrating Theories of International Regimes. *Review of International Studies*, 26 (1), 3–33.
10. Hollifield, J. F. (2004). The Emerging Migration State. *International Migration Review*, 38 (3), 885–912.
11. IOM. (2017). Migration and Remittances. Recent Developments and Outlook Special Topic: Global Compact on Migration. Retrieved from <http://pubdocs.worldbank.org/en/992371492706371662/MigrationandDevelopmentBrief27.pdf>
12. Kapur, D. (2005). Remittances: The New Development Mantra? In S. M. Maimbo, D. Ratha (Eds.) *Remittances: Development Impact and Future Prospects* (pp. 331–360). World Bank.
13. Keohane, R. O. (1982). The Demand for International Regimes. *International Organization*, 36 (2), 325–355.
14. Koinova, M. (2009). Diasporas and Democratization in the Post-Communist World. *Communist and Post-Communist Studies*, 42, 41–64.
15. Koslowski, R. (2008). Global Mobility and the Quest for an International Migration Regime. *Center for Migration Studies special issues*, 21 (1), 103–143.
16. Laczko, F. & Lonnbäck, L. J. (Eds.). (2013). Migration and the United Nations Post-2015 Development Agenda. Geneva: IOM, 2013. Retrieved from http://publications.iom.int/system/files/pdf/migration_and_the_un_post2015_agenda.pdf
17. Lebedeva, L.F., Smirnova, I.K. & Shherbina A. V. (2014). SShA v mezhdunarodnoj migracii naselenija v nachale XXI veka [The USA in International Migration at the Beginning of XXI Century]. *SShA-Kanada: jekonomika, politika, kul'tura* [USA-Canada: Economy, Politics, Culture], 12, 53–62.
18. Levitt, P. (1998). Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion. *International Migration Review*, 32 (4), 926–948.
19. Martynenko, V.V. & Martynenko, S.V. (2014). Migracija i razvitie: poisk obshhego znamenatelja [Migration and Development: The Search for Common Ground]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [Samara State Economic University Review], 8 (118), 19–24.
20. Migration for Development in Africa. Retrieved from <https://www.iom.int/mida>
21. Newland K. (2010a). The Governance of International Migration: Mechanisms, Processes, and Institutions. *Global Governance*, 16 (3), 331–343.

22. Newland, K. (2010b). *Diasporas: new partners in global development policy*. Washington, DC: Migration Policy Institute. Retrieved from <http://www.migrationpolicy.org/sites/publications/Diasporas-Partners.pdf>
23. Nyberg-Sorensen, N., Van Hear, N. & Engberg-Pedersen, P. (2002). *The Migration-Development Nexus: Evidence and Policy Options*. Retrieved from http://publications.iom.int/system/files/pdf/mrs_8.pdf
24. Portes, A. (2009). *Migration and Development: Reconciling Opposite Views*. *Ethnic and Racial Studies*, 32 (1), 5–22.
25. Puchala, D. J. & Hopkins, R. F. (1982). *International Regimes: Lessons from Inductive Analysis*. *International Organization*, 36 (2), 245–275.
26. Raghuram, P. (2009). *Which Migration, What Development? Unsettling the Edifice of Migration and Development*. *Population, Space and Place*, 15 (2), 103–117.
27. Taylor, S. R. (2016) *The Role of Migrant Networks in Global Migration Governance and Development*. *Migration and Development*, 5 (3), 351–360.
28. World Bank. (2016). *Migration and Remittances Factbook-2016*. Retrieved from <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23743/9781464803192.pdf>
29. Young, O. R. (1982). *Regime Dynamics: The Rise and Fall of International Regimes*. *International Organization*, 36 (2), 277–297.

ЭТНИЧНОСТЬ КАК КОНТЕКСТ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рогочая Г. П., Савва Е. В., Улько Е. В.

Рогочая Галина Петровна, Кубанский государственный университет, 350040,
г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: rogochayagr@rambler.ru

Савва Елена Владимировна, Кубанский государственный университет, 350040,
г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: Ev.savva@yandex.ru

Улько Елена Васильевна, Кубанский государственный университет, 350040,
г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: elulko@gmail.com

В статье рассматриваются: влияние этничности на психологические и социально-политические аспекты взаимодействия, воздействие этничности на восприятие конфликта, поведение в конфликте и технологии регулирования этнополитических конфликтов.

Медиация является примером процедурного подхода и новой социальной технологией, позволяющей выстраивать конструктивное взаимодействие сторон в конфликте с учетом культурных особенностей и ценностных ориентаций. В статье предлагается авторское определение этномедиации — процедуры урегулирования конфликтов, когда хотя бы одна из конфликтующих сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами.

Иллюстрация этнически обусловленных различий, которые могут быть значимы при конфликтном взаимодействии и учтены при урегулировании конфликтов, в том числе и в процедуре медиации, представлены во фрагменте эмпирического исследования, основной целью которого было изучить специфику представлений абхазских и русских студентов о конфликтном взаимодействии в обыденных жизненных ситуациях. Методами исследования конфликтных установок и представлений респондентов об обыденных жизненных конфликтных ситуациях явились интервью, процедура оценки пословиц из абхазского и русского фольклора, стандартизированные методики: тест «Стратегии поведения в конфликте» К. Томаса, тест на оценку уровня конфликтности личности. Знание специфичности восприятия конфликтных ситуаций представителями различных этнических групп должно быть включено в разработку и проведение процедуры этномедиации.

Ключевые слова: этничность, этнополитический конфликт, психология конфликтного взаимодействия, медиация, этномедиация, восприятие конфликтных ситуаций.

Конфликтное взаимодействие является неотъемлемой частью современного мира и условием поиска моделей устойчивого развития любого общества. Поиск оптимальных способов конфликтного взаимодействия в современной России

усложнен и полидетерминирован рядом факторов. Многоукладность общества, разнообразие этнического и конфессионального состава, несформированная общегражданская идентичность, слабая культура правового регулирования отношений, наличие неинституционализированных регуляторов конфликтов позволяют определить проблему как значимую и актуальную.

В нашей работе мы выделяем область конфликтного взаимодействия людей с учетом этнообусловленных факторов. Исходя из понимания отсутствия методологического единства в подходах к пониманию этноса и этничности в современном научном мире, отметим потенциал различных научных концепций и теорий (примордиалистский, конструктивистский, инструменталистский, аксиологический и др.) для конструктивного анализа определенных проявлений этничности в конфликте. В нашей работе мы подходили к проблеме преимущественно в рамках онтологического подхода, предполагающего наличие этничности как некоторого начала, сохраняющего ментальные и поведенческие модели определенных этнических групп и имеющего свои проекции у отдельного индивида. Такой взгляд не отрицает тенденций развития и изменения этнических процессов и возможности целенаправленного конструирования определенных составляющих этничности.

Этничность может проявляться в разных формах и в конфликтах разных масштабов: от межличностных бытовых споров до государственных столкновений. Необходимость регулирования противоречий разного уровня требует усовершенствования общих подходов, методов и технологий. Одной из перспективных процедурных технологий является медиация — коммуникативная практика урегулирования споров с участием посредника (медиатора), находящаяся на стыке юриспруденции, конфликтологии и психологии. И если юридические аспекты медиации достаточно представлены в современных российских исследованиях, то конфликтологические и психологические стороны этой процедуры нуждаются в дальнейшей проработке. Среди многообразных областей применения медиации: семейная, школьная, бизнес-медиация — наименее изученной и стандартизированной является этномедиация. А. Д. Карпенко определяет этномедиацию на основании субъектов конфликта как медиацию в этнических, конфессиональных и межнациональных спорах (Карпенко, 2014). С нашей точки зрения, есть необходимость расширения предметной области этномедиации путем включения в неё этнообусловленных детерминирующих конфликт факторов и условий. Исходя из сказанного, мы определяем этномедиацию как процедуру урегулирования конфликта, когда хотя бы одна из конфликтующих сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами.

В представленной работе решается задача выделения различных социально-политических и психологических проявлений этничности в контексте конфликтного взаимодействия и доказательства значимости их учета в практике урегулирования

конфликтов. Другая задача — обосновать необходимость выделения этномедиации как специфической области медиации в практике урегулирования конфликтов, строящейся с учетом этнообусловленных ментальных репрезентаций, ценностных установок субъектов конфликтного взаимодействия. Усовершенствованию процедурных и технологических аспектов этномедиации могли бы способствовать исследования в области этнического аспекта конфликтного взаимодействия. В частности, исследовательский интерес представляет этнообусловленная специфика восприятия и интерпретации конфликтных ситуаций ее участниками. Результаты могут представлять интерес не только в этнической медиации, но и способствовать развитию культуры диалога в полиэтничном и поликонфессиональном обществе (Рогочая, 2017). Исследование диалоговых практик в контексте особенностей и специфики культурной этнической коммуникации необходимы для формирования базы для разработки процедур урегулирования конфликтов и предотвращения перерастания возникающих между людьми разногласий в широкомасштабные и разрушительные этнополитические конфликты.

Этнополитические конфликты несут в себе угрозу территориальной целостности государств, как правило, сопровождаются высоким уровнем насилия и провоцируют потоки вынужденной миграции. С точки зрения методологии исследования этнополитических конфликтов наиболее сложный вопрос связан с самим феноменом этничности. Данное понятие по праву рассматривается в качестве базового для исследования предпосылок, причин и путей предупреждения межэтнических конфликтов. В самой упрощенной форме вопрос стоит так: провоцирует ли этничность конфликты? В какой форме мы можем зафиксировать проявление этничности в конфликтном взаимодействии? Могут ли субъекты конфликтного взаимодействия при всей специфике этнической идентичности, ценностных ориентаций, сформированных в этнической культуре, находить способы эффективного взаимодействия в конфликте?

Из трех конкурирующих друг с другом парадигм этничности: примордиализма, инструментализма и конструктивизма — наибольшей популярностью в науке в настоящее время пользуется конструктивизм. Согласно данной теории, этничность создается не в результате творчества народных масс, а как результат выбора элит. Именно элиты (прежде всего гуманитарные элиты) формируют представления об этнических ценностях — нормах литературного языка, знаменательных датах в истории, прототипах идентичности и т.п. Но, признавая роль элит в формировании этнических границ, конструктивизм обходит стороной вопрос о причинах устойчивости данных границ.

Резко критикуемый своими оппонентами, примордиализм исходит из устойчивости этнических образований. Видный представитель данного направления Э. Смит обнаруживает прообразы этнических групп в верхнем неолите. В рамках данной теории, этнические группы связывает в единое целое чувство изначально присущей людям духовной близости (Смит, 2007).

Инструментализм же рассматривает этничность как инструмент, используемый элитами в борьбе за достижение узко утилитарных целей.

Г. В. Грошева отмечает наличие тенденции к снижению жесткого противостояния различных парадигм понимания этничности и признание большинством исследователей преимуществ интегрированного подхода, способствующего изучению разнообразных проявлений этничности (Грошева, 2006).

Для нас является значимым рассмотрение проекции этничности на уровень отдельного индивида, субъекта конфликтного взаимодействия и даже более конкретно — субъекта процесса медиации. В рамках многих направлений в качестве важнейшего маркера этничности называют этническую идентичность. Индивид обращается к своей этничности прежде всего в надежде обрести ту психологическую защиту, в которой нуждается современный человек в постоянно усложняющемся нестабильном мире. Человек через этническую идентичность выстраивает целостную картину мира, наполненную ценностями и смыслами, разделяемыми представителями его этнической группы. Таким образом, этничность может создавать для индивида иллюзию безопасности через присоединение к большой группе. Этим объясняется, например, так называемый этнический ренессанс современности — усиление восприятия этничности в условиях глобализации и информационного общества. Г. И. Мирский, иллюстрируя идеологию цивилизационного подхода, отмечает: «Когда рушатся все иные общественные ценности, именно этническая идентичность остается последним прибежищем, элементом приобщения личности к некоей общности, группе» (Мирский, 1997). Бертон относит к универсальным базовым потребностям «потребность в своей самобытности или национально-этнической идентичности», а также в «развитии собственного социокультурного потенциала» (Степанов, 2003, 118), которые можно обозначить как формы проявления этничности в конфликтном взаимодействии.

В этой связи необходимо уточнить ряд исследовательских подходов к трактовке этнического конфликта. В науке особое внимание уделяется изучению и теоретическому осмыслению того типа конфликтов, который характеризуется столкновением качественно различных ценностных ориентаций, обусловленных этнической спецификой в частности. В. А. Авксентьев и С. Н. Змиев, развивая идею «блокового конфликта» в исследовании этнических конфликтов, отмечают, что предметом «блокового конфликта» выступает реальное или мнимое представление субъекта конфликта об ущемлении его интересов. По их мнению, «этнизация конфликта, не имеющего под собой выраженной этнической основы — важный маркер блокового конфликта» (Авксентьев, Змиев, 2009). Такая позиция авторов соотносится с нашим подходом к определению предметной области этномедиации.

Р. Брубейкер также отмечает возможность исследования проявления этничности, этнического конфликта не только на уровне группы, но и на уровне отдельного субъекта конфликтного взаимодействия. «Она (этничность — авт.)

действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события. Короче говоря, исследование этничности — даже исследование этнического конфликта — не должно сводиться к изучению этнических групп, они даже не должны быть его главным предметом» (Брубейкер, 2012). Учет этнического фактора в любых видах коммуникации позволяет снизить возникающую напряженность между участниками и в ряде случаев предотвратить конфликтное взаимодействие.

Конфликтология выработала большой набор инструментов урегулирования конфликтного взаимодействия. Несмотря на существенные достижения в разработке и практике применения техник преодоления конфликтов, не все из них могут быть эффективными, когда речь идет о конфликтах ценностей, ярче всего проявляющихся в этнических и конфессиональных столкновениях. Зарекомендовавшие себя методики (Т-групповой подход, гражданская дипломатия, «дипломатия второго пути» и др.) (Степанов, 2003) могут быть эффективными лишь в том случае, когда стороны разделяют взгляды на универсальные общечеловеческие ценности.

Обращаясь к изложению способов регулирования конфликтов, отметим, что при всем их разнообразии эти способы можно свести к трем вариантам: силовой способ, формально-правовой способ и подход, основанный на взаимных уступках. Последний из указанных типов конфликтного взаимодействия становится возможным как между самостоятельно конфликтующими сторонами, так и с участием независимого посредника, например, психолога, медиатора и др. Независимый посредник может показать конфликтующим сторонам возможность их дальнейшего сотрудничества для разрешения стоящих перед ними общих проблем. Такая форма конфликтного взаимодействия придает конфликту не разрушительное, а созидательное содержание и позволяет создать основу для последующего диалога.

Каждому из способов решения конфликтов соответствует определенная ценностная ориентация поведения и деятельности вовлеченных в них людей.

В основе своей конфликт ценностей — это не что иное, как столкновение различных «картин мира», различных типов идентичностей, имеющих в том числе и этнически обусловленную специфику. Поэтому в известном смысле разрешение многих конфликтов необходимым образом предполагает выход за пределы этничности, преодоление воздействия комплекса «мы — они». Этномедиация как одно из направлений медиации, является инструментом реализации данных идей, ищет решения между крайностями, способствует сближению позиций сторон на основе универсальных базовых ценностей.

В 2010 г. в России принят закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Согласно данному закону медиация базируется на следующих принципах:

- добровольность участия сторон; конфликтующие стороны участвуют в медиации добровольно и могут в любой момент выйти из процедуры;
- информированность сторон; важно проинформировать стороны о процедуре медиации, ее правовых последствиях;
- нейтральность медиатора; медиатор не принимает позицию ни одной из сторон, а лишь поддерживает стороны и их стремление разрешить конфликт;
- конфиденциальность процесса медиации; медиация носит конфиденциальный характер, в конфликтах, имеющих этническую специфику, зачастую это играет ключевую роль, поскольку «сохранение лица» крайне важно в этнических сообществах; содержание документов, используемых, в ходе медиации, не разглашается, за исключением информации, связанной с угрозой жизни;
- ответственность сторон и медиатора; медиатор не принимает решения вместо сторон, а лишь отвечает за безопасность участников на встрече и соблюдение процедуры; ответственность за результат медиации несут стороны конфликта, участвующие в медиации (Об альтернативной процедуре..., 2010).

Независимый посредник может показать конфликтующим сторонам возможность их дальнейшего сотрудничества для разрешения стоящих перед ними общих проблем. Такая форма конфликтного взаимодействия придает конфликту не разрушительное, а созидательное содержание.

Понимая этномедиацию как процедуру урегулирования конфликта, когда хотя бы одна из конфликтующих сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами, отметим, что она позволяет найти компромисс между различными «картинами мира», сформированными в разных этносоциальных системах, без разрушения этнического своеобразия. В современном социокультурном пространстве России соприкасаются несколько цивилизационных парадигм, предполагающих различные когнитивные модели восприятия «картины мира»: премодерна, модерна и постмодерна. В каждой из указанных моделей этничность проявляется по-разному, и медиация, реализуя постмодернистский подход, позволяет осуществить принцип равенства каждой из систем ценностных ориентаций, представленных в данных когнитивных моделях. Учет этнических особенностей взаимодействия в конфликте при проведении медиации отвечает принципу «единства социальности и культуры». Медиация дает возможность перевести конфликтное взаимодействие сторон в форму диалога с участием независимого посредника. Именно медиатор-посредник обеспечивает соблюдение процедурного подхода при разрешении конфликтов и поддерживает конструктивную установку, ориентируя стороны на поиск взаимоприемлемых решений. Посредничество является наиболее мягкой формой участия третьей стороны в урегулировании конфликта.

Медиация, и этномедиация в частности, как область практики в нашей стране находится на стадии становления. В связи с этим научные исследования данной

области недостаточно представлены. Наиболее концентрированно обзор актуальных направлений научных исследований в области медиации и развития медиативных практик был сделан А. Н. Островским. Автор указывает на два основных аспекта интеграции медиации в межкультурные отношения. Это прежде всего «использование медиации в интеграционных процессах экономических пространств, медиация в межкультурных, межэтнических, межконфессиональных конфликтах как способ урегулирования и способ превенции» и использование медиации и медиативного подхода как способа поддержания межкультурного диалога (Островский, 2017).

Для нас особый интерес представляют случаи применения медиации для урегулирования конфликтов, имеющих этническую составляющую. Это могут быть семейные конфликты с учетом этнической принадлежности членов семьи, ролью отца и матери в воспитании детей после развода. Эти роли, как правило, обусловлены традиционными этническими нормами. Некоторые предпринимательские конфликты социально-статусных отношений участников конфликтов связаны с различиями в использовании участниками конфликтов специфических договорных практик. В конфликтах с этническим компонентом встречаются моменты привлечение арбитров в лице старейшин к регулированию отношений и др. В работе с конфликтами подобного рода стоит существенная задача не только урегулирования конкретной текущей ситуации, но и проблема сохранения дальнейших отношений между всеми участниками. Данные противоречия, затрагивающие базисные ценности и установки человека, имеют высокий потенциал эскалации, нередко чреваты переходом в противоправные действия и даже могут носить криминальный характер. Примером тому являются случаи с передачей детей после развода в семью одного из родителей в соответствии с этническими нормами и вопреки правовым решениям или применение норм обыденного права при решении споров. Этномедиация призвана учитывать возможность данных негативных последствий и создавать условия конфликтующим сторонам для вступления в диалог и помогать не только договориться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем, но и создать основу для восстановления дальнейших отношений всех участников конфликта. При необходимости речь может идти о возмещении причиненного вреда, возникшего в результате конфликтных или криминальных ситуаций, не имеющих тяжких последствий с учетом этнически приемлемых вариантов урегулирования споров. Результатом медиации могут стать действия, направленные не только на компенсацию причиненного вреда, но и на принесение извинений, прощение, искреннее стремление загладить вину не в принудительном порядке (по решению суда), а добровольно. Несомненно, указанные моменты сближают этномедиацию с практиками восстановительной медиации.

Несмотря на регламентированность самой процедуры медиации, важным является учет психологических моментов данного коммуникационного про-

цесса. При разрешении конфликтов с этнической составляющей да и в целом в межэтнической коммуникации существенную роль играет учет специфичности субъективных представлений участников конфликта о происходящих событиях.

Факторы, детерминирующие представление субъекта о конфликте, находятся в протяженном континууме от индивидуально-специфических (психологические особенности личности, её потребности, ведущие ценности, индивидуальный опыт и др.) до наиболее общих (принадлежность к определенным социальным, культурным и этническим группам) (Гришина, 2008). О наличии у представителей тех или иных этнических групп некоторых общих типичных моментов, так называемого разделенного знания, в характере понимания и интерпретации конфликтных ситуаций отмечают ряд исследователей этнообусловленной специфики восприятия и поведения личности в ситуациях конфликтного характера (Н. М. Лебедева, К. Лейнг, Д. Мацумото, В. Пирсон, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, К. Тинзли и др.). Выделенные на настоящий момент модели и интерпретационные схемы конфликтного взаимодействия в разных этнических группах трудно считать исчерпывающими, поскольку эта научная область располагает необъятным материалом для исследований (Мацумото, 2003; Стефаненко, 2009; Солдатова, 1998). Наиболее исследованными являются: специфичность содержания установок, субъективные представления членов этнокультурных групп, значимо включенных в конфликты определенного рода. В настоящее время, на наш взгляд, актуальным является разработка и изучение психологических моментов этнообусловленной специфики отношения людей к диалоговой практике, выявление особенностей готовности к участию в диалоге для урегулирования разногласий, исследование этнических традиций данных практик, выделение моделей поведения в данной ситуации и интерпретации.

Иллюстрация этнически обусловленных различий, которые могут быть значимы при конфликтном взаимодействии и учтены при урегулировании конфликтов, в том числе и в процедуре медиации, представлена во фрагменте нашего эмпирического исследования (Улько, 2010). Основная идея исследования состояла в выявлении этнокультурной обусловленности особенностей представления личности об обыденных конфликтных ситуациях и способах поведения в них. Изучение данной проблемы мы конкретизировали в задаче исследования специфики представлений абхазских и русских студентов о конфликтном взаимодействии в обыденных жизненных ситуациях. Базой исследования выступили студенты абхазской и русской национальностей, обучающиеся в Кубанском государственном университете (г. Краснодар). Всего на разных этапах в исследовании приняли участие 78 человек в возрасте от 18 до 22 лет (40 девушек, 38 юношей).

Для выявления особенностей представлений респондентов об обыденных жизненных конфликтных ситуациях, их сфер проявления и причин, поведенческих установок центральным методом исследования было проведение интервью.

Также использовали процедуру оценки респондентами пословиц из абхазского и русского фольклора (выбраны по десять абхазских и русских пословиц, содержащих разные установки, касающиеся конфликтов, конфликтного поведения и конфликтных отношений), которые просили оценить по пятибалльной шкале соответственно степени согласия с каждой из них. Были использованы стандартизированные методики: тест «Стратегии поведения в конфликте» К. Томаса, тест на оценку уровня конфликтности личности.

Обратимся к анализу наиболее значимых результатов исследования. Различия между выборками русских и абхазских студентов по уровню конфликтности личности и стратегиям поведения в конфликте в целом оказались незначительными. Выбор стратегии поведения в конфликте представлен следующими последовательностями в порядке убывания предпочтения (приведены средние баллы по отдельным шкалам): для русских студентов — компромисс (7,5), сотрудничество (6,3), агрессия (5,9), уступчивость (5,4), избегание (4,8); у абхазов — компромисс (7,7), сотрудничество (6,4), избегание (6,3), агрессия (6,1), уступчивость (3,9). Значимые различия проявились в характере использования так называемых пассивных стратегий. Абхазские студенты предпочитают избежать конфликта, а русские чаще склонны уступить. Есть основания интерпретировать данные результаты, скорее, как картину существующих у респондентов когнитивных составляющих установок, чем как собственно поведенческие стратегии. При делении групп на подгруппы по полу различия оказались более выраженными. По уровню конфликтности при сравнении средних значений в выборках русских (28,1 балла) и абхазских (28,8 балла) студентов значимых различий не выявлено, показатели в пределах среднего. При сравнении отдельно групп юношей и девушек выявлены более высокие показатели у юношей абхазов (29,8 балла) по сравнению с другими подвыборками ($p \leq 0,05$). Замечена тенденция к более сходным результатам у групп одного пола не зависимо от этнической принадлежности.

Наиболее яркие результаты были получены при анализе характера представлений об обыденных жизненных конфликтных ситуациях, полученные в ходе интервью и оценки пословиц. Отношение к конфликту как к неоднозначному явлению сходно в обеих сравниваемых группах («конфликт — это не очень, конечно, хорошо, но этого не надо пытаться избежать, это нормально», «и хорошо и плохо: без них отношения портятся — накапливается негатив, отношения разрушаются» и т.п.).

Существенным отличительным признаком ответов респондентов из сравниваемых групп является явно выраженная склонность абхазских студентов обоих полов при описании конкретных жизненных конфликтов опираться на типизацию ситуаций социального взаимодействия (19 из 20 чел.). Испытуемые продемонстрировали склонность вначале определить вид ситуации, а затем исходя из этого говорить о возможном способе поведения в ней. В частности,

они выделяют такие виды ситуаций как общение с людьми разного возраста, разного пола, разной степени родства, включенности в общие социальные группы (трудовые коллективы, дружеские и т.п.). Нередко обращение к необходимости учитывать мнение социального окружения, референтной группы. Например, на вопрос «Бывает так, что в споре вы стремитесь, чтобы последнее слово было за вами?» респондентка отвечает: «Да, это принципиально. С ровесниками, если я права, да даже если и неправа, то никогда не уступаю. Только в семье старшим я всегда уступаю, у нас вообще со старшими не бывает конфликтов». На вопрос «Во всех ли конфликтах вы ведете себя одинаково?» мы также получили ответы от абхазских респондентов, содержащие ремарку касательно социального характера ситуации. Они отмечали, что поведение в конфликте будет зависеть от ряда обстоятельств. Были выделены следующие группы факторов, влияющие на характер взаимодействия: характеристики оппонента (пол, возраст, наличие и степень родства, социальный статус и т.п.); место протекания конфликта (внутрисемейное пространство, место учебы, работы, неформальное взаимодействие разного вида, степень публичности и т.п.); характер социального мнения референтной группы об оппоненте; фактор приемлемости выбираемой респондентом позиции и формы поведения в конфликте для группы принадлежности (чаще всего указывались семья и этническая общность). Примеры высказываний абхазских студентов: «...если человек не хочет принимать мою позицию, я начинаю возмущаться. Старших это касается, конечно, гораздо меньше, чем равных мне по возрасту...» или «... это зависит от человека, если он мне не знаком и мне все равно какие между нами будут отношения, то я буду свою точку зрения отстаивать, а если близкий человек, то уступаю, конечно».

В ответах русских респондентов значительно реже встречаются ссылки на приведенные выше типизации социальных ситуаций. У подавляющей части респондентов (15 из 20 чел.) таких ремарок не встречается вовсе. Респонденты этой группы ссылаются в большинстве случаев на индивидуально-специфические особенности ситуации взаимодействия и личности оппонента. Потенциальная готовность к действию в ситуации конфликта меняется преимущественно в связи с этими обстоятельствами. Ответ на вопрос «В каких ситуациях вы не пойдете на конфликт?» у русских девушек включает оценку, интерпретацию поведения и личности оппонента, которая часто содержит отражение характера складывающихся отношений и сравнение с собой: «Если попытки довести меня жалкие, детские», «Когда человек слабее меня, а если сильнее, то запросто». У русских юношей готовность к действию в конфликтной ситуации меняется в зависимости от интерпретации ими своей ресурсности и возможности достижения цели (7 из 10 чел.). Например, на вопрос «В каких ситуациях вы не пойдете на конфликт?» русские юноши отвечают: «Если мне не выгодно, то не пойду» или «Вопрос в том, что я буду с этой ситуации иметь». В группу респондентов, выделяющих типизацию ситуаций, вошли преимущественно юноши. Они выделяют такие виды, как конфликты со сверстниками, с представителями своего

либо противоположного пола. Для девушек выделяемым типом социальных ситуаций является борьба за ресурсы. Для них она представляется наиболее типичной, определяемой, влекущей за собой в значительной мере рефлексивное и гибкое поведение.

При выяснении вопроса, как респонденты представляют специфику конфликтов у представителей своей и чужой этнических групп были получены содержательно разнородные высказывания среди как абхазских, так и русских студентов. Представления студентов сходны в плане осознания наличия различий между группами, но не в плане содержания этих различий.

Обозначенные особенности интерпретации конфликтных ситуаций представителями студенческой молодежи данных этнических групп свидетельствуют о наличии некоторых общих моментов их взглядов и определенной специфичности.

Результаты проведенного исследования позволяют выделить ряд особенностей представлений об обыденных конфликтных ситуациях у абхазских и русских студентов. Основной вывод касается склонности представителей абхазской группы к типизации социальных ситуаций взаимодействия, предполагающей относительно каждого вида определенную интерпретационную схему и включенный в неё нормативный способ поведения в конфликте. Данные показатели соотносятся с понятием вербального стиля (Лебедева, 1999). Субъекты с доминированием личностного стиля ставят в центр общения конкретного индивида, а с ситуационным — его роль. Наше исследование позволяет фиксировать преобладание ситуационного стиля для абхазской выборки и личностного — для русской.

Привлекая к анализу представлений параметр пола респондентов, мы имеем возможность формировать более яркую и выразительную картину отличий. В таком ракурсе по ряду показателей интерпретации конфликтных ситуаций у представителей одного пола оказываются более близкими, чем при сравнении с представителями противоположного пола внутри своей этнической группы. Данные выводы позволяют говорить о конкурирующей роли факторов принадлежности личности к гендерной и этнической группам в детерминации специфики её представлений об обыденных конфликтных ситуациях. При выстраивании диалога между представителями данных групп имеет смысл ориентироваться на выделенное своеобразие и учитывать полученную информацию при организации эффективной коммуникации вообще и в процессе медиации в частности.

Дальнейшее изучение психологических аспектов коммуникации в этнокультурном взаимодействии позволит усовершенствовать медиативную процедуру урегулирования конфликтов с учетом этнического своеобразия участников и будет способствовать становлению института этномедиации в России. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что медиация является не только инструментом разрешения этнических конфликтов, но и способствует развитию культуры межэтнического диалога.

О необходимости использования медиации в целях обеспечения стабильности и устойчивости российского государства, укрепления межнационального согласия и внедрения диалоговой культуры в обыденную практику регулирования конфликтов говорилось в рамках научно-практической конференции Общественной палаты Российской Федерации «Этнорелигиозная медиация — важный инструмент в едином комплексе укрепления устойчивых межнациональных и межрелигиозных отношений в России». (Общественная Палата..., 2017). На сегодняшний день теоретическое осмысление этнических особенностей медиации недостаточно концептуализировано. Теоретические разработки в области этномедиации скорее обобщают опыт прикладных исследований, нежели формируют теоретические концепты. Дальнейшее изучение социально-политических и психологических аспектов конфликтного взаимодействия может идти по пути углубления понимания диалоговых практик в этнокоммуникации.

Библиографический список

1. Авксентьев, В. А., Змиев, С. Н. (2009). Блоковые конфликты: к проблеме методологии. В *Этнические проблемы современности. Вып. 14* (с. 108). Ставрополь.
2. Брубейкер, Р. (2012). *Этничность без групп*. Москва.
3. Гришина, Н. В. (2008). *Психология конфликта*. Санкт-Петербург.
4. Грошева, Г. В. (2006). Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе. *Вестник ТГПУ*, (1), 104–110.
5. Карпенко, А. Д. (ред.). (2014). *Примирительные процедуры в суде: коллективная монография*. Санкт-Петербург.
6. Лебедева, Н. М. (1999). *Введение в этническую и кросс-культурную психологию*. Москва.
7. Мацумото, Д. (ред.). (2003). *Психология и культура*. Санкт-Петербург.
8. Мирский, Г. И. (1997). Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах. *Мировая экономика и международные отношения*, (2), 12–22.
9. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). Федеральный Закон № 193-ФЗ от 27.07.2010. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/
10. Общественная палата РФ. (2017). Режим доступа <https://www.oprf.ru/>
11. Островский, А. Н. (2017). Актуальные направления научных исследований в области медиации и развития медиативных практик (обзор материалов научно-практической конференции «Медиация: теория, практика, перспективы развития» 13–14 апреля 2017 г., г. Москва). *Вестник Федерального института медиации*, (2), 10–21.
12. Рогочая, Г. П. (2017). Медиация в урегулировании конфликтов идентичностей. В А. Г. Большаков, Т. З. Мансуров (ред.) *Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления* (с. 456–466). Казань.
13. Смит, Д. (2007). Причины и тенденции вооруженных конфликтов. В М. Фишер и др.; В. Тишков, М. Устинова (ред.); Л. Зимина, Н. Кулакова (пер.) *Этнополитический*

- конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра* (с. 126–127). Москва.
14. Солдатова, Г. У. (1998). *Психология межэтнической напряженности*. Москва.
 15. Степанов, Е. И. (ред.). (2003). *Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения*. Москва.
 16. Стефаненко, Т. Г. (2009). *Этнопсихология*. Москва.
 17. Улько, Е. В. (2010). Представления личности о конфликтных отношениях в обыденных ситуациях: этнокультурный аспект. В А.А. Салагаев, В.М. Ловчев, А.В. Лучшева (ред.) *Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: материалы III международного конгресса конфликтологов (Казань, 23–25 сентября 2010 г.)* (с. 412–418). Т. 2. Казань.

Статья поступила в редакцию 17.11.2017.

.....

ETHNICITY AS A CONTEXT OF CONFLICT INTERACTION: PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS

Rogochaya G. P., Savva E. V., Ulko E. V.

Rogochaya Galina Petrovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar,
Stavropolskaya Str., 149.

E-mail: rogochayagp@rambler.ru

Savva Elena Vladimirovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar,
Stavropolskaya Str., 149.

E-mail: Ev.savva@yandex.ru

Ulko Elena Vasil'evna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar,
Stavropolskaya Str., 149.

E-mail: elulko@gmail.com

The article examines the ethnicity on the psychological and socio-political aspects of interaction, the impact of ethnicity on the perception of conflict, behaviour in conflict and the technology of regulating conflicts. From the point of view of methodology, researching ethnopolitical conflicts between the three competing paradigms of ethnicity: instrumentalism, and constructivism, and primordialism a crucial marker of ethnicity are called ethnic identity. Mediation is an example of a procedural approach and a new social technology to build a constructive interaction between the parties to the conflict, taking into account the cultural characteristics and value orientations. The article offers the author's definition ethnomediation as a procedure for resolving conflicts when at least one of the conflicting parties creates its own requirements, guided ethnic attitudes, values and stereotypes. The methods of research of conflict perceptions of respondents about the ordinary life situations of conflict was the interview, the evaluation procedure of Proverbs from the Abkhaz and Russian folklore, standardized methodology: test "strategy of behavior in conflict" by K. Thomas, the test for the assessment of the level of conflict of personality. The knowledge of the specificity of perception of conflict situations representatives of various ethnic groups should be included in the design and procedure of ethnomediation. Without the development of the ethics of dialogue given the ethnic aspect of the communications will always remain the threat of escalation can occur between people of differences in ethnic and ethnopolitical conflicts.

Keywords: Ethnicity, ethno-political conflict, psychology of conflict interaction, mediation, ethnomedicine, the perception of conflict situations.

References

1. Avksent'ev, V. A., Zmiev, S. N. (2009). Blokovye konflikty: k probleme metodologii [Block Conflicts: The Problem of Methodology]. In *Etnicheskie problemy sovremenosti. Vyp. 14* [Contemporary Ethnic Problems. Vol. 14] (p. 108). Stavropol.
2. Brubaker, R. (2012). *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow.
3. Civic Chamber of the Russian Federation. (2017). Retrieved from <https://www.oprf.ru/>
4. Grishina, N. (2008). *The Psychology of Conflict*. St. Petersburg.
5. Grosheva, G. V. (2006). Kategorii etnosa i etnichnosti v sovremennom nauchnom diskurse [Categories of Ethnos and Ethnicity in a Modern Scientific Discourse]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], (1), 104–110.
6. Karpenko, A. D. (Ed.) (2014). *Primiritel'nye protsedury v sude: kollektivnaya monografiya* [Conciliatory Procedures in Court: Collective Monograph]. St. Petersburg.
7. Lebedeva, N. M. (1999). *Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic and Cross-Cultural Psychology]. Moscow.
8. Matsumoto, D. (Ed.). (2003). *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and Culture]. St. Petersburg.
9. Mirskiy, G. I. (1997). Eshche raz o raspade SSSR i etnicheskikh konfliktakh [Once Again About the Collapse of The USSR and The Ethnic Conflicts]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], (2), 12–22.
10. Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii) [About The Alternative Procedure of Settlement of Disputes with Participation of the Intermediary (The Procedure of Mediation)]. Federal Law No. 193-FZ (27.07.2010). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/
11. Ostrovskiy, A. N. (2017). Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy v oblasti mediatsii i razvitiya mediativnykh praktik (obzor materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii "Mediatsiya: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya" 13–14 aprelya 2017 g., g. Moskva) [Acute Topics of Research About Mediation and Mediation Practices (Review of Materials of Scientific and Practical Conference "Mediation: Theory, Practice, Prospects Developments", Taken Place on April 13–14, 2017 in Moscow)]. *Vestnik Federal'nogo instituta mediatsii* [Bulletin of Federal Institute of Mediation], (2), 10–21.
12. Rogochaya, G. P. (2017). Mediatsiya v uregulirovanii konfliktov identichnostey [Mediation in Settlement of the Conflicts of Identities]. In A. G. Bol'shakov, T. Z. Mansurov (Eds.) *Vneshnie i vnutrennie regional'nye konflikty v sovremennom obshchestve: tendentsii razvitiya i vozmozhnosti upravleniya* [External and Internal Regional Conflicts in Modern Society: Tendencies of Development and Possibility of Management] (pp. 456–466). Kazan.
13. Smith, D. (2007). Prichiny i tendentsii vooruzhennykh konfliktov [Trends and Causes of Armed Conflict]. In M. Fisher, etc.; V. Tishkov, M. Ustinova (Eds.); L. Zimina, N. Kulakova (transl.) *Etnopoliticheskiy konflikt: puti transformatsii: nastol'naya kniga Bergkhovskogo tsentra* [Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook] (pp. 126–127). Moscow.
14. Soldatova, G. U. (1998). *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow.
15. Stefanenko, T. G. (2009). *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow.

16. Stepanov, E. I. (Ed.). (2003). *Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovaniye, tekhnologii razresheniya* [Social Conflicts: Examination, Forecasting, Technologies of the Decision]. Moscow.
17. Ul'ko, E. V. (2010). Predstavleniya lichnosti o konfliktnykh otnosheniyakh v obydennykh situatsiyakh: etnokul'turnyy aspekt [Ideas of the Personality of the Conflict Relations in Ordinary Situations: Ethnocultural Aspect]. In A.L. Salagaev, V.M. Lovchev, L. V. Luchsheva (Eds.) *Rol' konfliktologii v obespechenii sotrudnichestva gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshchestva: materialy III mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov (Kazan', 23–25 sentyabrya 2010 g.)* [A Conflictology Role in Ensuring Cooperation of the State, Business and Civil Society: Materials of The Third International Congress of Conflictology (Kazan, September 23–25, 2010)] (pp. 412–418). Vol. 2. Kazan.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЖИЛИЩНОЙ ДЕПРИВАЦИИ: ОЦЕНКА ВНУТРИ- И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Казакова А. Ю.

Казакова Анна Юрьевна,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 248023,
Россия, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26.
Эл. почта: kazakova.a.u@yandex.ru

Тема жилищной депривации в современной отечественной социологии почти полностью отсутствует, а попытки типологизировать депривационные условия пока единичны. В данной статье мы пытаемся выделить те формы жилищных условий, которые делают объективно невозможным удовлетворение потребности в жилье безотносительно к их оценке населением. На основании данных переписи 2010 г. по регионам РФ и по муниципальным образованиям внутри регионов мы выделяем объем нескольких эмпирических типов депривационных жилищных ситуаций, которые позволяют довольно четко обозначить социальный состав тех лиц, которые испытывают наиболее острую и настоятельную нужду в жилье, чьи связанные с жильем потребности по разным (не только экономическим) причинам длительно подавляются. К ним отнесены: явная и латентная бездомность; проживание в институциональном жилье в составе коллективного домохозяйства; сосуществование частных домохозяйств в условиях коммунальной квартиры и общежития; жизнь в ветхих, аварийных домах и домах — объектах культурного наследия; «добровольная депривация», возникающая в условиях полукочевого образа жизни «на два дома»; групповая депривация целых поселений ввиду их деградации, депопуляции и стигматизации; наконец дефицит площади и, наоборот, избыток площади. Мы не только оцениваем размер сегментов жилищно депривированного населения Калужской области, каждый из которых по отдельности в составе всего населения занимает настолько маленькую долю, что обычно они выпадают из поля зрения исследователей, как некие «частности», «выбросы», «погрешности», которыми можно пренебречь без всякого нарушения репрезентативности общей картины. На материале Калужской области мы оцениваем также структурное соотношение этих сегментов с точки зрения внутри- и межрегионального варьирования, что позволяет обозначить степень жилищно-обусловленной социальной напряженности в регионе.

Ключевые слова: депривация, потребности, жилищная депривация, типы депривационных ситуаций, масштабы жилищной депривации.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калужской области, проект № 16-13-40002 а(р) «Типы жилищной депривации населения Калужской области: уровни, источники, последствия»

К проблеме типологизации нужды в жилье

В контексте исследований депривации вопрос о том, какие социальные группы, слои и категории населения подвержены ей в наибольшей степени, рассматривается постоянно, поскольку иногда само выделение того или иного вида депривации имплицитно («по умолчанию») включает ту или иную категорию людей. Например, если в названии или ключевых словах научной статьи мы встречаем словосочетание «сенсорная депривация», значит, с высокой долей вероятности речь пойдет об инвалидах, детях-инвалидах, детях-«отказниках» или о представителях некоторых экстремальных профессий (спелеологи, подводники, геологи, вахтовики в районах Крайнего Севера); словосочетание «материнская депривация» почти со 100%-й вероятностью предполагает обсуждение проблем сиротства или отчужденных детско-родительских отношений в семье. Реже встречаются попытки выявить на примере отдельной социальной категории, испытывающей множественную депривацию, тот ее компонент, который можно считать ключевым, пусковым механизмом, приводящим к социальному бедствию, как делает, например, Е. А. Коваленко в статье «Воронка бездомности и ограничение потенциальных возможностей» (Коваленко, 2010) или И. Ю. Суркова в статье «Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны: юбилейная забота или помощь каждый день» (Суркова, 2011). Несмотря на повсеместное признание важности проблемы неудовлетворенности населения жилищными условиями, примеров типологизации самих компонентов этих условий в научной литературе почти не обнаруживается. Случаи, когда автор выясняет, как ранжируются формы острой, настоящей и неудовлетворенной потребности в жилье и (или) можно ли поставить в соответствие данным формам некий тип социальных субъектов, испытывающих устойчивую жилищную депривацию, вообще единичны. К числу таких исключений относится, например, монография О. Э. Бессоновой «Жилье: рынок и раздача», где прослеживается социально-историческая логика формирования рыночной и «раздаточной» жилищных систем (Бессонова, 1993). Поскольку эта логика оказалась нарушенной в результате резкого ухода государства от участия в решении жилищных проблем населения, жилищная сфера быстро приходит в упадок, что показано в чрезвычайно интересной монографии, посвященной жилищным классам г. Сыктывкара (Кротов, Буравой, Лыткина, 2003).

Но ближе всего задачам нашей работы небольшая статья О. Н. Бобковой «Факторы, определяющие дифференцированный подход к проектированию доступного жилья в России» (Бобкова, 2016), поскольку в ней рассматриваются не факторы неудовлетворенности населения жилищными условиями (как результата объективно-субъективной оценки их состояния), а формы жилищных условий, которые, по сути, делают объективно невозможным удовлетворение потребности в жилье. Статья представляет итоги статистического анализа жилищных условий населения РФ в целом, которые должны быть, на наш взгляд,

содержательно дополнены, а также конкретизированы и развернуты применительно к реалиям отдельных регионов страны.

Мы рассматриваем жилищную депривацию как автономный комплексный объективный и объективно-субъективный феномен. Он включает первичный уровень — абсолютное измерение (наличие и качество жилья, позволяющие в определенной мере удовлетворять базовые потребности), относительное измерение (вторичный уровень — мера подавления иных потребностей, вызванного именно характеристиками жилищной ситуации) и их психологическую проекцию (состояние острой неудовлетворенности жилищными условиями как рациональная сторона, страх, стыд, тревожность, неуверенность, пессимизм, отчужденность как сторона иррациональная). Как макросоциальный процесс депривация означает формирование в обществе комплекса социально-экономических, социально-правовых, социокультурных условий, действующих как барьеры в доступе личностей и социальных групп к жилью и иным благам, опосредованным наличием жилья определенного типа и качества. Как микросоциальный процесс депривация складывается из неудовлетворенной потребности в жилье и (или) других благах и возможностях, удовлетворение которых нормативно связано с жильем как социальным институтом (депривационная ситуация) — объективных последствий для человека на организменном и личностном уровне (депривационный эффект) — осмысления и переживания ситуации и ее последствий (депривационный синдром) — доступных способов преодоления барьеров/компенсации неудовлетворенных потребностей (разрешение депривационной ситуации/адаптация к ней/накопление деприваций и маргинализация личности). Жилищная депривация по-разному выглядит (наполнена различным содержанием) для городского и сельского населения; не ограничивается ни люмпенизированными, ни низкодоходными слоями населения; может иметь как экономические, так и внеэкономические источники возникновения.

В данной работе мы оцениваем эвристичность построенной нами теоретической модели жилищной депривации с точки зрения типологии жилищных условий, которые регистрируются официальными формами статистического учета или могут быть выведены из других официальных источников статистических данных. В итоге мы выделяем несколько эмпирических типов депривационных жилищных ситуаций, что позволяет оценить масштабы внутри- и межобластного варьирования численности жилищно-депривированного населения Калужской области (а при желании — и любого другого субъекта РФ, для которого имеются аналогичные сведения). Мы рассчитываем их величину на основании данных переписи 2010 г. по регионам РФ и по муниципальным образованиям внутри регионов, а также с учетом предыдущей (2002 г.) переписи, что характеризует и динамику рассмотренных явлений. В связи с этим из массива мы исключили Республику Крым из-за невозможности полноценного сопоставления с другими территориями. Кроме того, по отдельным по-

казателям в базе отсутствуют данные республик Ингушетия, Мордовия, Тыва, Саратовской и Магаданской областей. Общее количество валидных единиц наблюдения в составленном нами массиве составило 1850. Сведения для расчета территориального распределения тех или иных типов депривационных ситуаций получены из тома 9 результатов переписи 2010 — Жилищные условия населения, публикационная таблица 1 — Население по типам занимаемых жилых помещений по субъектам Российской Федерации на официальном сайте Всероссийской переписи населения (Жилищные условия). Для характеристики масштабов и остроты депривационной ситуации социально-территориальных сообществ разных уровней структурной сложности (муниципальные образования, регионы, федеральные округа) мы оперируем небольшим количеством показателей, учитывая абсолютные значения и средние (арифметическое и медиану).

Эмпирические типы депривационных ситуаций

Явную (официально учтенную) бездомность можно рассматривать как предельный случай депривации всех видов, включая жилищную. Согласно данным переписи, худшее положение с бездомностью в стране сложилось в Уральском федеральном округе по численности бездомных в целом и городских бездомных. По численности бездомного сельского населения выделяются Южный федеральный округ и Приволжский федеральный округ. Калужская область попадает в кластер относительно благополучных регионов, поскольку рассчитанное нами значение доли бездомных в численности населения (в промилле, т.е. на 1000 жителей) лежит и ниже среднего арифметического для страны в целом, и до медианы. Кроме того, по сравнению с переписью 2002 г. это значение уменьшилось почти в четыре раза, что связано с рядом удачных управленческих решений (начиная с открытия в 2005 г. специализированного социально-реабилитационного центра, которыми до сих пор располагают далеко не все регионы). Вместе с тем, поскольку бездомность является еще и четким индикатором жилищной депривации других слоев общества, следует обратить внимание на источники бездомности в отдельных районах области (в первую очередь социально-правовые, связанные с криминальными рисками и правовыми полномочиями банков, ЖКХ, ФССП и т.д.), прежде всего Малоярославецком, Козельском и Ферзиковском.

Кроме явной бездомности, необходимо учитывать и *бездомность латентную*, т.е. ситуацию длительного (свыше полугода, в соответствии с принятой Росстат методикой учета) проживания в коллективных средствах размещения — гостиницах, хостелах, лагерях, санаториях, кемпингах, туристических базах, домах отдыха и пансионатах и пр.; проживания в объектах, не относящихся к жилому фонду, — гаражах, садовых домиках, времянках, мобильных контейнерах и пр., проживание в институциональном жилье как единственном. Сюда

же примыкает жилье «ведомственное», предоставляемое на период работы, а также проживание непосредственно на рабочих местах, в оборудованных и не оборудованных для этого помещениях типа подсобок, дворницких, лифтерских, караульных помещений, диспетчерских, комнат отдыха для персонала на предприятиях и пр. (в тех случаях, когда за пределами предоставленного работодателем жилого или нежилого помещения у резидента нет права владеть или пользоваться иной жилой недвижимостью). С учетом **латентной бездомности** Калужская область переходит в зону повышенной угрозы сразу по трем показателям. Доля проживающих в средствах коллективного размещения ниже среднего для РФ значения, но выше медианы; в составе коллективных домохозяйств (институциональное жилье) не меньше половины контингента составляют лица без определенного места жительства и ранее судимые граждане; наконец, эта группа по сравнению с 2002 г. приросла на 14%, причем именно за счет взрослого населения (численность детей-сирот в интернатных учреждениях, напротив, за межпереписной период сократилась на 24,4%). Боровский, Дзержинский, Жуковский, Медынский районы, а также Обнинск и Калуга — места, где переписи 2002 и 2010 г. отразили проживание в гостинице как основном месте жительства. Проживание на дачах, в садовых домиках наиболее заметно в Боровском, Дзержинском, Жуковском, Козельском, Медынском, Перемышльском районах.

Контингент **институционального жилья** (интернаты, детские дома, дома престарелых, пансионаты и для несовершеннолетних, и для пожилых граждан, тюрьмы, монастыри) испытывает множественную депривацию: экономическую, семейную, социальную, правовую. Обитателями институционального жилья являются прежде всего группы с особой чувствительностью и к краудингу (Aiello, Jones, 1971), и к одиночеству (Покровский, 1989): несовершеннолетние и престарелые. Калужская область попадает в кластер умеренно благополучных регионов по данному показателю, но настораживает прирост коллективных домохозяйств. Кроме того, очевидно неблагоприятные перспективы открываются в связи с тем, что при отдельном анализе распределения институционального детства в стране Калужская область оказывается в числе кластеров с высокой напряженностью. По количеству детских интернатных учреждений, а также детских интернатных учреждений в городах за 2014 г. область оказалась в кластере регионов со значениями ниже среднего, но выше медианы, по значению интернатов в селах и по общей численности воспитанников детских интернатных учреждений — в кластере выраженного неблагополучия (значение выше и арифметического, и медианного среднего). При этом в будущем можно ожидать снижения качества человеческих ресурсов и в медико-демографическом, и в социальном отношении: в 2015 г. область имела значения выше и среднего, и медианы по количеству воспитанников как интернатов для детей с нарушениями в развитии, так и для детей-сирот. Наибольшие доли в населении района живущие в институциональных учреждениях (всех возрастов) имеют в Кировском, Козельском, Боровском, Жуковском, Перемышльском, Медынском и Тарусском районах.

Коммунальный характер жилища означает особый микроклимат ввиду нарушения неприкосновенности личного пространства, сужения его границ, возможности его контролировать, краудинга и (или) физической тесноты. Это отмечено в работах Е. Герасимовой (Герасимова, 2017), И. Утехина (Утехин, 2004). Интенсивность негативных переживаний и состояний не различается у собственников подобного жилья и тех, кто занимает его по договору социального найма, что позволяет объединить их в один тип. Калужская область попадает в кластер неблагополучных регионов, где доля в населении тех, кто проживает в условиях коммунальных квартир, и общежитий, превышает и уровень среднего арифметического, и медианного значения для РФ. Значительные доли населения, живущего в коммунальных квартирах многоквартирных домов и общежитиях, характерны для Бабынинского, Боровского, Жуковского, Малоярославецкого, Сухиничского, Тарусского районов, Калуги и Обнинска (максимум в Обнинске), а также города Кирова и Кировского района. В сегменте коммунальных квартир в индивидуальных домах выделяются Боровский, Жиздринский, Малоярославецкий, Спас-Деменский районы.

Старость жилища. Прототипом жилых зданий с высоким уровнем физического износа являются *жилые объекты культурного наследия*. Они насчитывают сотни лет, подвергать их перестройке и реконструкции, модернизировать их внутреннюю отделку и внешний вид запрещает закон. Их нельзя просто снести ради очередной автостоянки или торгового центра, поэтому муниципалитеты не торопятся их расселять. Объекты культурного наследия являются носителями территориальной стигмы: позитивной (как «сакральные локусы» территориального сообщества, носители его исторической и социальной памяти (Драга, Лойко, Корнеева, 2015)) и негативной (как некомфортное жилье с несовременной, неудобной планировкой и отсутствием необходимых инженерных коммуникаций, как опасные для жильцов своим физическим состоянием, как средоточие люмпенизированных слоев (Гавриленко, 2008)). «Сакральность» места жительства не компенсирует обитателям ОКН всех многочисленных неудобств проживания в них, но соседство с ОКН (уже независимо от их жилого или нежилого статуса) несколько повышает престиж микрорайона и — крайне незначительно, но с высокой статистической значимостью — влияет на оценку жилищных условий жителями других расположенных в том же микрорайоне домов (Казакова, 2017а). По обилию памятников жилой архитектуры в составе всех ОКН Калужская область на фоне РФ перешагивает и среднее арифметическое, и медиану. Внутреннее варьирование выделяет областной центр, а среди районов также Боровский, Козельский, Людиновский, Малоярославецкий, Медынский, Мещовский и особенно Тарусский.

Кроме ОКН в данную категорию мы включаем *ветхие и аварийные дома*, которые официально числятся таковыми (т.е. принадлежат многоквартирному жилкому фонду) и таковыми не числятся (поскольку принадлежат индивидуальному

жилищному фонду), но срок эксплуатации которых превышает 50 лет, и в них не осуществлялся капитальный ремонт и модернизация инженерных систем и коммуникаций. «Общий износ жилищного фонда в целом по России превышает 60%, а в депрессивных регионах нередко достигает 85%», — признает аналитик компании «Алор Брокер» Кирилл Яковенко. «И совершенно неважно, сколько квадратных метров жилья приходится на каждого конкретного жителя, 15 или 35 кв. м, если жилплощадь для проживания непригодна», — приводит ссылку на эксперта «Независимая газета» (Соловьева, 2017). По доле ветхого и аварийного жилья в общей площади жилфонда Калужская область в числе неблагополучных регионов: эта доля превышает и среднее арифметическое, и медиану. Выше среднего для области значения этих долей в составе площади жилфонда Боровского, Кировского, Людиновского, Малоярославецкого, Медынского, Мещовского, Мосальского, Перемышльского, Тарусского, Ульяновского районов.

Второе жилье — материальная база современного номадизма. Жизнь на два дома, ведущая к транспортной усталости, частью которой является уже упоминавшийся краудинг (Разумовская, 2014), отчуждению и приватизму, характерна для дачников, отходников, жителей пригородов. Это типичная стратегия адаптации в процессе переселения в другой регион, из села в город, при работе вахтой, которая соответствует ситуации, обозначенной Т. Шманкевич (Шманкевич, 2003) как «добровольная депривация», а также копинг-стратегия депривированного по жилью городского населения, которая выступает как один из традиционных еще для дореволюционной России механизмов пригородаобразования (собственно дачничество и «зимогорство»). Географии дач в России, зафиксированной в итогах официальных статистических обследований населения, пока нет, хотя о повсеместном росте данного явления в стране свидетельствуют работы Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша, А. Г. Махровой, А. С. Бреславского, К. В. Григоричева, К. В. Аверкиева, представленные в недавней коллективной монографии (Нефедова, Аверкиева, Махрова, 2016). Специфика Калужской области в данном отношении определяется близостью к Москве, что давно сделало ее, во-первых, поставщиком трудовых ресурсов столице, во-вторых, зоной московской колонизации. Первое ведет к депопуляции и деградации территорий, второе — к росту классовой напряженности, приобретающей окраску территориального конфликта (ось «центр — периферия») за счет социального сравнения. В этом отношении напряженной является ситуация во всех «подмосковных» районах, но сильнее всего деградация и старение территории заметны в Тарусском районе по ряду показателей (например, наивысший в области уровень автомобилизации населения).

Проживание в **деградирующих и депопулированных поселениях** можно выделить как самостоятельную депривационную ситуацию. Например, Ю. С. Холопова (Холопова, 2013), примеряя к условиям сельских поселений одного из районов Ульяновской области разработанную Б. П. Панковым в целях

районирования и проектирования застройки сельских населенных пунктов методику оценки депрессивности каждого из них, по сути осуществляет оценку хронической коллективной жилищной депривации, вызванной территориальной изоляцией, переходящей в социальную эксклюзию. Применительно к данному типу степень изученности достаточно высока, что связано с давними традициями полевых обследований «сжатия и поляризации» сельского социального пространства в его физическом преломлении (Нефедова, 2008; Нефедова, 2009). Признаки деградации обусловлены всей совокупностью факторов дифференциации сельских поселений, которые «складываются из их ландшафтных особенностей (ресурсы, климат, плодородие почв и пр.), географического положения (близость к городам и иным экономическим центрам) и развитости коммуникаций, институциональной среды и особенностей локального социума (сила локальной идентичности, готовность к самоорганизации, наличие лидеров и пр.)» (Шелудков, Рассказов, Фарахутдинов, 2016, 12). Для универсальности сравнения территорий мы опираемся на такой, как рост транспортной изоляции, и используем показатель «Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром гор. округа (муниц. района), в общей численности населения гор. округа (муниц. района), процент, значение показателя за год». Показатель также характеризует положение Калужской области на фоне РФ как неблагоприятное: он ниже среднего арифметического, но выше медианного для РФ значения, а в составе регионов ЦФО превышает и то, и другое вдвое. Районы с максимальными рангами по данным за 2015 г. — Баятинский, Жиздринский, Мещовский, Ульяновский. Районы, где в 2015 г. (самые поздние данные) наблюдалось не снижение, а, напротив, резкий прирост доли транспортно изолированного населения по сравнению с 2007 г. (самые ранние данные) и где высокая (30%) доля держится на одном и том же уровне, — Куйбышевский и Жиздринский. Пространства безлюдные, удаленные от центров человеческого проживания и деловой активности, изолированные транспортно, информационно, социально и (или) пространством и ландшафтом, вызывают страх независимо от качества загородного жилья. Он характерен для городских и сельских жителей, для низкообеспеченных и высокообеспеченных, хотя вторым свойственна большая уверенность в личной безопасности, основанная на большем количестве доступных «ресурсов оперативного реагирования» (в первую очередь личный транспорт). Страх усиливается, если расстояние до центра кластера сельских поселений или до города превышает 5 км, если человек проживает один и (или) не общается с соседями либо соседями в непосредственной близости (одна улица) нет, если он болен и (или) стар, если имеются дети дошкольного и младшего школьного возраста, если отсутствует личный транспорт или имеются проблемы со связью (Казакова, 2017б). Это уточняет картину пространственного распределения жилищной депривации данного типа: районы с высокой долей населенных мест без жителей или категории «А» (1–10 жителей),

расположенных в стороне от транспортных магистралей, на расстоянии не менее чем 6 км от центра кластера поселений, дополнительный признак (усиливающий выраженность типа), — расположение в лесу, изрезанный ландшафт, плохое дорожное покрытие, наличие рек с частыми паводками, перебои с электро-снабжением. Неблагоприятна ситуация в самом муниципальном образовании «Город Калуга», а также в Бабынинском, Жиздринском, Малоярославецком, Мещовском, Перемышльском, Спас-Деменском, Ульяновском, Ферзиковском, Хвастовичском муниципальных районах.

Стигматизированные территории, как и предыдущий тип (изоляция, безлюдность, удаленность от центральных мест), являются примерами групповой жилищной депривации, возникающей ввиду самого факта принадлежности к территориально-поселенческому сообществу. Мы выделяем несколько видов стигмы, каждый из которых может делиться на позитивную и негативную. Это основанная на сегрегационных процессах социальная стигма; основанная на природно-климатических особенностях и экологическом состоянии «физическая» стигма; функциональная (институциональная) стигма; «паранормальная» («сверхъестественная») стигма. В Калужской области, как показал наш анализ территориальных виртуальных групп в сети Интернет, а также экспериментальное тестирование «ментальной карты» Калужской области, наиболее отчетливую стигму «страшного места» несут на себе Ульяновский, Жиздринский и Хвастовичский районы, что в первую очередь связано с радиационным загрязнением в результате аварии на ЧАЭС. Характерно, что загрязнению подверглись девять районов Калужской области, но явно стигматизированы только три из них, что подчеркивает относительную самостоятельность данного источника депривации, обладающего символической природой. Не имея возможности достоверной оценки общего количества стигматизированных по всем четырем основаниям территорий, мы можем отметить заметный на фоне других регионов ущерб, нанесенный Калужской области аварией на ЧАЭС. По численности подвергшихся радиационному воздействию населенных пунктов Калужская область занимает позицию выше и среднего арифметического, и медианы. Если учитывать объем категорий, установленных Постановлением Правительства РФ от 8 октября 2015 г. № 1074 «Об утверждении перечня населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (Об утверждении перечня, 2015), то среди всех 14 подвергшихся воздействию регионов страны Калужская область уступает по силе этого воздействия Брянской и Тульской областям, а по его географической широте — Тульской, Орловской и Брянской, занимая, таким образом, наряду с Рязанской областью, зону умеренного неблагополучия. В относительном выражении — по доле зараженных населенных пунктов в составе всех населенных пунктов региона — Калужская область тоже не попадает в чрезвычайную зону, но приближается к ней, находясь на границе диапазона серьезной угрозы: ее

доля (9,3%) немногим ниже среднего по всем пострадавшим регионам (10%) и существенно выше медианы (4,65%).

Площадь: «дефицит» и «избыток». Наряду с очевидным источником депривации — теснотой — депривацию может вызвать и «избыток» жилья, если содержать его хозяину трудно экономически или физически. На фоне роста цен и налогов данный тип растет, особенно в сегменте многоквартирного жилфонда, на «стареющих» территориях с малым количеством мест приложения труда, с высокой иждивенческой нагрузкой на работающих, со значением средней площади на жителя выше медианы, с высокой долей домохозяйств одиночек и с высокими значениями миграционного оттока. По общей площади жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя, в ряду субъектов РФ Калужская область занимает срединное положение (и по средней арифметической, и по медиане), и в составе регионов ЦФО ее место определяется так же. Это характеризует ситуацию как в целом благополучную, но при этом наблюдается выраженное внутриобластное варьирование, с наличием сильных «выбросов» для отдельных кластеров поселений и муниципальных образований, когда речь идет о ненормальной «сверхобеспеченности» жителей. Это типично для сельских населенных мест, расположенных на территориях Жиздринского, Козельского, Спас-Деменского, Сухиничского, Ульяновского, Хвастовичского, Юхновского района (наиболее благополучные, держащиеся ближе всего к середине сельские районы — Ферзиковский, Перемышльский, Думиничский).

Исходя из выделенных типов и основываясь на общедоступных данных переписи населения 2010 г., мы получаем возможность количественно оценить минимальный (зарегистрированный официальной статистикой) объем каждой категории населения, испытывающего ту или иную форму депривации в связи с жилищными условиями, а также минимальную долю жилищно-депривированного населения области в целом. В Калужской области эта доля не меньше 12%, если основываться только на типах жилых помещений. Но она резко растет при включении социопространственной меры неравенства. В нее войдут более 15000 жителей пригородной зоны Калуги, вынужденных вести полуоседлый образ жизни и стигматизированных как региональный вариант «Замкадья», о чем мы писали в монографии 2017 г. по итогам исследования калужских пригородов (Казакова, 2017 б). Еще 349268 чел. добавит проживание в населенных пунктах численностью до 100 жителей, около 70% которых одновременно будут входить в категорию транспортно изолированных (это не увеличивает объем категории, но определяет глубину депривации). Ввиду выраженного вреда для здоровья сюда следовало бы включить всех жителей «чернобыльской зоны». Но мы считаем данный сегмент без жителей периферийных населенных пунктов, без жителей центров кластеров сельских поселений, чтобы избежать двойного, тройного и даже более учета ввиду множественного характера депривации,

которую испытывают эти жители. Подсчитывая только население районных центров и только с наибольшей в области степенью радиационного поражения (г. Жиздры, с. Ульянова, с. Хвостовичи), мы получаем объем сегмента, равный 13139 чел. Мы не учитываем временных жителей, нелегальных и легальных мигрантов, для которых Калуга начиная с 1990-х гг. имела повышенную привлекательность, не высчитываем число обитателей старого, физически изношенного, морально устаревшего жилфонда, а также доли того населения многоквартирных домов, которое размещается на площади меньше санитарной нормы. И даже в этом случае совокупная величина населения, испытывающего абсолютную жилищную депривацию, составляет не менее 483277, т.е. 47,81% всего населения области.

К сожалению, такая ситуация характерна для всей страны. Специфически «калужское» неблагополучие — это латентная бездомность; численность воспитанников детских интернатных учреждений, особенно в селах; «жилищный класс» обитателей коммунальных квартир и общежитий; старый жилфонд, включая объекты культурного наследия; миграционный, вахтовый и дачнический «номадизм» ввиду соседства столицы; деградация и изоляция сельских населенных мест; радиационное заражение и, как следствие, — стигматизация и депопуляция существенной по площади территории.

Осуществляя оценку численности жилищно-депривированного населения Калужской области, мы убеждаемся в возможности одновременного интра- и интертерриториального сравнения с использованием одних и тех же показателей, а значит, в эвристичности построенной теоретической модели.

Библиографический список

1. Бессонова, О. Э. (1993). *Жилье: рынок и раздача*. Новосибирск.
2. Бобкова, О. Н. (2016). Факторы, определяющие дифференцированный подход к проектированию доступного жилья в России. В М. И. Бальзанников, К. С. Галицков, Е. А. Ахмедова (ред.) *Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн* (с. 17–21). Самара.
3. Гавриленко, К. В. (2008). Концепция комплексного развития исторической застройки улицы Воскресенской города Калуги в современных условиях. В *Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 9*. (с. 403–420). Калуга.
4. Герасимова, Е. (2017). Жилье в советском городе: историко-социологическое исследование (Ленинград, 1918–1991). Режим доступа <http://ecsocman.hse.ru>
5. Драга, С. В., Лойко, О. Т., Корнеева, А. Ю. (2015). «Локус» социальной памяти: ресурс коллективной идентичности. *Международный научно-исследовательский журнал*, 7–4 (38), 22–23.
6. Жилищные условия населения: Публикационная таблица 1 — Население по типам занимаемых жилых помещений по субъектам Российской Федерации. Режим доступа http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612.htm

7. Казакова, А. Ю. (2017а). Объекты культурного наследия как ресурс аттрактивности пригородной зоны Калуги. *Человек. Сообщество. Управление*, (1), 64–74.
8. Казакова, А. Ю. (2017б). *Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития*. Саратов.
9. Коваленко, Е. А. (2010). Воронка бездомности и ограничение потенциальных возможностей. *Журнал исследований социальной политики*, 8 (4), 519–536.
10. Кротов, П. П., Буравой, М., Лыткина, Т. С. (2003). *Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели*. Сыктывкар.
11. Нефедова Т. Г., Аверкиева К. В., Махрова А. Г. (ред.). (2016). *Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*. Москва.
12. Нефедова, Т. Г. (2008). Прошлое, настоящее и будущее старо-освоенных периферийных районов Нечерноземья (на примере Костромской области). *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 165–184.
13. Нефедова, Т. Г. (2009). Поляризация пространства России: ареалы роста и «Черные дыры». *ЭНСП*, 1 (44). Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-prostranstva-rossii-arealy-rosta-i-chnyue-dyry>
14. Об утверждении перечня населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: Постановление Правительства РФ от 8 октября 2015 г. № 1074. Режим доступа <http://base.garant.ru/71216726/>
15. Покровский Н. Е. (ред.). (1989). *Лабиринты одиночества*. Москва.
16. Разумовская, Е. А. (2014). Особенности поведения участников дорожного движения в условиях краудинга. *The Way of Science. International Scientific Journal*, 8 (8), 206–208.
17. Соловьева, О. (2017, ноябрь 29). Жилищная проблема в России решилась сама собой. Нехватку квартир закрыло индивидуальное домостроительство. Независимая газета. Режим доступа http://www.ng.ru/economics/2017-11-29/4_7125_problem.html
18. Суркова, И. Ю. (2011). Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны: юбилейная забота или помощь каждый день. *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 1(5), 303–310.
19. Утехин, И. В. (2004). *Очерки коммунального быта*. Москва.
20. Холопова, Ю. С. (2013). Оценка территориальной остроты ситуации сельских поселений. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 3, 2511–2515. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2013/53505.htm>.
21. Шелудков, А. В., Рассказов, С. В., Фарахутдинов, Ш. Ф. (2016). *Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть*. Москва.
22. Шманкевич, Т. Ю. (2003). На краю города: от различий к сегрегации. *Вестник Евразии*, 4, 185–206.
23. Aiello, J. R., Jones, S. E. (1971). Field Study of Proxemic Behavior of Young Children in Three Subcultural Groups. *Journal of personality and social psychology*, 19, 351–356.

Статья поступила в редакцию 21.11.2017.

THE EMPIRICAL TYPES OF HOUSING DEPRIVATION:
EVALUATION OF INTRA- AND INTER-REGIONAL VARIATION
(AS EXEMPLIFIED BY KALUGA REGION)

Kazakova A. Y.

Kazakova Anna Yuryevna, Kaluga state University named after K. E. Tsiolkovsky, 48023,
Russia, Kaluga, Stepana Razina Str., 26.
E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

The theme of housing deprivation in contemporary sociology is almost entirely lacking, and attempts to build a typology of causing deprivation conditions are just rare. In this article we try to highlight those forms of living conditions that make it impossible to meet objectively housing needs regardless of their assessment by population. On the basis of data of census 2010 according to RF regions and municipalities inside the regions, we allocated the amount of several empirical types of deprivation in housing situations that allow to clearly identify the social composition of those experiencing the most acute and urgent need of housing, whose the housing-associated needs in different ways (not just economic) reasons, stay suppressed for a long time. These include: explicit and latent homelessness; living in institutional housing as a part of collective households; the coexistence of private households in conditions of communal apartments and dormitories; life in dilapidated and unsafe buildings and houses belonging to objects of cultural heritage; “voluntary deprivation” that occurs in conditions of semi-nomadic way of life “in two houses”; mass deprivation of entire villages due to their degradation, depopulation and stigma; finally, the living area deficit and Vice versa, the excess of the square. We not only do evaluate the size of the segments of the housing depriving of Kaluga region population. The share of those segments as a part of total population is so small that they are usually stay invisible to researchers as a kind of “particular”, “emissions”, “error”, which can be neglected without any violation of the representation of the picture. On the material of Kaluga region, we also estimate a structural ratio of these segments in terms of intra and inter — regional variation to identify the degree of housing impact due to social tensions in the region.

Keywords: deprivation, needs, housing deprivation, types of depriving situations, the scale of housing deprivation.

References

1. Aiello, J. R., Jones, S. E. (1971). Field Study of Proxemic Behavior of Young Children in Three Subcultural Groups. *Journal of Personality and Social Psychology*, 19, 351–356.
2. Bessonova, O. E. (1993). *Zhile: ryinok i razdacha* [Housing: The Market and Distribution]. Novosibirsk.
3. Bobkova, O. N. (2016). Faktoryi, opredelyayuschie differentsirovannyiy podhod k proektirovaniyu dostupnogo zhilya v Rossii [The determinants of a differentiated approach to the design of affordable housing in Russia]. In M. I. Balzannikov, K. S. Galitskov, E. A. Ahmedova, (Eds.) *Traditsii i innovatsii v stroitelstve i arhitekture. Arhitektura i dizayn* [Tradition and innovation in construction and architecture. Architecture and design] (pp.17–21). Samara.
4. Draga, S. V., Loyko, O. T. & Korneeva, A. Yu. (2015). “Lokus” sotsialnoy pamyati: resurs kollektivnoy identichnosti [Place of Social Memory: Resource of Collective Identity]. *Mezhdunarodnyiy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International research magazine], 7–4 (38), 22–23.

5. Gavrilenko, K. V. (2008). Kontseptsiya kompleksnogo razvitiya istoricheskoy zastroyki ulitsy Voskresenskoj goroda Kalugi v sovremennyih usloviyah [Conception of complex development of historical building of Voskresenskaya street of Kaluga City in modern terms]. In *Trudy regionalnogo konkursa nauchnykh proektov v oblasti gumanitarnykh nauk. Vyip. 9* [Labours of regional competition of scientific projects in area of humanity sciences] (pp. 403–420). Kaluga.
6. Gerasimova, E. Zhile v sovetskom gorode: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie (Leningrad, 1918–1991) [Dwelling in Soviet City: Historical and Sociological research (Leningrad, 1918–1991)] Retrieved from <http://ecsocman.hse.ru>
7. Holopova, Yu. S. (2013). Otsenka territorialnoy ostroty situatsii selskih poseleniy [Estimation of Territorial Sharpness of Situation of Rural Settlements]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyy zhurnal "Kontsept"* [Scientifically-methodical electronic magazine "A Concept"], 3, 2511–2515. Retrieved from <http://e-koncept.ru/2013/53505.htm>
8. Kazakova, A. Yu. (2017a). Ob'ekty kulturnogo naslediya kak resurs attraktivnosti prigorodnoy zony Kalugi [Objects of cultural heritage as resource of attractiveness of suburban zone of Kaluga]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (1), 64–74.
9. Kazakova, A. Yu. (2017b). Prigorodnyy obraz zhizni v sovremennoy rossiyskoj provintsii. *Sotsialnaya baza, problemy i perspektivy razvitiya* [A suburban way of life is in the modern Russian province. Social base, problems and prospects of development]. Saratov.
10. Kovalenko, E. A. (2010). Voronka bezdomnosti i ogranichenie potentsialnykh vozmozhnostey [Crater of homelessness and limitation of potential possibilities]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Magazine of Researches of Social Politics], 8 (4), 519–536.
11. Krotov, P. P., Buravoy, M. & Lyitkina, T. S. (2003). *Zhilischnaya stratifikatsiya goroda: ryinohnaya evolyutsiya sovetskoy modeli* [Housing stratification of city: market evolution of soviet model]. Syktyvkar.
12. Nefedova T. G., Averkieva K. V. & Mahrova A. G. (Eds.). (2016). *Mezhdum domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between a house... and by a house. Recurrent Spatial Mobility of Population of Russia]. Moscow.
13. Nefedova, T. G. (2008). Proshloe, nastoyashee i budushee staro-osvoennykh periferiynykh rayonov Nechernozemya (na primere Kostromskoy oblasti) [The past, present and future of the old-mastered peripheral districts of Nechernozemye (on the example of the Kostroma region)]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Questions of state and municipal administration], (1), 165–184.
14. Nefedova, T. G. (2009). Polarizatsiya prostranstva Rossii: arealy rosta i "Chernye dyry" [Polarization of Space of Russia: Natural Habitats of Height and "Black Holes"]. *ENSR*, 1 (44). Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-prostranstva-rossii-arealy-rosta-i-chernye-dyry>
15. Ob utverzhdenii perechnya naselennykh punktov, nahodyaschihsya v granitsah zon radioaktivnogo zagryazneniya vsledstvie katastrofy na Chernobyil'skoy AES: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 oktyabrya 2015 g. № 1074 [About Claim of List of Settlements Being Within Bounds of Zones of Radiocontaminant Because of Catastrophe on Chornobyl AEC: Decision of Government Russian Federation from October, 8, 2015 No 1074]. Retrieved from <http://base.garant.ru/71216726>
16. Pokrovskiy N. E. (Ed.). (1989). *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of Loneliness]. Moscow.

17. Razumovskaya, E. A. (2014). Osobennosti povedeniya uchastnikov dorozhnogo dvizheniya v usloviyah kraudinga [Features of Behavior of Participants of Travelling Motion in The Conditions of Crowding]. *The Way of Science. International scientific journal*, 8 (8), 206–208.
18. Sheludkov, A. V., Rasskazov, S. V. & Farahutdinov, Sh. F. (2016). *Selskie munitsipaliteti yuga Tyumenskoy oblasti: prostranstvo, statistika, vlast* [Rural Municipalities of South of the Tyumen Area: Space, Statistics, Power]. Moscow.
19. Shmankevich, T. Yu. (2003). Na krayu goroda: ot razlichiy k segregatsii [On The Edge of Town: From Distinctions to The Segregation]. *Vestnik Evrazii* [Announcer of Eurasia], 4, 185–206.
20. Soloveva, O (2017, November 29). Zhilishchnaya problema v Rossii reshilas sama soboy. Nehvatku kvartir zakryilo individualnoe domostroitelstvo [A Housing Problem in Russia Decided by Itself. The Shortage of Apartments Was Closed by an Individual House-Building]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper]. Retrieved from http://www.ng.ru/economics/2017-11-29/4_7125_problem.html
21. Surkova, I. Yu. (2011). Sotsialnaya zaschita veteranov Velikoy Otechestvennoy voyni: yubileynaya zabota ili pomosch kazhdyiy den [Social defence of veterans of Great Patriotic war: anniversary caring or help every day]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta* [Announcer of the Saratov State Technical University], 1 (5), 303–310.
22. Utehin, I. V. (2004). *Ocherki kommunalnogo byita* [Sketches of Communal Life]. Moscow.
23. Zhilishchnyye usloviya naseleniya: Publikatsionnaya tablitsa 1 — Naselenie po tipam zanimаемых жилых помещений по субъектам Российской Федерации [Housing terms of population: The Publication table 1 is Population on the types of the occupied dwellings apartments on the subjects of Russian Federation]. Retrieved from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-КОГНИТИВНЫХ ПРЕДИКТОРОВ ПОДЧИНЯЕМОСТИ АВТОРИТЕТУ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ ЕЕ ВЫРАЖЕННОСТИ

Белых Т. В., Князев Е. Б.

Белых Татьяна Викторовна,
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 410028,
Саратов, ул. Вольская, 10а.
Эл. почта: tvbelih@mail.ru

Князев Евгений Борисович,
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 410028,
Саратов, ул. Вольская, 10а.
Эл. почта: eknyaze@gmail.com

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление у молодежи социально-когнитивных предикторов подчиняемости авторитету в зависимости от степени ее выраженности. В исследовании приняли участие 170 студентов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Все респонденты были разделены на четыре группы в соответствии с зафиксированной у них степенью выраженности подчиняемости на основе методики ДМО «тест Лири». Далее с использованием множественного регрессионного анализа были построены четыре регрессионные модели и выявлены предикторы подчиняемости для каждой ее степени. Показано, что регрессионные модели обладают разной прогностической силой, а наибольшей надежностью в прогнозировании подчиняемости личности авторитету оказываются модели, построенные для низкой и экстремальной степени выраженности подчиняемости. Среди предикторов подчиняемости оказались: социальная установка на эгоизм, оценка респондентами своей потребности иметь близкие, теплые отношения с окружающими людьми, представление о себе как о личности, имеющей уважение к другим людям и представление о себе как о личности, склонной к доминированию. Обнаружено, что социально-когнитивные характеристики личности, являющиеся предикторами подчиняемости авторитету, обладают свойством вариабельности в зависимости от ее степени выраженности. Обнаруженные в ходе данного исследования социально-когнитивные предикторы подчиняемости личности авторитету, а также их вариабельность указывают на факт, свидетельствующий о том, что не существует единого, четко определенного предиктора, способного однозначно прогнозировать подчинение или неподчинение личности авторитету. На основе анализа построенных регрессионных моделей, показывается, что подчинение личности авторитету является сложным социально-психологическим феноменом, на который оказывает влияние комплекс причин. В числе таковых оказываются социально-психологические характеристики личности, относящиеся к процессу ее социального познания.

Ключевые слова: подчинение, предиктор, социальный интеллект, эмоциональный интеллект, уровень субъективного контроля, социальная установка.

Исследование психологических факторов, определяющих подчиняемость личности авторитету, имеет большую историю, но остается актуальным и в настоящее время. Негативное информационно-психологическое воздействие, оказываемое на личность молодых людей; включенность молодежи в разные неформальные микрогруппы и их влияние на сознание и поведение личности вплоть до деперсонализации; снижение воспитательной функции семьи, которое может приводить к формированию зависимого стереотипа поведения, и как следствие — деструктивному способу самореализации, влечет за собой необходимость изучения, прежде всего психологических причин подчиняемости личности, выявление которых может способствовать профилактике такого асоциального явления, как деструктивное подчинение.

Как известно, исследование деструктивного подчинения личности авторитету получило свое развитие с экспериментов С. Милгрэма (Milgram, 1963), Ч. Хофлинга (Hofling, Brotzman, Dalrymple, Graves, Pierce, 1966), Ч. Шеридана и Р. Кинга (Sheridan, King, 1972), Ф. Зимбардо (Zimbardo, Haney, Banks, 1973) и др. Изучая данную проблему, ученые показали, что психически здоровые люди, оказавшись в ситуации подчинения, способны совершать противоправные действия по отношению к другому человеку или живому существу, повинаясь приказаниям лица, наделенного легитимной властью. В настоящее время интерес к исследованию деструктивного подчинения сохраняется. Анализируются ранние исследования (Blass, 2009; Haslam, Loughnan, Perry, 2014; Haslam, Reicher, 2017) и проводятся новые эксперименты, подтверждающие в частности правоту утверждения С. Милгрэма о том, что в ситуации подчинения человек снимает с себя ответственность за свои действия (Burger, 2009; Ершова, 2010; Caspar, Christensen, Cleeremans, Haggard, 2016; Dolinski, Grzyb, Folwarczny, Grzybała, Krzyszycha и др., 2017; Князев, 2017а). Также предпринимаются попытки найти личностные предикторы подчинения авторитету (Miranda, Caballero, Gomez, Zamorano, 1981; Berkowitz, 1991; Darling, Cumsille, Martínez, 2007; Cheetham, Pedroni, Antley, Slater, Jäncke, 2009; Begue, Beauvois, Courbet, Oberle, Lepage и др., 2015).

Исходя из результатов этих исследований, можно предположить, что если на подчиненное поведение оказывают влияние как диспозиции личности, так и ситуация подчинения, то при поиске предикторов подчинения стоит обратить внимание на социально-когнитивные характеристики личности. Именно такие способности, оценки и представления личности о мире и самой себе характеризуют ее как субъекта социального познания, поскольку на их основании человек способен особым образом воспринимать и анализировать социальную информацию. При этом полученные нами ранее результаты исследования соотношения социальных установок личности в сфере мотивации и потребностей (Князев, 2017б) приводят нас к мысли, что обнаруженные предикторы могут быть характерны только для определенной степени выраженности подчиняемости.

Таким образом, мы видим цель данного исследования в выявлении у студенческой молодежи социально-когнитивных предикторов подчиняемости авторитету в зависимости от степени ее выраженности. В этом случае гипотезой исследования следует принять утверждение, что сочетание социально-когнитивных характеристик личности различается у студентов с разной степенью выраженности склонности к подчинению авторитету.

Выборка исследования составляет 170 студентов первых курсов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Согласно поставленной цели все респонденты были разделены на четыре группы в соответствии со своей степенью выраженности подчиняемости. Основанием разделения на группы служила зафиксированная самооценка степени подчиняемости, полученная с помощью диагностики межличностных отношений Лири.

При проведении исследования использовались следующие методики: тест на социальный интеллект Дж. Гилфорда и М. Салливена в адаптации Е. С. Михайловой (Алешинной); опросник по эмоциональному интеллекту «ЭМИн», разработанный Д. В. Люсиным; диагностика социальных установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной; диагностика уровня субъективного контроля Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинды; диагностика межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик; опросник межличностных отношений «FIRO-B» В. Шутца в адаптации А. А. Рукавишниковой; тест «Авторитарный стереотип», разработанный Р. Ф. Баязитовым; пятифакторный личностный опросник (5FPQ) в адаптации А. Б. Хромова.

Собранные с помощью методик данные были подвергнуты множественному регрессионному анализу с использованием метода пошагового включения. Проведенные исследования были выполнены с помощью программы Statistical Package for the Social Sciences ver. 23. Результаты исследования представлены в табл. 1–4.

Обратимся к табл. 1. Как можно видеть, низкая степень выраженности подчиняемости детерминирована в первую очередь социальной установкой на эгоизм ($\beta = 0,488$) и социальным верованием в опасный мир ($\beta = -0,388$). Определенный вклад в прогнозирование подчиняемости вносит представление личности о себе как имеющей уважение к другим людям ($\beta = 0,365$), а также способность к оптимальному осознанию систем поведения партнеров по общению ($\beta = 0,303$). Менее всего на предикцию подчиняемости оказывает влияние организационная авторитарность ($\beta = -0,266$).

Прогностическая способность данной регрессионной модели высокая и составляет 76,2% ($R^2 = 0,762$). То есть более 76% дисперсии зависимой переменной определяется выявленными пятью предикторами данной модели.

Итак, низкая степень выраженности подчиняемости обусловлена в первую очередь наличием у студентов этой группы сформированной социальной установ-

Таблица 1

Социально-когнитивные предикторы подчиняемости авторитету, характерные для личности с низкой степенью выраженности подчиняемости, $n = 29$

Степень	Предиктор	β	t	p
Низкая	Социальное верование в опасный мир	-0,388	-3,493	0,002
	Социальная установка на эгоизм	0,488	4,213	0,000
	Уважение других	0,365	3,289	0,003
	Способность к познанию систем поведения	0,303	2,818	0,010
	Организационная авторитарность	-0,266	-2,399	0,025
$R = 0,873$; $R^2 = 0,762$; $F = 14,713$; $p = 0,000$				

ки на эгоизм. То есть забота исключительно о собственных интересах и личной выгоде прямо обуславливает низкую степень выраженности подчиняемости респондентов. Также на подчиняемость оказывает влияние и их убеждение в том, что общество, в котором они существуют и действуют не хаотично, а скорее предсказуемо и упорядочено, что противоположно социальному верованию в опасный мир, с возрастанием веры в который снижается их подчиняемость. Интересно, что влияние на подчиняемость респондентов оказывает также и их представление о себе как о людях, умеющих уважать и ценить других, поскольку сформированная установка на эгоизм, кажется должна препятствовать этому. Несколько меньшее влияние на подчиняемость респондентов оказывает их способность понимать значение того или иного поступка человека, совершенного им в определенной ситуации, а также ход развития самой ситуации в целом. Непринятие директивного руководства в ситуациях организационного взаимодействия, составляющее суть организационной авторитарности также сказывается на низкой степени подчиняемости респондентов этой группы.

Как видно из табл. 2, регрессионная модель, характерная для умеренной степени выраженности подчиняемости, включает в себя только два предиктора, а именно выраженное поведение личности в области «аффекта» ($\beta = 0,319$) и интернальность личности в области неудач ($\beta = -0,272$).

Прогностическая способность данной модели слабая и составляет всего 15,5% ($R^2 = 0,155$). Иными словами, только 15% дисперсии зависимой переменной определяется двумя выявленными предиктивными факторами. Стоит отметить, что вследствие невозможности создать более надежную регрессионную модель для личности с умеренной степенью выраженности подчиняемости можно предположить, что ее подчиняемость детерминирована в первую очередь не характеристиками личности, а ситуационными обстоятельствами, что подтверждается более ранними нашими исследованиями (Белых, Майрамян, 2016).

Таким образом, умеренная степень выраженности подчиняемости определяется в первую очередь потребностью респондентов устанавливать с привлека-

Таблица 2

Социально-когнитивные предикторы подчиняемости авторитету, характерные для личности с умеренной степенью выраженности подчиняемости, $n = 59$

Степень	Предиктор	β	t	p
Умеренная	Выраженное поведение в обл. «аффекта»	0,319	2,580	0,013
	Интернальность в области неудач	-0,272	-2,201	0,032
	$R = 0,394; R^2 = 0,155; F = 5,133; p = 0,009$			

Таблица 3

Социально-когнитивные предикторы подчиняемости авторитету, характерные для личности с высокой степенью выраженности подчиняемости, $n = 58$

Степень	Предиктор	β	t	p
Высокая	Доминирование	-0,252	-2,122	0,039
	Уважение других	0,332	2,882	0,006
	Способность управлять своими эмоциями	-0,250	-2,166	0,035
	Самоконтроль	-0,242	-2,043	0,046
	$R = 0,569; R^2 = 0,324; F = 6,354; p = 0,000$			

тельными для них людьми близкие, дружеские отношения. Также на предикцию подчиняемости в известной мере влияет склонность респондентов приписывать свои неудачи внешним обстоятельствам. При этом следует отметить, что чем более склонны респонденты приписывать свои неудачи исключительно внешним обстоятельствам, тем выше становится их подчиняемость.

Далее обратимся к табл. 3. Как можно видеть, высокая степень выраженности подчиняемости детерминирована представлением личности о себе как имеющей уважение к другим людям ($\beta = 0,332$). Определенный вклад в предикцию подчиняемости вносят также представление личности о себе как склонной к доминированию ($\beta = -0,252$), а также ее способность управлять своими эмоциями ($\beta = -0,250$) и представление личности о себе как способной к самоконтролю ($\beta = -0,242$).

Представленная в табл. 3 модель обладает умеренной прогностической способностью и составляет 32,4% ($R^2 = 0,324$). Таким образом, более 32% зависимой переменной детерминировано выявленными четырьмя предикторами.

Итак, на высокую степень выраженности подчиняемости влияет прежде всего оценка респондентами себя как людей, уважающих других. При этом их представление о себе как склонных к доминированию, т.е. не желающих, чтобы кто-то другой оказывал на них давление, вкуне со стремлением подчинить себе окружающих, снижает подчиняемость респондентов данной группы. Способность личности сдерживать свои негативные и вызывать положительные эмоции,

Таблица 4

Социально-когнитивные предикторы подчиняемости авторитету, характерные для личности с экстремальной степенью выраженности подчиняемости, $n = 24$

Степень	Предиктор	β	t	p
Экстремальная	Доминирование	-0,667	-6,267	0,000
	Социальная установка на деньги	-0,511	-4,569	0,000
	Требуемое поведение в обл. «контроля»	0,367	3,285	0,004
$R = 0,880$; $R^2 = 0,774$; $F = 22,861$; $p = 0,000$				

концентрироваться прежде всего на них также обуславливает подчиняемость респондентов. При этом развитие способности управления своими эмоциями может привести к снижению подчиняемости респондентов. Равно как и формирование у них представления о себе как о людях, способных давать себе отчет о своих действиях и четко следовать избранным жизненным векторам.

Наконец обратимся к табл. 4. Построенная регрессионная модель для экстремальной степени выраженности подчиняемости включает в себя три предиктора. Более всего на прогнозирование подчиняемости влияют: представление личности о себе как склонной к доминированию ($\beta = -0,667$) и социальная установка на деньги ($\beta = -0,511$). В меньшей мере на предикцию подчиняемости оказывает влияние требуемое поведение личности в области «контроля» ($\beta = 0,367$).

Регрессионная модель, представленная в табл. 4, обладает высокой прогностической способностью и составляет 77,4% ($R^2 = 0,774$). То есть более 77% зависимой переменной определяется предикторами данной модели.

Таким образом, экстремальную степень выраженности подчиняемости определяет ряд предиктивных факторов, в первую очередь это отсутствие у респондентов представления о себе как о людях, не терпящих контроля со стороны других и стремящихся достичь поставленных перед собой целей. Отсутствие у респондентов ориентации на деньги и стремление их заработать также обуславливает их подчиняемость. При этом наличие данной ориентации способно снизить подчиняемость респондентов. В противоположность первым двум предикторам третий предиктор — требуемое поведение в области «контроля» — наоборот, повышает подчиняемость респондентов, так как отражает их потребность в наставлениях и руководстве со стороны других людей, показывает стремление к зависимости от них.

По итогам проведенного исследования можно прийти к следующим выводам. Во-первых, не обнаружено единственного предиктора подчиняемости личности авторитету, который был бы свойственен всем четырем регрессионным моделям. Можно утверждать, что гипотеза исследования подтверждается и социально-когнитивные предикторы подчиняемости обладают свойством вариабельности вследствие изменения предикторов в зависимости от степени выраженности подчиняемости.

Во-вторых, существуют два предиктора, входящие в состав двух разных моделей. Это представление о наличии чувства уважения к другим людям, прямо влияющее на подчиняемость, характерное для низкой и высокой степени подчиняемости. Также представление личности о себе как о склонной к доминированию, оказывающее обратное влияние на подчиняемость, характерное для ее высокой и экстремальной степени выраженности.

В-третьих, наиболее информативным для прогнозирования низкой степени выраженности подчиняемости оказывается социальная установка на эгоизм. Умеренную степень обуславливает в первую очередь потребность иметь близкие, теплые отношения с людьми, на высокую степень выраженности подчиняемости влияет прежде всего представление о себе как о личности, имеющей уважение к другим людям. Наконец, экстремальную степень определяет отсутствие представления о себе как о личности, склонной к доминированию.

В-четвертых, построенные регрессионные модели обладают разной прогностической силой, более надежны в прогнозировании подчиняемости личности авторитету модели, представленные в табл. 1 и 4, отражающих низкую и экстремально высокую степень подчиняемости личности.

В целом данное исследование подтверждает, что подчинение личности авторитету является сложным социально-психологическим феноменом, на который оказывает влияние комплекс причин. Обнаруженные нами предиктивные факторы подчинения, являющиеся социально-когнитивными характеристиками личности и особенно их вариабельность указывают на то, что не может быть найден некий единый и жестко определенный фактор, однозначно прогнозирующий подчинение или неподчинение личности авторитету. Вместе с тем модели, построенные для низкой и экстремальной степени выраженности подчиняемости, обладают достаточно высокой прогностической способностью и показывают что, по-видимому, попытки прогнозировать подчинение людей, занимающих крайние полярные позиции в оценке своего подчинения кому-либо, могут увенчаться успехом. Для большинства же людей оценка их подчинения авторитетам подвержена сильным влияниям ситуации, в которой они оказались в тот или иной момент их общения и взаимодействия с лицом, наделенным легитимной властью.

Библиографический список

1. Белых, Т. В., Майрамян, А. М. (2016). Структурно-функциональные характеристики субъекта межличностного ситуативного взаимодействия. *Гуманизация образования*, (2), 73–82.
2. Ершова, Р. В. (2010). «Повинуемость» как предмет социально-психологического исследования (повторение эксперимента А. Поскоцила в России). В В. А. Барабанщиков (ред.) *Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы* (с. 803–807). Москва.

3. Князев, Е. Б. (2017а). Групповые различия соотношения социальных установок в пространстве мотивационно-потребностной сферы у студентов с разной степенью представлений о себе как о подчиняемой личности. *Человек. Сообщество. Управление*, (3), 115–125.
4. Князев, Е. Б. (2017б). Социально-когнитивные характеристики личности и особенности поведения у студентов с разной степенью выраженности подчиняемости авторитету. *Психологические исследования*, 10 (56). Режим доступа <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1503-knyazev56.html>
5. Begue, L., Beauvois, J.-L., Courbet, D., Oberle, D., Lepage, J., Duke, A.A. (2015). Personality Predicts Obedience in a Milgram Paradigm. *Journal of Personality*, 83 (3), 299–306. doi:10.1111/jopy.12104
6. Berkowitz, L. (1999). Evil Is More than Banal: Situationism and the Concept of Evil. *Personality and Social Psychology Review*, 3, 246–253. doi:10.1207/s15327957pspr0303_7
7. Blass, T. (2009). From New Haven to Santa Clara: A Historical Perspective on the Milgram Obedience Experiments. *American Psychologist*, 64 (1), 37–45. doi:10.1037/a0014434
8. Burger, J. (2009). Replicating Milgram: Would People Still Obey Today. *American Psychologist*, 64 (1), 1–11. doi:10.1037/a0010932
9. Caspar, E., Christensen J., Cleeremans A., Haggard P. (2016). Coercion Changes the Sense of Agency in the Human Brain. *Current Biology*, 26 (5), 585–592. doi:10.1016/j.cub.2015.12.067
10. Cheetham, M., Pedroni, A., Antley, A., Slater, M., Jäncke, L. (2009). Virtual Milgram: Empathic Concern or Personal Distress? Evidence from Functional MRI and Dispositional Measures. *Frontiers in Human Neuroscience*, 3(29), 29. doi:10.3389/neuro.09.029.2009
11. Darling, N., Cumsille, P., Martínez, M.L. (2007). Adolescents as Active Agents in the Socialization Process: Legitimacy of Parental Authority and Obligation to Obey as Predictors of Obedience. *Journal of Adolescence*, 30 (2), 297–311. doi: 10.1016/j.adolescence.2006.03.003
12. Dolinski, D., Grzyb, T., Folwarczny, M., Grzybała, P., Krzyszycha, K., Martynowska, K., Trojanowski, J. (2017). Would You Deliver an Electric Shock in 2015? Obedience in the Experimental Paradigm Developed by Stanley Milgram in the 50 Years Following the Original Studies. *Social Psychological and Personality Science*, March, 1–7. Режим доступа <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1948550617693060>
13. Haslam, N., Loughnan, S., Perry, G. (2014). Meta-Milgram: An Empirical Synthesis of the Obedience Experiments, *PLoS ONE*, April, 1–9. Режим доступа <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0093927>
14. Haslam, S., Reicher, S. (2017). 50 Years of “Obedience to Authority”: From Blind Conformity to Engaged Followership. *Annual Review of Law and Social Science*, 13 (1), 59–78. doi:10.1146/annurev-lawsocsci-110316-113710
15. Hofling, Ch., Brotzman, E., Dalrymple, S., Graves, N., Pierce, Ch. (1966). An Experimental Study in Nurse-Physician Relationships. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 143 (2), 171–180.

16. Milgram, S. (1963). Behavioral Study of Obedience. *The Journal of abnormal and social psychology*, 67 (4), 371–378. doi:10.1037/h0040525
17. Miranda, F., Caballero, R., Gomez, M., Zamorano, M. (1981). Obediencia a la Autoridad [Obedience to Authority]. *Psiquis: Revista de Psiquiatría, Psicología y Psicopatología*, 2, 212–221.
18. Sheridan, C., King, R. (1972). Obedience to Authority with an Authentic Victim. *Proceedings of the Annual Convention of the American Psychological Association*, 7 (1), 165–166.
19. Zimbardo, P., Haney, C., Banks, W. (1973). Study of Prisoners and Guards in a Simulated Prison. *Naval Research Reviews*, 9, 1–17.

Статья поступила в редакцию 09.11.2017.

.....

**VARIABILITY OF SOCIO-COGNITIVE PREDICTORS
OF OBEDIENCE TO AUTHORITY DEPENDING ON THE DEGREE
OF EXPRESSIVENESS OF SELF-PERCEPTION AS AN OBEDIENT
PERSONALITY**

Belykh T. V., Knyazev E. B.

Belykh Tat'jana Viktorovna,
Chernyshevsky Saratov State University, 410028, Russia, Saratov, Volskaya Str., 10a.
E-mail: tvbelih@mail.ru

Knyazev Evgeny Borisovich,
Chernyshevsky Saratov State University, 410028, Russia, Saratov, Volskaya Str., 10a.
E-mail: eknyaze@gmail.com

Results of the research directed to identification of social and cognitive predictors of obedience to authority depending on degree of its expressiveness among the young people are presented in the article. 170 students of Saratov State University participated in this research. All respondents were divided into four groups according to the degree of expressiveness of obedience detected on the basis of a technique of T. Leary "The Interpersonal Diagnosis of Personality". Furthermore, on the basis of the multiple regression analysis, four regression models were constructed and obedience predictors for each of its degree are revealed. It is shown that regression models have different predictive value, so the models constructed for low and extreme degree of expressiveness of obedience have the greatest reliability in forecasting of obedience of the personality to the authority. Among predictors of obedience appeared: social installation on egoism, assessment by respondents of the requirement to have warm relations with surrounding people, self-perception as the personality respecting the other people and self-perception as the personality inclined to domination. It is revealed that the social and cognitive characteristics of the personality that are predictors of the obedience to authority are variable depending on its degree of expressiveness. The social and cognitive predictors of obedience of the personality to authority found during this research and also their variability indicate that there is no general, clearly defined predictor that could unambiguously predict obedience or non-obedience of the personality to authority. On the basis of the analysis of the constructed regression models, it is shown that obedience of the personality to authority is a complicated social and psychological phenomenon that is impacted by the complex of the reasons. Among those are social and psychological characteristics of the personality relating to process of social knowledge.

Keywords: obedience, predictor, social intelligence, emotional intelligence, level of subjective control, social attitude.

References

1. Begue, L., Beauvois, J.-L., Courbet, D., Oberle, D., Lepage, J. & Duke, A.A. (2015). Personality Predicts Obedience in a Milgram Paradigm. *Journal of Personality*, 83 (3), 299–306. doi:10.1111/jopy.12104
2. Belyh, T. V. & Mayramyan, A. M. (2016). Strukturno-funktsional'nye kharakteristiki sub'ekta mezhlichnostnogo situativnogo vzaimodeystviya [Structural and Functional Characteristics of the Subject of Interpersonal Situational Interaction]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of education], (2), 73–82.
3. Berkowitz, L. (1999). Evil Is More than Banal: Situationism and the Concept of Evil. *Personality and Social Psychology Review*, 3, 246–253. doi:10.1207/s15327957pspr0303_7
4. Blass, T. (2009). From New Haven to Santa Clara: A Historical Perspective on the Milgram Obedience Experiments. *American Psychologist*, 64 (1), 37–45. doi:10.1037/a0014434
5. Burger, J. (2009). Replicating Milgram: Would People Still Obey Today. *American Psychologist*, 64 (1), 1–11. doi:10.1037/a0010932
6. Caspar, E., Christensen J., Cleeremans A. & Haggard P. (2016). Coercion Changes the Sense of Agency in the Human Brain. *Current Biology*, 26 (5), 585–592. doi:10.1016/j.cub.2015.12.067
7. Cheetham, M., Pedroni, A., Antley, A., Slater, M. & Jäncke, L. (2009). Virtual Milgram: Empathic Concern or Personal Distress? Evidence from Functional MRI and Dispositional Measures. *Frontiers in Human Neuroscience*, 3(29), 29. doi:10.3389/neuro.09.029.2009
8. Darling, N., Cumsille, P. & Martínez, M.L. (2007). Adolescents as Active Agents in the Socialization Process: Legitimacy of Parental Authority and Obligation to Obey as Predictors of Obedience. *Journal of Adolescence*, 30 (2), 297–311. doi: 10.1016/j.adolescence.2006.03.003
9. Dolinski, D., Grzyb, T., Folwarczny, M., Grzybała, P., Krzyszycha, K., Martynowska, K. & Trojanowski, J. (2017). Would You Deliver an Electric Shock in 2015? Obedience in the Experimental Paradigm Developed by Stanley Milgram in the 50 Years Following the Original Studies. *Social Psychological and Personality Science*, March, 1–7. Retrieved from <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1948550617693060>
10. Ershova, R. V. (2010). “Povinuemost” kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya (povtorenie eksperimenta A. Poskotsila v Rossii) [“Obedience” as an Object of Socio-Psychological Research (Repeat of the Experiment A. Poskocil in Russia)]. In V.A. Barabanshchikov (Ed.). *Eksperimental'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy* [Experimental Psychology in Russia: Traditions and Perspectives]. (pp. 803–807). Moscow.
11. Haslam, N., Loughnan, S. & Perry, G. (2014). Meta-Milgram: An Empirical Synthesis of the Obedience Experiments, *PLoS ONE*, April, 1–9. Retrieved from <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0093927>
12. Haslam, S. & Reicher, S. (2017). 50 Years of “Obedience to Authority”: From Blind Conformity to Engaged Followership. *Annual Review of Law and Social Science*, 13 (1), 59–78. doi:10.1146/annurev-lawsocsci-110316-113710

13. Hofling, Ch., Brotzman, E., Dalrymple, S., Graves, N. & Pierce, Ch. (1966). An Experimental Study in Nurse-Physician Relationships. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 143 (2), 171–180.
14. Knyazev, E. B. (2017a). Gruppovye razlichiya sootnosheniya sotsial'nykh ustanovok v prostranstve motivatsionno-potrebnostnoy sfery u studentov s raznoy stepen'yu predstavleniy o sebe kak o podchinyaemoy lichnosti [Group Difference of Correlation of Social Attitudes in Motivational and Need Sphere of Students with Different Self-Perception as Obedient Personality]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3), 115–125. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2016-06-16-08-07-21/2017-3>
15. Knyazev E.B. (2017b). Sotsial'no-kognitivnye kharakteristiki lichnosti i osobennosti povedeniya u studentov s raznoy stepen'yu vyrazhennosti podchinyaemosti avtoritetu [Socio-Cognitive Characteristics of Personality and Behavior Patterns of Students with Different Expressiveness of Obedience to Authority]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 10 (56). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1503-knyazev56.html>
16. Milgram, S. (1963). Behavioral Study of Obedience. *The Journal of abnormal and social psychology*, 67 (4), 371–378. doi:10.1037/h0040525
17. Miranda, E., Caballero, R., Gomez, M. & Zamorano, M. (1981). Obediencia a la Autoridad [Obedience to Authority]. *Psiquis: Revista de Psiquiatria, Psicologia y Psicopatología*, 2, 212–221.
18. Sheridan, C. & King, R. (1972). Obedience to Authority with an Authentic Victim. *Proceedings of the Annual Convention of the American Psychological Association*, 7 (1), 165–166.
19. Zimbardo, P., Haney, C. & Banks, W. (1973). Study of Prisoners and Guards in a Simulated Prison. *Naval Research Reviews*, 9, 1–17.

СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МАТЕРЕЙ И ХАРАКТЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРИ С РЕБЕНКОМ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ

.....

Хозяинова П. М.

Хозяинова Полина Михайловна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: h.p.m@mail.ru

В условиях современной действительности неполная семья в большинстве случаев состоит из матери с ребенком или несколькими детьми, т.е. является по сути материнской. В этих условиях женщины вынуждены в одиночку вести домашнее хозяйство, думать о материальном благосостоянии семьи, воспитывать детей, выполняя материнские функции и компенсируя отсутствие отцовских. Такая перестройка семейных ролей меняет личностные характеристики женщины и влияет на развитие личности ребенка через их взаимоотношения. Данная ситуация требует изучения феномена материнства в неполной семье с точки зрения влияния личностных характеристик на взаимоотношения с ребенком.

В статье описаны особенности взаимодействия матери с ребенком в неполной и полной семье. Дается сравнительная характеристика взаимодействия матери с ребенком в обеих группах женщин. Выделена специфика взаимодействия матери с ребенком в неполной семье, которая проявляется в деструктивном характере отношения к ребенку. Матери, воспитывающие ребенка в неполной семье, более требовательные, контролирующие, у них повышена тревожность за ребенка, воспитательная конфронтация по сравнению с женщинами, воспитывающими ребенка в полной семье. Далее прослежена взаимосвязь личностных особенностей женщины-матери в неполной семье с характером ее взаимодействия с ребенком. Были выделены такие личностные качества женщин, которые могут трансформироваться под влиянием двойной ролевой нагрузки в семье: семейные ценности и гендерные особенности. Деструктивные тенденции в отношении к ребенку связаны с повышенной значимостью таких семейных ценностей, как: социальная активность, хозяйственно-бытовая сфера и внешняя привлекательность. Проявление маскулинных качеств приводит к снижению принятия ребенка, непоследовательности в воспитании и повышенному контролю. Таким образом, был сделан вывод о связи личностных особенностей женщины-матери, воспитывающей ребенка в неполной семье с характером взаимодействия с ребенком.

Ключевые слова: неполная семья, личностные особенности женщин, взаимодействие с ребенком, взаимодействие матери с ребенком, семейные ценности.

Детско-родительские отношения — одна из активно изучаемых проблем психологии семьи. Аспекты изучения детско-родительских отношений касаются таких вопросов, как стили отношения родителей к детям, их влияние на становление личности ребенка в семье, особенности взаимоотношений родителей с ребен-

ком в неполной семье и др. (Башкирова, 2007; Рыжкова, 2009; Щербина, 2016). Изучаются также и причины формирования того или иного стиля отношения родителей к детям. Среди детерминант отношения родителей к детям выделяют отношения в прародительской семье, особенности супружеских отношений, личностные особенности родителей и др. (Горлова, 2006; Карабанова, 2008).

В. В. Столин рассматривает родительское отношение как систему разнообразных чувств к ребёнку, моделей поведения, которые формируются при общении с ребенком, особенностей восприятия и понимания характера и личности ребёнка, его поступков (Столин, 1979). Анализируя множество подходов к понятию родительского отношения, можно сказать, что изучение родительского отношения сфокусировано на эмоциональной стороне взаимоотношений с ребенком, которая проявляется в любви к ребенку, радости, удовлетворенности от общения с ним, стремлении к его защите и безопасности, безусловном принятии и внимании. Другие исследователи выделяют такие характеристики, как требовательность, контроль, сотрудничество (Филиппова, 2002).

Существует много исследований, где рассмотрены особенности взаимоотношений ребенка и матери в ситуации неполной семьи. Проблемы воспитания детей в неполных семьях изучались многими психологами. В работе «Ребенок без папы» подробно рассматривается проблематика отсутствия отца в жизни ребенка (Николаева, 2012; Башкирова, 2007). Много исследований посвящено формированию личности ребенка в неполной семье (Наумова, Данилова, 2014). Рассматриваются особенности детско-родительских взаимоотношений в неполных семьях. Подробно раскрывается тема психического развития детей в неполных семьях. В книге «Ребенок в карусели развода» подробно рассматривают специфику развития ребенка в ситуации развода родителей, в книге подробно описаны особенности детей, переживающих семейный кризис (Нартова-Бочавер, Несмеянова, Малярова, Мухортова, 2001).

Неполной называется такая семья, которая состоит из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми (Спиваковская, 1986). В нашем исследовании респондентами являются женщины, воспитывающие ребенка в неполной семье, — это одинокие матери, воспитывающие ребенка без мужа, в ситуации развода. Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, — матери, которые воспитывают ребенка с мужем и состоят в браке.

Среди детерминант родительского отношения все чаще исследователи обращаются к личности родителей. Анализируются особенности развития ребенка через родительские установки и поведение (Смит, 2004), а также рассмотрены особенности развития ребенка, и психология материнства. Отражены взгляды современной науки на взаимодействие матери с ребенком в младенчестве и раннем детстве (Филиппова, 2002).

Особенности личности женщины, воспитывающей ребенка в неполной семье, рассматриваются в исследованиях материнства. Изучается когнитивная,

эмоциональная и поведенческая составляющая материнства в неполной семье, выявлены различия в проявлениях осознанного и неосознанного материнства в неполной семье, представлена типология материнства в полных и неполных семьях (Овчарова, Мягкова, 2014).

Однако трансформация современного института семьи происходит очень быстро. Перестройка функционально-ролевой структуры семейных отношений влечет за собой изменения некоторых личностных особенностей супругов. В первую очередь это касается женщин, социальная активность которых обуславливает изменение ее семейных ценностей, гендерных ролей и других личностных особенностей, что влияет на их отношения с ребенком.

Изменения современной семьи коснулись не только супружеских отношений, но и взаимоотношений родителей с детьми. В условиях неполной семьи меняется положение женщины и ее личность. Женщина несет двойную ролевую нагрузку, это определяет особенности ее личности. Трансформируется система семейных ценностей матерей в условиях самостоятельной реализации семейных функций. Нагрузка по решению многих проблем, связанных с бытом, материальным обеспечением, воспитанием ребенка требует от женщины значительных моральных и физических усилий и необходимых для этого качеств. Все эти изменения ее личности проецируются на ее отношения с ребенком.

В нашем исследовании была поставлена цель — изучить особенности взаимодействия матери с ребенком в неполной семье, а также обусловленность характера этого взаимодействия ее личностными качествами (семейными ценностями, гендерными характеристиками личности, направленностью локуса контроля).

Респондентами стали 70 женщин, из них 35 матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье, и 35 — воспитывающих ребенка в полной семье. Выборку составили женщины от 29 до 36 лет, имеющие детей 6–8 лет.

Для изучения взаимодействия матери с ребенком использовалась методика «Взаимодействие родитель — ребенок» (ВРР), (вариант для родителей дошкольников и младших школьников), (Марковская, 2006). Для изучения личностных особенностей женщин использовались следующие методики: опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А. Н. Волковой (женский вариант) (Волкова, Трапезникова, 1985); методика «Маскулинность — фемининность» (Бэм, 2004); методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Бажин, Голькина, Эткин, 1984).

Для характеристики специфики взаимодействия матери с ребенком в неполной семье было проведено сравнение показателей по методике ВРР в двух группах женщин — в группе женщин, воспитывающих ребенка в неполной семье и в группе женщин, воспитывающих ребенка в полной семье.

Рассмотрим результаты изучения особенностей взаимодействия матери с ребенком в неполной семье. Результаты методики ВРР представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение респондентов в неполных семьях по уровням выраженности показателей по каждой шкале ВРР, %

Уровень	Шкала ВРР									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Низкий	22	14	14	37	29	17	46	46	28	3
Средний	35	26	35	29	20	40	46	31	18	49
Высокий	43	60	51	34	51	43	8	23	54	43

Примечание. Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность — требовательность. 2. Мягкость — строгость. 3. Автономность — контроль. 4. Эмоциональная дистанция — близость. 5. Отвержение — принятие. 6. Отсутствие сотрудничества — сотрудничество. 7. Тревожность за ребенка. 8. Непоследовательность — последовательность. 9. Воспитательная конфронтация в семье. 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

Из табл. 1 видно, что высокие требования к ребенку предъявляет почти половина одиноких женщин (43%). Немного меньше женщин данной группы проявляют средний уровень требовательности (36%), и лишь 21% респондентов с низким уровнем. Высокая требовательность женщин в неполных семьях может проявляться в желании привить ребенку ответственность и исполнительность. Ввиду того, что на саму женщину возлагается груз ответственности за двоих родителей, она нуждается в помощи и заботится о том, чтобы ее ребенок научился справляться с трудностями уже с детства.

По шкале «мягкость — строгость» больше половины (60%) женщин с высоким уровнем строгости, у остальных матерей выявлен средний (26%) и низкий (14%) уровень строгости. Данная шкала отражает степень принуждения детей к чему-либо, а также строгость и жесткость мер, предъявляемых ребенку в воспитании. Традиционно считается, что следить за дисциплиной детей, учить правилам и наказывать за проступки должен мужчина (отец). В ситуации неполной семьи также важно держать границы. Вероятно, мужскую часть в воспитании ребенка женщина вынуждена брать на себя.

По шкале «автономность — контроль» видно, что самый большой процент женщин с высокими показателями контроля — 51%. Далее, 35% имеют средний уровень и 14% с низкими показателями. Высокие показатели по данной шкале отражают контролирующее поведение матери по отношению к ребенку. Это может проявляться в мелочной опеке, навязчивости и ограничениях, направленных на ребенка. Выстраивая отношения с ребенком в одиночку, женщина вынуждена опираться на свои силы, и высокий контроль может быть обусловлен ее обеспокоенностью ситуацией отсутствия отца в жизни ребенка.

Далее, в группе одиноких женщин были выявлены следующие результаты. В целом показатели шкалы «эмоциональная дистанция — близость» не имеют выраженной полярности, и все показатели находятся примерно на одном уровне:

высокий уровень — 34%, средний — 29%, низкий — 37%. У большинства матерей близкие и теплые отношения с ребенком. Но значительная часть женщин ввиду большой нагрузки эмоционально всё же дистанцируется от ребенка. Такое эмоциональное отношение также можно связать с негативным отношением к бывшему супругу, что может выражаться в эмоциональной дистанцированности по отношению к ребенку.

Данные пятой шкалы «отвержение — принятие» имеют следующую характеристику. Большинство женщин данной группы респондентов имеют высокие показатели принятия (51%). Но почти треть матерей с низким показателем принятия, т.е. проявляют отвергающее отношение к ребенку. Эта шкала отражает базовое отношение к ребенку. Принятие — особенно важная составляющая любых детско-родительских отношений. Для гармоничного развития ребенка ему важно чувствовать себя принятым и любимым.

Шкала «сотрудничество» отражает равенство и партнерство в отношениях матери и ребенка. По данным шкалы большинство женщин сотрудничают с ребенком, высокий показатель у 43%, средний — у 40%, лишь 17% матерей имеют низкие показатели. Можно сказать, что одинокие женщины принимают в ребенке партнера, ведут совместные дела и могут быть с ним на равных. Возможно, за этим стоит необходимость в помощи одинокой матери.

По данным шкалы «тревожность за ребенка» женщины в неполных семьях преимущественно имеют средний и низкий уровень тревожности за ребенка (по 46%). Можно сказать, что тревожность матери за ребенка в неполной семье достаточно адекватна. Наличие волнения за ребенка для женщины нормально и понятно. Показатели повышенной тревожности лишь у 8% женщин.

Шкала «непоследовательность — последовательность» отражает последовательность отношения и мер по отношению к ребенку в воспитании. Для группы одиноких матерей характерна низкая последовательность в воспитании (46% женщин). Меньше женщин со средним уровнем — 31%, а 23% — с высоким уровнем. Последовательность в воспитании — это скорее организационный процесс отношений с ребенком, это то, как мама выполняет свои обещания или наказывает ребенка в соответствии с ее предупреждениями. Тенденция к непоследовательности одиноких женщин может быть обусловлена большой занятостью в силу обстоятельств. Работа, домашние и другие дела не всегда дают матери возможность в полной мере позаботиться о выполнении своих наставлений или обещаний.

Далее рассмотрим показатели шкалы «воспитательная конфронтация в семье». Эта шкала отражает представление матери о наличии или отсутствии разногласий между членами семьи в вопросах воспитания. В группе одиноких женщин выявлен высокий показатель конфронтации — 54%. Больше половины матерей имеют разногласия в вопросах воспитания ребенка (вероятно, с бывшим

Таблица 2

Распределение респондентов в полных семьях по уровням выраженности показателей по каждой шкале ВРР (в %)

Уровень	Шкала ВРР									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Низкий	50	25	28	22	3	14	61	14	45	14
Средний	28	39	33	25	8	47	36	31	36	39
Высокий	22	36	39	53	89	39	3	55	19	47

Примечание. Шкалы ВРР: 1. Нетребовательность — требовательность. 2. Мягкость — строгость. 3. Автономность — контроль. 4. Эмоциональная дистанция — близость. 5. Отвержение — принятие. 6. Отсутствие сотрудничества — сотрудничество. 7. Тревожность за ребенка. 8. Непоследовательность — последовательность. 9. Воспитательная конфронтация в семье. 10. Удовлетворенность отношениями с ребенком.

мужем). Другая половина женщин имеет низкий уровень по данной шкале — 28% и средний — 18%.

Женщины из неполных семей оказались контролирующими, требовательными и строгими в отношении ребенка. Полученные данные отражают разногласия по вопросам воспитания ребенка, очевидно, с бывшим мужем. Они достаточно тепло относятся к детям, последовательны, не проявляют высокой тревожности, сотрудничают с ребенком и в целом удовлетворены отношениями с ним.

Рассмотрим результаты диагностики взаимодействия матери с ребенком в полных семьях. В табл. 2 представлены данные о распределении респондентов по уровням выраженности показателей по каждой шкале ВРР.

Матери в полных семьях проявляют низкую требовательность (50%), показатели среднего уровня — 29%, и 21% женщин с высокими показателями требовательности. Такую тенденцию к заниженным требованиям можно объяснить тем, что, как правило, роль воспитателя, ответственного за дисциплину, исполнительность и предъявление требований, в полной семье берет на себя отец.

Шкала «мягкость — строгость» отражает строгость и жесткость мер, применяемых к ребенку в воспитании. Самый большой процент женщин имеет средний уровень строгости — 39%, высокий — 36% и низкий уровень у 25% женщин. Строгость мер в воспитании ребенка для женщин в полных семьях характерна в равной степени для высокого и среднего уровней.

По шкале «автономность — контроль» выявлены следующие показатели. Больше всего оказалось контролирующих мам — 39%. Средний уровень контроля у 33% женщин и 28% с низким уровнем. Большинство женщин, воспитывающих ребенка в полной семье, всё же характеризует контролирующее поведение по отношению к ребенку.

По данным шкалы «эмоциональная дистанция — близость» большая половина женщин имеет высокие показатели — 53%. Можно сказать, что женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, имеют близкие отношения с ребенком.

Самый большой процент женщин по всем шкалам (89%) выявлен по шкале «отвержение — принятие». Средний и низкий уровень показателей принятия всего у 8% и 3% женщин. Эта шкала отражает базовое отношение к ребенку. Практически все женщины данной группы имеют высокий уровень принятия своего ребенка, его личности, поступков и проявлений.

Шкала «сотрудничество» отражает равенство и партнерство в отношениях матери и ребенка. По данным шкалы большинство женщин сотрудничают с ребенком, высокий показатель у 39%, средний — у 47%, лишь 14% матерей имеют низкие показатели. Можно сказать, что в полных семьях женщины принимают в ребенке партнера, ведут совместные дела и могут быть с ним на равных.

Уровень тревожности за ребенка у матерей, воспитывающих ребенка в полной семье, низкий (61%). Завышенная тревожность выявлена всего у 3% женщин, средняя — у 36%. Низкие и средние показатели по данной шкале могут говорить об адекватном волнении со стороны матери, однако процент родителей с низкими показателями тревожности говорит, что большинство женщин всё же не обеспокоены за ребенка.

По результатам шкалы «непоследовательность — последовательность» можно сказать, женщины данной группы проявляют высокую последовательность в воспитании (55%). Последовательность в воспитании может быть проявлена в выполнении обещаний или исполнении наказаний, соблюдение определенного ритма в отношениях.

Большинство женщин, воспитывающих ребенка в полной семье, не испытывают сложностей в вопросах воспитания, взаимодействуя с членами своей семьи. Шкала «воспитательная конфронтация в семье» отражает степень конфликтности членов семьи в вопросах воспитания ребенка. В группе женщин, воспитывающих ребенка в полной семье, 45% женщин с низкими показателями данной шкалы, у 36% средний уровень и у 19% высокий.

По шкале «удовлетворенность отношениями с ребенком» были получены следующие результаты. Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, оценили свою удовлетворенность отношениями с ребенком как высокую — 47%, средний уровень удовлетворенности у 39% женщин и 14% не удовлетворены отношениями. Таким образом, в целом по группе можно сказать, что степень удовлетворенности отношениями с ребенком высокая.

Обобщая, можно охарактеризовать следующие тенденции взаимодействия матери с ребенком в полных семьях. Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, чаще принимают своего ребенка, выстраивают эмоционально близкие отношения с ним, последовательны в воспитании ребенка. Женщины данной

группы проявляют низкую требовательность в отношениях с ребенком и в целом удовлетворены отношениями с ним.

Сравнивая особенности взаимодействия матери с ребенком в полной и неполной семье по шкалам ВРР, можно сделать следующие выводы. Женщины, воспитывающие ребенка в одиночку, более требовательные, строгие, контролируемые, не всегда последовательные, у них чаще возникают конфликты по поводу воспитания ребенка (очевидно, с бывшим супругом). Матери из полных семей отличаются от женщин из неполных семей большим принятием ребенка, эмоциональным контактом с ним, последовательностью. По уровню сотрудничества, тревожности и удовлетворенности отношениями с ребенком тенденции в обеих группах мало отличаются. Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, не проявляют повышенной тревожности и удовлетворены отношениями с ним.

На статистически достоверном уровне с помощью t-критерия Стьюдента были подтверждены различия во взаимодействии матери с ребенком в полных и неполных семьях по следующим шкалам: «требовательность», «мягкость — строгость», «отвержение — принятие», «тревожность за ребенка», «последовательность — последовательность родителя» и по шкале «воспитательная конфронтация в семье». Женщины из неполных семей более требовательны, строги и тревожны в отличие от матерей в полных семьях. Также различия состоят в том, что мамы из полных семей более принимающие своего ребенка и более последовательны в воспитании, в применении наказаний и поощрений к ребенку. Важным отличием также можно считать разницу в показателях по шкале «воспитательная конфронтация»: в полных семьях реже проявляются разногласия по вопросам воспитания в семье, тогда как одинокие женщины конфликтуют по вопросам воспитания в основном с отцом ребенка.

Ситуация большей строгости мер и высокого уровня контроля по отношению к ребенку со стороны матерей из неполных семей может проявляться в мелочной опеке, навязчивости и ограничительности, что, возможно, обусловлено большим вниманием матери или чувством вины и тревоги за ребенка ввиду отсутствия мужа. Женщина вынуждена опекать ребенка в одиночку, старается взять на себя вопрос воспитания за двоих, тем самым проявляя большую активность в вопросах границ и контроля.

В целом можно отметить, что взаимодействие с детьми матерей из неполных семей носит более деструктивный характер. Матери из неполных семей более требовательные, строгие, тревожные в отличие от матерей из полных семей, также у них меньше уровень принятия и воспитательной последовательности, часто отмечается конфронтация в воспитании ребенка.

Личностные особенности матери будут теми детерминантами, которые объясняют тенденцию к деструктивности их взаимодействия с ребенком. С этой целью был проведен корреляционный анализ между показателями личностных методик респонденток и методике ВРР. По шкале требовательности выявлено

наибольшее количество достоверных связей (8), в том числе 6 из них с семейными ценностями по методике РОП: с хозяйственно-бытовой сферой ($r=0,4$), с родительско-воспитательной функцией ($r=0,47$), социальной активностью ($r=0,4$), эмоционально-психотерапевтической сферой ($r=0,5$), внешней привлекательностью ($r=0,45$) и с показателем значимости семьи в целом ($r=0,43$). Поэтому завышенная требовательность в группе матерей, воспитывающих ребенка в неполной семье, объясняется прежде всего высокой значимостью семейных ценностей. Важность для женщины хозяйственно-бытовой функции, родительско-воспитательной, социальной активности, эмоционально-психотерапевтической, внешней привлекательности и значимость в целом семьи для нее повышают ее требовательность к ребенку. То есть женщина, выполняя двойную нагрузку, сосредоточена только на семье, на ее проблемах, поэтому она предъявляет завышенные требования не только к себе, но и к ребенку, возлагая на него обязанности и ответственность. Также показатель требовательности связан обратной связью с такими показателями по методике УСК, как интернальность неудач ($r = -0,46$) и интернальность межличностных отношений ($r = -0,3$). То есть чем более выражена экстернальность у женщины, тем выше ее требовательность к ребенку.

Таким образом, завышенная требовательность у матерей в неполных семьях объясняется повышением значимости, концентрированностью на семье, очевидно, в силу выполняемой ею двойной ролевой нагрузки и отсутствия направленности на самостоятельное решение проблем семьи.

Тенденция к повышенному контролю по отношению к ребенку со стороны одинокой матери связана с показателями ее ценностей по методике РОП и гендерного статуса по методике С. Бэм. Контроль повышается с повышением значимости хозяйственно-бытовой функции ($r = 0,33$), эмоционально-психотерапевтической ($r = 0,32$) и в целом значимости для нее семьи ($r = 0,35$). То есть с повышением значимости семейных ценностей она не только предъявляет требования ребенку, но и постоянно контролирует выполнение этих требований. Повышенный контроль в форме частых ограничений в отношениях с ребенком также связан с проявлением маскулинных качеств женщин ($r = 0,45$).

Поэтому повышение контролирующей функции со стороны матери, как и завышенная требовательность, объясняется возросшей значимостью для нее семейных ценностей, а также проявлением маскулинных качеств.

Со шкалой «отвержение — принятие» также были получены достоверные связи с показателями личностных методик (всего 4 связи). Деструктивная направленность в отношении к ребенку, выражающаяся в его отвержении, связана со следующими характеристиками ее личности. Со снижением принятия ребенка связано повышение значимости хозяйственно-бытовой функции ($r = -0,4$), повышение маскулинных качеств ($r = -0,43$) и снижение феминных качеств ($r = 0,33$).

Решая множество бытовых проблем, женщина проявляет маскулинные качества, а не мягкость и принятие ребенка.

Некоторое повышение тревожности за ребенка матерей в неполных семьях, по сравнению с группой женщин полных семей, связано с их семейными ценностями. Повышение значимости таких семейных ценностей, как: хозяйственно-бытовая ($r = 0,43$), социальной активности ($r = 0,37$), внешней привлекательности ($r = 0,5$) и общего показателя значимости семьи ($r = 0,37$) повышает тревожность матери за ребенка. Очевидно, она переживает в связи с бытовыми проблемами, проблемами в материальной обеспеченности семьи, которые приходится решать ей одной.

Три связи было выявлено по шкале «непоследовательность — последовательность»: с хозяйственно-бытовой функцией по методике РОП ($r = -0,34$) и показателями феминности ($r = 0,4$), маскулинности ($r = -0,3$) по методике С. Бэм. То есть сконцентрированность женщины на решении бытовых проблем, которые требуют маскулинных качеств, приводит к снижению последовательности воспитательных воздействий по отношению к ребенку. С проявлением традиционно женских качеств матери становятся более последовательными в своем отношении к ребенку.

По шкале «воспитательная конфронтация в семье» выявлено также 3 связи. Скорее всего, конфронтация по поводу воспитания ребенка вызвана выяснением отношений с бывшим супругом. По методике РОП было выявлено две положительные связи с рассматриваемой шкалой ВРР: с хозяйственно-бытовой функцией ($r = 0,43$) и значимостью внешней привлекательности ($r = 0,3$). Конфронтация возникает с повышением значимости бытовых проблем для женщин, которые ей приходится решать самой, и со значимостью ценности внешней привлекательности.

Наименьшее количество связей (1–2 связей) с личностными методиками было выявлено по остальным шкалам ВРР. По шкале «строгость — мягкость» установлена одна связь с локусом контроля по методике УСК: с интернальной направленностью в области достижений. По шкале «эмоциональная дистанция — близость» выявлено две положительные связи: со значимостью эмоционально-терапевтической функции по методике РОП ($r = 0,3$) и феминными качествами по методике С. Бэм. По шкале «отсутствие сотрудничества — сотрудничество» выявлена положительная связь с феминными качествами матери ($r = 0,47$). Таким образом, деструктивная направленность в отношениях с ребенком связана со снижением психотерапевтической функции для женщины и отсутствием у нее феминных качеств.

Обобщая полученные в исследовании результаты, можно сделать следующие выводы.

1. По отношению к ребенку одинокие женщины более требовательные, строгие, контролирующие, не всегда последовательные, у них чаще возникают конфликты по поводу воспитания ребенка (очевидно, с бывшим супругом). Матери из полных семей отличаются от женщин из неполных семей большим принятием ребенка, эмоциональным контактом с ним, последовательностью. По уровню сотрудничества, тревожности и удовлетворенности отношением с ребенком тенденция в обеих группах мало отличается. Женщины, воспитывающие ребенка в полной семье, не проявляют повышенной тревожности и удовлетворены отношениями с ним.

2. Наибольшее количество связей характера взаимодействия матери с ребенком в неполной семье с ее личностными качествами было выявлено по шкале «требовательность». Завышенная требовательность у них объясняется повышением значимости практически всех семейных ценностей (хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной, социальной активности, внешней привлекательности) и отсутствием направленности на самостоятельное решение проблем семьи, связанных с и неудачами и межличностными отношениями.

3. Тенденция к повышенному контролю по отношению к ребенку со стороны одинокой матери связана с показателями ее семейных ценностей. Контроль повышается с повышением значимости хозяйственно-бытовой функции, эмоционально-психотерапевтической и в целом значимости для нее семьи. То есть с повышением значимости семейных ценностей она не только предъявляет требования ребенку, но и постоянно контролирует выполнение этих требований. Повышенный контроль в форме частых ограничений в отношениях с ребенком также связан с проявлением маскулинных качеств женщин.

4. Со шкалой «отвержение — принятие» были получены достоверные связи с показателями личностных методик. Деструктивная направленность в отношении к ребенку, выражающаяся в его отвержении, связана с повышением значимости хозяйственно-бытовой функции, проявлением маскулинных качеств и снижением феминных качеств. Решая множество бытовых проблем, женщина проявляет маскулинные качества, а не мягкость и принятие ребенка.

5. Некоторое повышение тревожности за ребенка матерей в неполных семьях связано с их семейными ценностями. Повышение значимости таких семейных ценностей, как: хозяйственно-бытовая, социальной активности, внешней привлекательности и общего показателя значимости семьи повышает тревожность матери за ребенка, так как она переживает в связи с бытовыми проблемами, проблемами материального обеспечения семьи, которые приходится решать ей одной.

6. Снижение последовательности в воспитании ребенка связано со значимостью для женщины хозяйственно-бытовой функции, а также с повышением маскулинных качеств и снижением феминных. Сконцентрированность женщины на решении бытовых проблем, которые требуют маскулинных качеств, приводит

к снижению последовательности воспитательных воздействий по отношению к ребенку. С проявлением традиционно женских качеств матери становятся более последовательными в своем отношении к ребенку.

7. По шкале «воспитательная конфронтация в семье» выявлено также 3 связи; две положительные связи: с хозяйственно-бытовой функцией и значимостью внешней привлекательности. Конфронтация возникает с повышением значимости бытовых проблем для женщин, которые ей приходится решать самой, и со значимостью ценности внешней привлекательности. Можно предположить, что конфронтация по поводу воспитания ребенка вызвана выяснением отношений с бывшим супругом.

Библиографический список

1. Башкирова, Н. (2007). *Ребенок без папы. Решение проблем неполной семьи*. Москва.
2. Бажин, Е. Ф., Гольнкина, Е. А., Эткин, А. М. (1984). Метод исследования уровня субъективного контроля. *Психологический журнал*, (3), 152–162.
3. Бем, С. (2004). *Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов*. Москва.
4. Волкова, А. Н., Трапезникова Т. М. (1985). Методические приемы диагностики супружеских отношений. *Вопросы психологии*, (5), 110–116.
5. Горлова, Е. А. (2006). Характеристика родительской компетентности как фактора нормативного развития детей раннего возраста. *Психолог в детском саду*, (4), 59–65.
6. Дахно, В. М. (2017). Идентификация с семейными ролями у юношей и девушек из полных и неполных семей. *Человек. Сообщество. Управление*, 18 (3), 81–94.
7. Дружинин, В. Н. (2008). *Психология семьи*. Санкт-Петербург.
8. Карабанова, О. А. (2008). *Психология семейных отношений и основы семейного консультирования*. Москва.
9. Марковская, И. М. (2006). *Тренинг взаимодействия родителей с детьми*. Санкт-Петербург.
10. Нартова-Бочавер, С. К., Несмеянова, М. И., Малярова, Н. В., Мухортова, Е. А. (2001). *Ребенок в карусели развода*. Москва.
11. Наумова, Д. В., Данилова, М. В. (2014). Особенности детско-родительских взаимоотношений в неполных семьях. *Молодой ученый*, (5), 537–540.
12. Николаева, Я. Г. (2012). *Воспитание ребенка в неполной семье*. Москва.
13. Овчарова, Р. В. Мягкова, М. А. (2014). *Материнство в неполной семье*. Курган.
14. Рыжкова, А. В. (2009). *Образ семьи у детей дошкольного возраста и их родителей*. (Автореф. канд. диссертации). Санкт-Петербург.
15. Столин, В. В. (1979). Семья как объект психологической диагностики. В *Семья и формирования личности* (с. 60–78). Москва.
16. Спиваковская, А. С. (1986). *Как быть родителями?* Москва.
17. Филиппова, Г. Г. (2002). *Психология материнства*. Учебное пособие. Москва.
18. Шлыкова, Ю. Б., Лагутова, А. О. (2017). Автобиографические воспоминания о супружеских отношениях и гендерная самооценка женщин. *Человек. Сообщество. Управление*, 17 (3), 73–91.

19. Щербина, С. М. (2016). Особенности отношения приемной матери к ребенку, определяющие успешность его воспитания в замещающей семье. *Человек. Сообщество. Управление*, 17 (2), 41–54.
20. Hakman, M. (2009). The Effect of Task and Maternal Verbosity on Compliance in Toddlers. *Infant and Child Development*, (18), 195–205.
21. Smith, C. L. (2004). Predicting Stability and Change in Toddler Behavior Problems: Contributions of Maternal Behavior and Child Gender. *Developmental Psychology*, 40 (1), 29–42.

Статья поступила в редакцию 24.10.2017.

.....

CONNECTION BETWEEN PERSONALITY TRAITS OF MOTHERS AND THE NATURE OF INTERACTION WITH THE CHILD IN A SINGLE PARENT FAMILY

Hozyainova P. M.

Hozyainova Polina Mihajlovna, Kuban State University,
350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149.
E-mail: h.p.m@mail.ru

In contemporary reality, the single-parent family in most cases consists of the mother with one or several children, i.e. is actually maternal one. The women in these conditions have to keep the house alone, have to think about the material well-being of the family, bring up children — performing their maternal functions and compensating the absence of paternal ones. Such restructuring of family roles changes the personality traits of a woman and affects the personality development of her child through their mutual relationships. This situation requires investigation of the phenomenon of motherhood in a single-parent family from the viewpoint of the impact of her personality characteristics on the mutual relationship with the child.

The article describes particular aspects of mother-child interaction in two-parent and single parent families. The comparative characteristics of the interaction between mother and child are given for both groups of women. The specific aspect of mother-child interaction has been distinguished with reference to single parent families, manifested by the destructive nature of their relation to the child. Mothers raising a child in a single parent family are more demanding, controlling, excessively anxious about the child, demonstrating more educational and character-building confrontation than women raising a child in a two-parent family. Further, the interconnection has been observed between the personality traits of a woman being a mother in a single parent family and the nature of her interaction with her child. Such personal traits of women have been distinguished which may be transformed under the impact of the double role load borne in such families: family values and gender aspects. The destructive trends in relation to the child are connected with higher significance of such family values as social activity, household aspects and attractive appearance. The occurrence of masculine features leads to lower degree of the acceptance of child, inconsistency of upbringing and excessive control. Thus, a conclusion has been made about the interconnection between the personality traits of a woman being a mother raising her child in a single parent family with the nature of her interaction with the child.

Keywords: single parent family, personality traits of women, interaction with the child, mother-child interaction, family values.

References

1. Bashkirova, N. (2007). *Rebenok bez papy. Reshenie problem nepolnoj sem'i* [The Child Without Dad: Solving Problems of Single-Parent Families]. Moscow.
2. Bazhin, E. F., Golyunkina, E. A., Jetkind, A. M. (1984). Metod issledovanija urovnja sub'ektivnogo kontrolja [Method of Studying the Level of Psychological Control]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Magazine], (3), 152–62.
3. Bem, S. (2004). *Linzi gendera: Transformatsija vzgl'adov na problemu neravenstva polov* [The Lenses of Gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality]. Moscow.
4. Dakhno, V. M. (2017). Identifikatsiya s semeynymi rolyami u yunoshey i devushek iz polnykh i nepolnykh semey [Identification with Family Roles of Boys and Girls from Complete and Incomplete Families]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 18 (3), 81–94.
5. Druzhinin, V. N. (2008). *Psihologija sem'i* [The Psychology of Family]. St. Petersburg.
6. Filippova, G. G. (2002). *Psihologija materinstva* [Psychology of Motherhood]. Student Book. Moscow.
7. Gorlova, E. L. (2006). Harakteristika roditel'skoj kompetentnosti kak faktora normativnogo razvitiya detej rannego vozrasta [The Characteristics of Parental Adequateness as a Factor of Standard Development in Early Childhood]. *Psiholog v detskom sadu* [Kindergarten Psychologist], (4), 59–65.
8. Hakman, M. (2009). The Effect of Task and Maternal Verbosity on Compliance in Toddlers. *Infant and Child Development*, (18), 195–205.
9. Karabanova, O. A. (2008). *Psihologija semejnyh otnoshenij i osnovy semejnogo konsul'tirovanija* [The Psychology of Family Relationships and Basics of Family Consulting]. Moscow.
10. Markovskaja, I. M. (2006). *Trening vzaimodejstvija roditel'ej s det'mi* [Parents-Children Interaction Training]. St. Petersburg.
11. Nartova-Bochaver, S. K., Nesmeyanova, M. I., Malyarova, N. V., Mukhtorova, E. A. (2001). *Rebenok v karuseli razvoda* [A Child in the Whirl of Divorce] Moscow.
12. Naumova, D. V., Danilova, M. V. (2014). Osobennosti detsko-roditel'skih vzaimootnoshenij v nepolnyh sem'yah [Specific Features of Child-Parent Relationships in Single-Parent Families]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], (5), 537–540.
13. Nikolaeva, Ja. G. (2012). *Vospitanije detej v nepolnoj sem'je* [Parenting of Children in Single Parent Families]. Moscow.
14. Ovcharova, R. V., Myagkova, M. A. (2014). *Materinstvo v nepolnoj sem'e* [Motherhood in Single-Parent Families]. Kurgan.
15. Ryzhkova, A. V. (2009). "Obraz sem'i" u detej doshkol'nogo vozrasta i ih roditel'ej [The "Family Image" of Pre-School Age Children and Their Parents]. (Abstract of Cand. Dissertation). St. Petersburg.
16. Scherbina, S. M. (2016). Osobennosti otnosheniya priemnoj materi k rebenku, opredelyayushchie uspechnost' ego vospitaniya v zameshchayushchey sem'e [Peculiarities of foster mother's relationship to child, determine the success of his upbringing in a foster family]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 17, (2), 41–54.
17. Shlykova, Yu. B., Lagutova, L. O. (2016). Avtobiograficheskie vospominaniya o supruzheskikh otnosheniyakh i gendernaya samoosnena zhenshchin [Autobiographical memo-

- ries about marital relations and gender self-esteem women]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management]. 17, (3), 73–91.
18. Smith, C. L. (2004). Predicting Stability and Change in Toddler Behavior Problems: Contributions of Maternal Behavior and Child Gender. *Developmental Psychology*, 40 (1), 29–42.
 19. Spivakovskaja, A. S. (1986). *Kak byt' roditeljami?* [How to Be Parents?] (pp. 150–160). Moscow.
 20. Stolin, V. V. (1979). Sem'ja kak ob'ekt psihologicheskoy diagnostiki [Family as a Subject of Psychological Diagnostic Assessment]. *Sem'ja i formirovanija lichnosti* [The Family and Formations of Personality]. Moscow.
 21. Volkova, A. N., Trapeznikova, T. M. (1985). Metodologicheskie pri'omi diagnostiki seme'nih odnoschenij [Methodical Receptions of Diagnostics of Matrimonial Relations]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], (5), 110–116.

ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОБЗОР НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ И КОНЦЕПЦИЙ

Покуль В. О.

Покуль Владимир Олегович, Кубанский государственный университет, 350040,
Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: pokulv@mail.ru

В статье предпринята попытка показать, как потребительское поведение актуализируется в качестве объекта научного анализа в экономических, социальных, гуманитарных исследованиях. Показано, что в большинстве определений поведения потребителей основной акцент ставится на приобретении товара и принятии решения о покупке, при этом большая часть подходов рассматривает покупательское поведение как синоним потребительского.

Различные теоретические ракурсы в исследовании феномена потребительского поведения нередко либо приводят к его односторонней интерпретации, либо основываются на эклектической экстраполяции знаний из одной научной области в другую. Именно этим можно объяснить разнообразие используемых понятий, обозначающих по сути одно и то же явление («потребительское поведение», «экономическое поведение», «поведение потребителей», «покупательское поведение»). Однако разностороннюю сущность данного явления пока не удастся раскрыть.

В новом веке актуальность научного обоснования объективных маркеров потребительского поведения обуславливается и тем, что, благодаря развитию технологий web 2.0, в частности, социальных медиа, потребители активно интегрируют свою реальную жизнь в онлайн среду. Анализ этих процессов показывает, что некоторые аспекты поведения личности в Интернете идентичны поведению потребителей в реальной жизни, некоторые диаметрально противоположны, а некоторые не имеют никакой связи с классическими моделями потребительского поведения, сложившимися в теориях маркетинга.

Размышления над видением феноменологии потребительского поведения в трудах маркетологов, социологов, психологов приводят к убеждению, что дальнейшее развитие теории и практики потребительского поведения требует междисциплинарного подхода, в рамках которого группы ученых, представляющих разные области науки, смогут проводить совместные исследования этого сложного социально-экономического, психологического явления.

Ключевые слова: поведение потребителей, экономическое поведение, психология маркетинга, социальные медиа.

Концепция современного маркетинга построена на выстраивании эффективного взаимодействия с потребителем. При этом значимость изучения самого потребительского поведения актуализируется с каждым днем, особенно с массовым переходом потребителей в виртуальную среду, появлением социальных медиа

и информатизации экономики в целом. Несмотря на то что в многочисленных публикациях как отечественных, так и зарубежных исследователей конструкт «потребительское поведение» встречается часто, четко выявленных дефиниций ключевых составляющих (потребитель и его поведение) найти достаточно трудно. Нередко рассматриваемые компоненты конструкта не соответствуют, а иногда и противоречат общепризнанному практикой пониманию данного явления.

Терминологическая путаница возникает еще и потому, что существует несколько смежных терминов, использование которых часто носит «размытый», свободный характер. Понимая под ними одно и то же явление, авторы используют понятия «потребительское поведение», «экономическое поведение», «поведение потребителей» и «покупательское поведение» как синонимы. Однако для некоторых сфер деятельности и объектов исследования разница между этими понятиями является принципиальной и требует дополнительного разграничения.

Поведение потребителей как объект исследования в настоящее время является междисциплинарным, объединяя экономические, маркетинговые, социологические и психологические знания. С экономической точки зрения потребление — это использование товара в процессе удовлетворения потребностей. В экономической науке потребление идентифицируется с получением благ или услуг и становится возможным ввиду получения дохода или траты сбережений (Гущина, 2012).

Некоторые исследователи психологического направления (О. С. Дейнека, В. И. Верховин, О. С. Посыпанова) выделяют отдельный вид поведения — экономическое поведение, понимая под ним поведение, вызванное экономическими стимулами, и деятельность хозяйствующего субъекта. В работах названных авторов экономическое поведение рассматривается как объект экономической психологии — современной отрасли психологического знания, направленной на исследование процессов и механизмов, лежащих в основе потребления или других типов экономического поведения, прежде всего предпочтений, выборов, принятий решения и влияющих на них факторов.

О. С. Дейнека рассматривает экономическое поведение в трех аспектах (компонентах) его проявления: когнитивном (познавательный компонент); аффективном (эмоциональный компонент) и конативном (действенно-динамический компонент) (Дейнека, 2000).

В. И. Верховин определяет экономическое поведение как «систему социальных действий, которые, во-первых, связаны с использованием различных по функциям и по назначению ограниченных экономических ценностей (ресурсов), во-вторых, ориентированы на получение пользы (выгоды, вознаграждения, прибыли) от их обращения» (Верховин, 2015).

Как можно сделать вывод, потребительское поведение является частной формой экономического поведения, а основные субъекты экономического поведения — компании и покупатели (заметим: не потребители).

С точки зрения современного маркетинга существуют три основные фундаментальные работы, на которых построено обучение маркетологов и смежных с маркетингом дисциплин. Это работы Ф. Котлера; книга Р. Блэкуэлла, П. Миниарда, Дж. Энджел «Поведение потребителей», а также глава книги «Менеджмент, ориентированный на рынок» Ж. Ламбена, которая носит название «Анализ потребностей покупателей» (Котлер, Келлер 2014; Блэкуэлл, Миниард, Энджел 2007; Ламбен, Чумпитас, Шулинг, 2014).

Проведя анализ рассматриваемых в этих исследованиях подходов, можем выделить следующие наиболее значимые, на наш взгляд, аспекты.

Во-первых, по мнению Р. Блэкуэлла, П. Миниарда, наука о поведении потребителей отвечает на вопрос: «почему люди покупают?» и определяется как «действия, предпринимаемые людьми при приобретении, потреблении товаров и услуг и избавлении от них». Ключевыми действиями в данном подходе являются: *приобретение* (действия, ведущие к покупке и включающие покупку или заказ продукта); *потребление* (то, как, где, когда и при каких обстоятельствах потребители используют товары); *освобождение* (то, как потребители избавляются от товара и упаковки) (Блэкуэлл и др. 2007).

Во-вторых, Ж. Ламбен и соавторы (Ламбен, Чумпитас, Шулинг, 2014) приводят более 20 различных концепций, объясняющих поведение потребителей. Однако существенным является тот факт, что авторы этих концепций никогда не изучали данный феномен и рассматривали совершенно иные закономерности в контексте психологии, психодиагностики и даже физиологии. Но адаптация психологических теорий и инструментов для маркетинга должна строиться с учетом их исходной психологической базы, что в книге не прослеживается. Довольно спорной является целесообразность применения гуманистических, психоаналитических психологических концепций XX в. к такой категории, как «поведение потребителей», без дополнительных эмпирических исследований. Ведь XXI в. стал ареной развития массового потребления не только во всех его традиционных формах, но и в новых, обусловленных процессами информатизации и широкого популяционного распространения Интернета.

В-третьих, известно, что взгляды Ф. Котлера последние 30 лет являются общепризнанной классикой маркетинга. Поведение потребителей Ф. Котлер описывает как «процесс выбора, приобретения, использования и ликвидации товаров, услуг, идей или впечатлений отдельными покупателями, группами и организациями для удовлетворения своих нужд и желаний» (Котлер, 2014). Ф. Котлером разработана модель поведения потребителя (см. рисунок).

Модель Ф. Котлера показывает, что поведение потребителя не определяется первичной формулой поведения, предложенной бихевиоризмом: «S — R» («Стимул» — «Реакция»). Маркетинговые или иные раздражители (стимулы) напрямую не обуславливают процесс выбора, тем более принятие решения о покупке. Между этими двумя блоками находится центральный — личность

Модель поведения потребителя Ф. Котлера (Котлер, Келлер, 2014)

потребителя с его психологическими особенностями, культурными, социальными, персональными характеристиками.

В рамках социологии потребительское поведение можно понимать как осуществляемые индивидом серии взаимосвязанных социальных актов, включающие осознаваемые им общественные интересы и потребности, поиск информации (услуга или товар), оценку альтернатив и непосредственно покупку (Ромашкова, 2003). С точки зрения экономической социологии поведенческие мотивы могут выходить за рамки только экономических целей (удовлетворение потребностей). Таким образом, потребитель рассматривается не как «человек экономический», основывающийся исключительно на рациональном выборе, но и как «человек институциональный», активно участвующий в хозяйственном процессе (Иншаков, 2008).

С. В. Голиков рассматривает поведение потребителей как совокупность в пространстве и во времени последовательных действий, поступков потребителя, актуализированных экономическими, политическими, социальными, эстетическими, этическими, педагогическими или психологическими установками, направленными на осознание потребностей, интересов, ожиданий и предпочтений для достижения определенных результатов (Голиков, 2007).

Е. В. Рибокене напрямую апеллирует к понятию «потребительское поведение» и рассматривает его как вид мотивированной деятельности индивида. Эта деятельность направлена не только на удовлетворение потребностей, но и на развитие рабочей силы как основы материальной адаптации (Рибокене, 2001).

Как процессы передачи-получения и обработки информации потребителем потребительское поведение рассматривает С. И. Добрыднев (Добрыднев, 2005). По сути об этом же, но расширяя интерпретацию процессов передачи-получения и обработки информации, пишет о потребительском поведении М. Д. Красильникова. По ее мнению, поведение потребителей — это «совокупность

признаков и показателей, характеризующих действия потребителей, включая их потребительские предпочтения, спрос на товары и услуги, структуру потребления, способы использования доходов» (Красильникова, 2003, 125).

Если обратиться к ключевому термину рассматриваемого нами конструкта «поведение», то, конечно, необходимо привести его разъяснение в традициях современной психологии. В Кратком психологическом словаре, изданном под редакцией А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского, поведение определено как «совокупность направленных действий субъекта, реализуемых им согласно закономерностям внутреннего развития и взаимодействия, со средой» (Петровский, Ярошевский, Карпенко, 1998). Надо отметить, что наибольшее внимание изучению поведения потребителей уделяется в социальной и экономической психологии. Так, О. С. Дейнека, рассматривая поведение потребителей, опирается на базовые категории микроэкономики (закон и виды спроса, исключения из закона спроса и т.д.), добавляя к ним психологические компоненты, объясняющие те или иные иррациональные (с экономической точки зрения) поступки потребителя. При этом в центре внимания — товар и действия субъекта «вокруг» него (Дейнека, 2000).

Понимание поведения потребителей в монографии О. С. Посыпановой основывается на уже упомянутых подходах Р. Блэкуэлла, П. Миниарда. Автор рассматривает его как вид социальной активности, непосредственно вовлеченной в обретение, использование и избавление от продуктов, услуг, идей (включая процессы решений, предшествующие этой активности и следующие за ней) (Посыпанова, 2012). Исходя из предложенного определения, можно заметить, что автор расширяет границы понимания данной категории, включая в нее постпокупочное взаимодействие с компанией, но, что более интересно, — процессы, предшествующие деятельности по обретению продукта. Однако в монографии остается нераскрытым вопрос: что включается в эти действия? При этом приобретение товара остается фокусом рассмотрения понятия потребительского поведения. Опираясь на подход О. С. Дейнеки, О. С. Посыпанова также предлагает рассматривать когнитивные, аффективные и конативные компоненты и для понимания психологической сути потребительского поведения (там же).

С юридической точки зрения *потребитель* — «гражданин, имеющий намерения заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» (Гражданский кодекс РФ, 2017). Иными словами, потребитель — лицо, не только приобретающее товар (реализуя покупательское поведение), но и имеющее намерение сделать это. При этом понятие, границы и сроки «намерения» нигде не определяются и не обосновываются. Соответственно потребитель, даже с точки зрения законодательства, не всегда покупатель, но в то же время он имеет какую-то связь с компанией.

Несколько другая трактовка потребителя используется в политике. Очень часто можно встретить, что в ходе предвыборных кампаний и в теории политического маркетинга понятия «избиратель» и «потребитель» отождествляются, несмотря на очевидный факт, что потребители информационного политического воздействия и избиратели конкретного кандидата могут кардинально отличаться.

Из приведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. В большинстве определений и подходов к пониманию поведения потребителей основной акцент ставится на приобретении товара и принятии решения о покупке. В то же время мы видим, что некоторые ученые расширяют действия «вокруг» товара, включенные в дефиницию потребительского поведения. Однако большая часть подходов рассматривает покупательское поведение вместо потребительского. Именно установление границ и форм перехода одного вида поведения в другое при взаимодействии человека с компанией и является, по нашему мнению, первоочередной задачей развития методологии изучения поведения потребителей. В подтверждение целесообразности такого подхода можно обратиться к опыту Научного института маркетинга (MSI). В «Научных приоритетах 2010–2012» (каталог, включающий наиболее важные направления изучения в маркетинге на два обозначенных года) MSI указал вопрос изучения поведенческого проявления действий потребителей в отношении бренда или компании «поверх покупки» как одного из ключевых аспектов изучения современного потребителя (MSI research priorities, 2010). По мнению S. Vivek и R. Morgan, интерес и значимость исследования поведения потребителей «поверх покупки» предполагают фокус на людях, которые взаимодействуют с брендом без обязательной покупки или ее планирования (Vivek, Morgan, 2012).

2. Для рассмотрения «поведение потребителей» как междисциплинарной категории требуется полноценная интеграция подходов, складывающихся в социальной психологии, маркетинге с учетом общеэкономических и психологических закономерностей. Эkleктическая экстраполяция знаний из одной научной области в другую будет носить поверхностный характер, что мы и наблюдаем в исследованиях в настоящее время: ученые-психологи пытаются интерпретировать законы, давно исследованные и считающиеся классическими в микроэкономике; ученые-экономисты и маркетологи используют общепринятые подходы классиков психологии XX в. механистически прилагая их к создаваемым концепциям и моделям. Можно полагать, что дальнейшее развитие теории и практики потребительского поведения требует проектного подхода, в рамках которого образуется группа ученых, представляющих разные сферы науки, для проведения совместных исследований.

3. Существенным является тот факт, что большинство теорий и подходов к рассмотрению поведения потребителей основывается на устаревших законах, особенностях и парадигмах поведения. Потребитель сегодня это не просто человек, который является объектом рекламного воздействия со стороны ком-

паний, что стимулирует его приобретать тот или иной товар. Это гиперинформированные скептики относительно любых предложений. Благодаря развитиям технологий web 2.0 и социальных медиа, в частности, потребители интегрируют свою реальную жизнь в онлайн среду, искажая при этом классические модели потребительского поведения. Распространение психологических особенностей потребительского поведения в реальной жизни на понимание такового в социальных медиа является непродуктивным, поскольку некоторые аспекты поведения в Интернете идентичны поведению потребителей в реальной жизни, некоторые диаметрально противоположены, а некоторые не имеют никакой связи с поведением, рассматриваемым в теории классического маркетинга (Покуль, 2013).

4. Приведенные данные демонстрируют объективно сложившийся междисциплинарный ракурс интерпретации понятия «поведение потребителей», приобретающего все более выраженный статус категориальности в экономических, политических, гуманитарных, в том числе психологических, науках. Столь выраженное внимание к научному анализу данного явления подтверждает актуальность развития его комплексных научно-экспериментальных исследований.

Библиографический список

1. Блэкуэлл, Р., Миниард, П., Энджел, Дж. (2007). *Поведение потребителей*. Санкт-Петербург.
2. Верховин, В. И. (2015). *Экономическое поведение: Учебное пособие: в 2 частях*. Москва.
3. Голиков, С. В. (2007). *Поведение потребителей духовной продукции в современной России*. (Канд. диссертация). Уфа.
4. Гражданский кодекс РФ. Редакция ГК РФ от 29.12.2017 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2018. Режим доступа http://kodeks.systems.ru/gk_rf/
5. Гущина, Е. Г., Витальева, Е. М. (2012). Модели потребительского поведения индивида с точки зрения различных наук. *Вестник АГТУ. Сер.: Экономика*, (2), 136–142.
6. Дейнека, О. С. (2000). *Экономическая психология: Учебное пособие*. Санкт-Петербург.
7. Добрыднев, С. И. (2005). Генетический анализ продукта. *Маркетинг в России и за рубежом*, (3). Режим доступа <http://www.mavriz.ru/articles/2005/3/3753.html>
8. Иншаков, О. В., Белобородько, А. М., Фролов, Д. П. (2008). *Биржа: эволюция экономического института*. Волгоград.
9. Котлер, Ф., Келлер, К. Л. (2014). *Маркетинг менеджмент*. 14-е изд. Санкт-Петербург.
10. Красильникова, М. Д. (2003). Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России. *Проблемы прогнозирования*, (2), 124–135.
11. Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г., Карпенко, Л. А. (ред.) (1998). *Краткий психологический словарь*. 2-е изд. Ростов-на-Дону.
12. Ламбен, Ж.-Ж., Чумпитас, Р., Шулинг И. (2014). *Менеджмент, ориентированный на рынок*. 2-е изд. Санкт-Петербург.

13. Покуль, В. О. (2013). Трансформация подходов к изучению потребительского поведения под влиянием информатизации экономики. *European Social Science Journal*, (10–2), 435–441.
14. Посыпанова, О. С. (2012). *Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей*. Монография. Калуга.
15. Рибокене, Е. В. (2001). *Экономическое поведение потребителей в условиях транзитивной экономики России*. Автореф. канд. диссертации. Саратов.
16. Ромашкова, Е. М. (2003). *Поведение потребителей на рынке услуг: социологический анализ*. Автореф. канд. диссертации. Москва.
17. Gaile-Sarkane, E., Andersone, I. (2009). Consumer Behavior Changing: Methods of Evaluation. *Trends of Economics and Management*, 3 (4), 63–71.
18. Kruglanski, A. W., Higgins, E. T. (Eds.) (2007). *Social Psychology: Handbook of Basic Principles*. New York.
19. Marketing Science Institute Research Priorities 2010–2012. (2010). Retrieved from <http://image.sciencenet.cn/olddata/kexue.com.cn/upload/blog/file/2010/9/201091515178616316.pdf>
20. Vivek, S. D., Beatty, S. E., Morgan, R. M. (2012). Customer Engagement: Exploring Customer Relationships Beyond Purchase. *The Journal of Marketing Theory and Practice*, 20 (2), 127–145.
21. Vainikka, B. (2015). *Psychological factors influencing consumer behavior*. Bachelor's Thesis. Centria university of applied sciences. Kokkola. Retrieved from <http://www.theseus.fi/handle/10024/96405>

Статья поступила в редакцию 23.11.2017.

.....

CONSUMER BEHAVIOUR AS A SUBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH: OVERVIEW OF SCIENTIFIC VIEWS AND CONCEPTS

Pokul V. O.

Pokul Vladimir Olegovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149. E-mail: pokulv@mail.ru

The article seeks to demonstrate how consumer behaviour is actualized as a subject of scientific analysis in economic, social and humanitarian studies. It is shown that most definitions of consumer behaviour are emphasized on buying an article and making a decision on purchase, and most approaches consider purchase behaviour a synonym of a consumer one.

Different theoretical viewpoints in the studies on consumer behaviour either often lead to its single-sided interpretation or are based on eclectic extrapolation of knowledge from one academic field to another. This very fact explains diversity of applied notions that basically mean the same phenomenon ("consumer behaviour", "economic behaviour", "behaviour of customers", "purchase behaviour"). However, many-sided nature of this phenomenon has not been discovered yet.

In the new age, scientific grounding of impartial markers of consumer behaviour becomes urgent due to the fact that web 2.0 technologies, in particular social media, allow consumers to actively integrate their real life into the online space. The analysis of these processes demonstrates that some aspects of personal behaviour on the Internet are identical to real-life consumer behaviour, others are completely opposite, and finally there are aspects that bear no relation to classical models of consumer behaviour which were formed in marketing theories.

Reflections on vision of consumer behaviour phenomenology in papers of marketing experts, sociologists and psychologists lead to a belief that further development of the theory and practice of consumer behaviour requires an interdisciplinary approach which will allow a group of different-field researchers to pursue joint studies on this complex socioeconomic and psychological phenomenon.

Keywords: consumer behaviour, economic behaviour, marketing psychology, social media

References

1. Blackwell, R., Miniard, P. & Engel, J. (2007). *Povedenie potrebiteley* [Consumer Behaviour]. 10th ed. St. Petersburg.
2. Deyneka, O.S. (2000). *Jekonomicheskaja psihologija* [Economic Psychology]. Textbook. St. Petersburg.
3. Dobrydnev, S. I. (2005). Geneticheskij analiz produkta [Genetic Analysis of a Product]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and Abroad], (3). Retrieved from <http://www.mavriz.ru/articles/2005/3/3753.html>
4. Gaile-Sarkane, E. & Andersone, I. (2009). Consumer Behavior Changing: Methods of Evaluation. *Trends of Economics and Management*, 3 (4), 63–71.
5. Golikov, S.V. (2007). *Povedenie potrebitelej duhovnoj produkcii v sovremennoj Rossii* [Behaviour of Non-Material Product Consumers in Modern Russia]. (Abstract of Cand. Dissertation). Ufa.
6. Grazhdanskij kodeks RF [Civil Code of the Russian Federation], RF Civil Code edition dated 29.12.2017 with amend. from 01.01.2018. Retrieved from http://kodeks.systems.ru/gk_rf/
7. Gushchina, E. G. & Vitalieva, E. M. (2012). Modeli potrebitel'skogo povedenija individa s tochki zrenija razlichnyh nauk [Models of Consumer Behaviour from the Perspective of Different Sciences]. *Vestnik AGTU. Ser.: Ekonomika* [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics], (2), 136–142.
8. Inshakov, O. V., Beloborodko, A. M. & Frolov, D. P. (2008). *Birzha: jevoljucija jekonomicheskogo instituta* [Exchange: Evolution of Economic Institute]. Volgograd.
9. Kotler, F. & Keller, K.L. (2014). *Marketing Management*. 14th ed. St. Petersburg.
10. Krasilnikova, M. D. (2003) Izuchenie social'nyh nastroenij i potrebitel'skogo povedenija naselenija Rossii [Study on Social Sentiments and Consumer Behaviour of Russian Population]. *Problemy prognozirovanija* [Issues of Forecasting], (2), 124–135.
11. Kruglanski, A. W. & Higgins, E. T. (Eds.) (2007). *Social Psychology: Handbook of Basic Principles*. New York.
12. Lambin, J.-J., Chumpitaz, R. & Schuiling, I. (2014). *Menedzhment, orientirovannyj na rynek* [Market-Driven Management]. 2nd ed. St. Petersburg.
13. Marketing Science Institute Research Priorities 2010–2012. (2010). Retrieved from <http://image.sciencenet.cn/olddata/kexue.com.cn/upload/blog/file/2010/9/201091515178616316.pdf>
14. Petrovskiy, A. V., Yaroshevskiy, M. G., Karpenko, L. A. (Eds.) (1998). *Kratkij psihologicheskij slovar'* [Concise Psychological Dictionary]. 2nd. Rostov-On-Don.
15. Pokul, V.O. (2013) Transformacija podhodov k izucheniju potrebitel'skogo povedenija pod vlijaniem informatizacii jekonomiki [Transformation of Approaches of Studying

- Consumer Behaviour under the Influence of Informatization of Economy. *European Social Science Journal*, (10–2), 435–441.
16. Posypanova, O. S. (2012). *Jekonomicheskaja psihologija: psihologicheskie aspekty povedenija potrebitelej* [Economic Psychology: Psychological Aspects of Consumer Behaviour]. Monograph. Kaluga.
 17. Ribokene, E. V. (2001). *Jekonomicheskoe povedenie potrebitelej v uslovijah tranzitivnoj jekonomiki Rossii* [Economic Behaviour of Consumers under the Conditions of Transition Economy of Russia]. (Abstract of Cand. Dissertation). Saratov.
 18. Romashkova, E. M. (2003). *Povedenie potrebitelej na rynke uslug: sociologicheskij analiz* [Consumer Behaviour in the Services Market: Sociological Analysis]. (Abstract of Cand. Dissertation). Moscow.
 19. Vainikka, B. (2015). *Psychological factors influencing consumer behavior*. Bachelor's Thesis. Centria university of applied sciences. Kokkola. Retrieved from <http://www.theseus.fi/handle/10024/96405>
 20. Verkhovin, V. I. (2015). *Jekonomicheskoe povedenie* [Economic Behaviour]: Textbook in 2 parts. Moscow.
 21. Vivek, S. D., Beatty, S. E. & Morgan, R. M. (2012). Customer Engagement: Exploring Customer Relationships Beyond Purchase. *The Journal of Marketing Theory and Practice*, 20 (2), 127–145.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Белых Татьяна Викторовна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой консультативной психологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Елсаков Антон Сергеевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Кзакова Анна Юрьевна, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры философии и социологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия.

Князев Евгений Борисович, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Лошкарёв Иван Дмитриевич, преподаватель кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, Москва, Россия.

Покуль Владимир Олегович, кандидат экономических наук, преподаватель кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Рогочая Галина Петровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Савва Елена Владимировна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Улько Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Хозяинова Полина Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Belykh Tat'jana Viktorovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Department of Consultative Psychology, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia.

Elsakov Anton Sergeevich, Postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Hozyainova Polina Mihajlovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Kazakova Anna Yuryevna, Candidate of Sociological Science, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia.

Knyazev Evgeny Borisovich, Postgraduate student, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia.

Loshkariov Ivan Dmitrievich, lecturer of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Pokul Vladimir Olegovich, Candidate of Economic Sciences, lecturer of the Department of World Economy and Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Rogochaya Galina Petrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Political Science and Political Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Savva Elena Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Political Science and Political Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Smorgunov Leonid Vladimirovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Management, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Ulko Elena Vasil'evna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Sociology of Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).

Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа, 1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience, 123*, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarenniy rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoj dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы *журнала* или *книгоиздателя*.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rossyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.